

0

OPERA UNIVERSITATIS SLAVIANICAE BAKU

**LINGVAE
ET ARTES
GAUCASI**

Baku - 2005

2005

364

Ш160

Q-16

BAKI SLAVYAN UNIVERSITETI

“QAFQAZ. DİLLƏR VƏ
MƏDƏNİYYƏTLƏR”
ELMİ CƏMİYYƏTİNİN ƏSƏRLƏRİ

OHKST

ТРУДЫ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
«КАВКАЗ. ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»

PROCEEDINGS OF THE
SCIENTIFIC ASSOCIATION
«THE CAUCASUS.
LANGUAGES AND CULTURES»

51457

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kتابخانəsi

BAKI - 2005 - BAKU

ARXIV

933362

Elmi redaktor
A.M.Məmmədli

Redaksiya heyəti
V.S.Xıdırov
X.O.İsazadə
E.Ş.Şahbalayev

«Qafqaz. Dillər və mədəniyyətlər» elmi cəmiyyətinin əsərləri. – Bakı:
Mütərcim, 2005. – 220 səh.

Q $\frac{5000000000}{026}$ 92 – (04)05

© Mütərcim, 2005

ÖN SÖZ

Bizim üçün **Qafqaz** sanki izah olunmaz bir füsunkarlıqdır. Bizim şüurumuzda **Qafqaz** təbiətin və insanın xüsusi əzəməti ilə bağlıdır. **Qafqazda** hər biri, həqiqətən də, yüksək üslubi tərifi layiq «əsil qafqazlılar» adını daşıyan çoxlu xalqlar yaşayır.

Qafqaz bütün ümumbəşəri keyfiyyətlərin bir özəllik kəsb etdiyi son dərəcə gözəl bir diyardır. **Qafqazlılar** qeyri-adi zəhmətsevərlik, nadir qonaqpərvərlik, əfsanəvi cəsurluq, heyranedicə qəlb genişliyi və son dərəcə gözəl simaları özlərində cəmləşdirirlər. Döyüşkənliklərinə və bəzi baxmayaraq, qafqazlılar olduqca tez inanan və sadələhvdürlər, ona görə də onların tarixi faciələrlə doludur.

Qafqaz hələ də qədim ümumbəşəri mədəniyyətin nadir izlərini qoruyur. Burada indi də cəmi bir neçə min adamın danışdığı dillər mövcuddur. Bu dillərin öyrənilməsi və qorunub saxlanması bütün bəşəriyyətin həll etməli olduğu böyük əhəmiyyətə malik məsələdir.

Qafqaz yəhudilik, xristianlıq və islamın qədim abidəsidir. Burada çox dəyərli əlyazmalar, qayaüstü yazılar, monastırlar, kilsələr, məscidlər və sınaqoqlar saxlanılır. **Qafqazda** daim böyük dini müəllimlər yaşamışlar ki, bir sıra mistik təlimlər də öz başlanğıcını buradan götürür.

Üç insan irqindən biri **Qafqaz** irqi adını almışdır. Bioloqların fikrincə, təmiz irq yoxdur, lakin biz bu adda rəmzi mənə görmək fikrindəyik və qloballaşmanın bu sahəyə aid olmamasını istəyirik.

Qafqaz hələ də öyrənilməmiş olaraq qalır. Biz bir çoxu itməkdə olan **Qafqaz** dillərini bilmirik, biz onun öz təkrarsızlığını cidd-cəhdlə qorumağa məcbur edən ənənələri bilmirik, biz onun üzərində minilliklərin izlərini saxlayan daşlarını tanımırıq. Biz, sadəcə, **Qafqazı** çox sevirik və bu kitab da böyük məhəbbətin kiçik bir hədiyyəsidir.

A.M.Məmmədli

professor, Bakı Slavyan Universitetinin

«**Qafqaz. Dillər və mədəniyyətlər**»
elmi cəmiyyətinin rəhbəri,

BSU-nun elmi işlər üzrə prorektoru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для нас в слове **Кавказ** есть какое-то необъяснимое очарование. Кавказ ассоциируется в нашем сознании с особым величием природы и человека. Кавказ населяет множество народов, каждый из которых заслуживает, казалось бы, нейтрального, но на самом деле стилистически высокого определения «исконные кавказцы».

Кавказ – удивительная страна, где все общечеловеческие качества приобретают особенность. Кавказцы обнаруживают необычайное трудолюбие, редкое гостеприимство, легендарную храбрость, поразительное величие души, исключительно красивую внешность. Несмотря на воинственность и непримиримость, кавказцы удивительно доверчивы и наивны, поэтому их история полна трагизма.

Кавказ до сих пор хранит уникальные следы древнейшей общечеловеческой культуры. Здесь и сегодня функционируют языки, на которых говорят лишь несколько тысяч человек. Изучение и сохранение этих языков задача огромного культурного значения, которую должно решать все человечество.

Кавказ – древнейший памятник иудаизма, христианства, ислама. Здесь хранятся ценнейшие рукописи, надписи на скалах, монастыри, церкви, мечети, синагоги. На Кавказе всегда жили великие духовные учителя, отсюда берет начало ряд мистических учений.

Одна из трех человеческих рас получила название **Кавказской**. Биологи говорят, что чистых рас не существует, но мы склонны видеть символический смысл в этом названии и хотим, чтобы глобализация не коснулась этой области.

Кавказ до сих пор остается неизученным. Мы не знаем его языков, многие из которых исчезают, мы не знаем его ментальности, заставляющей истово отстаивать свою неповторимость, мы не знаем его камней, несущих на себе следы тысячелетий. Мы просто очень любим Кавказ, и эта книга скромная дань этой любви.

А.М.Мамедли

профессор, руководитель научного общества

«Кавказ. Языки и культуры»

Бакинского славянского университета,

проректор по научной работе БСУ

PREFACE

There is some inexplicable fascination for us in the word **the Caucasus**. We associate it with particular greatness of nature and a man. Many nations inhabit the Caucasus, and each of them seems to deserve neutral sense, but in fact stylistically they get an elevated definition "true Caucasians".

The Caucasus is a wonderful land where all qualities common to all mankind assume peculiarity. The Caucasians display extraordinary diligence, uncommon hospitality, legendary courage, striking greatness of soul, and exceptionally beautiful appearance. Despite bellicosity and irreconcilability the Caucasians are surprisingly trustful and naive, and therefore, their history is full of tragedy.

Up to now the Caucasus has saved unique signs of the most ancient human culture. Here function languages that are spoken by just several thousand of people. To study and preserve these languages is a significant cultural task which has to be worked on by all humanity.

The Caucasus is the most ancient memorial of Judaism, Christianity and Islam. A lot of valuable manuscripts, stones inscriptions, cloisters, mosques, and synagogues are kept here. Since great spiritual teachers lived in the Caucasus, a number of mystical teachings came into existence there.

One of three human races was named **Caucasian**. Biologists say that there are no pure races, but we are prone to see a symbolic sense in this name, and we want globalisation not to touch this area.

Hitherto the Caucasus remains unstudied. We do not know its languages many of which are vanishing. We do not know its mentality which compels to uphold zealously its originality, and we do not know its stones which carry the signs of milleniums. We just love the Caucasus very much, and the book is a modest tribute to this love.

A.M.Mammadli

Professor, Supervisor of scientific association

"The Caucasus. Languages and Cultures"

of Baku Slavic University,

Science Vice-Rector of BSU

LƏZGİ ƏDƏBİ DİLİNDƏ AZƏRBAYCAN DİLİNDƏN ALINMIŞ BAĞLAYICILAR

Ləzgi dilçiliyində bağlayıcılar indiyədək geniş tədqiq olunmayıb. Ləzgi dilçi alimlərinin bağlayıcıları köməkçi nitq hissəsi kimi ayrıca tədqiq etməmələrinin başlıca səbəblərindən biri odur ki, ötən əsrin əvvəllərində bu dildə bağlayıcılardan çox az istifadə olunurdu. Professor L.İ.Jirkov həmin cəhəti nəzərə alaraq yazmışdı: “Ləzgi dilində felin inkişaf etmiş müxtəlif feli bağlama və feli sifət formalarının olması göstərir ki, biz bu dildə bağlayıcılara çox rast gələ bilmərik, çünki cümlələr və cümlə üzvləri öz aralarında əsasən felin formaları vasitəsilə əlaqə yaradır” (1). Bununla da alim belə qənaətə gəlir ki, ləzgi dilində felin ayrı-ayrı formaları bağlayıcıları xeyli dərəcədə əvəz etdiyindən bu dildə bağlayıcıların inkişaf etmiş geniş sistemi yoxdur.

Ləzgi dilçiliyində məlum olduğu kimi, ilk dəfə bu dildə bağlayıcıların işlənməsi ilə əlaqədar elmi cəhətdən öz fikirlərini açıqlayan görkəmli rus alimi P.K.Uslar (2) olmuşdur. Ləzgi dilçilərindən M.M.Hacıyev (3-4), R.İ.Heydərov (5), Ə.N.Yüzbəyov (6), B.R.Qurbanov (7) və başqaları bu sahədə müəyyən tədqiqatlar aparmışlar.

Hazırda ləzgi dilçiliyində bağlayıcılarla əlaqədar bəzi məsələlərdə müəyyən fikir ayrılığı mövcuddur. Özünün “Ləzgi dilinin morfoloqiyası” (rus dilində) kitabında bu dildə işlənən 30-dan çox bağlayıcı sözlər haqqında məlumat verən filologiya elmləri doktoru, professor R.İ.Heydərov, ümumiyyətlə, ləzgi dilində bağlayıcıların çox az olduğunu göstərir. Lakin bunun ardınca belə bir fikir söyləyir: “Ləzgi dili bağlayıcı sözlərlə zəngindir, sual əvəzlilərləndən əmələ gəlmiş bu sözlər bağlayıcılar kimi cümlələr və cümlənin hissələri arasında əlaqə yaradır” (8).

Ləzgi ədəbi dilində 80-dən çox bağlayıcı və bağlayıcı sözləri elmi cəhətdən araşdıran Ə.N.Yüzbəyov də R.İ.Heydərovun birinci fikrini müdafiə edir. O yazır: “Ləzgi dilində bağlayıcıların inkişaf etmiş sistemi yoxdur. Bu da onunla əlaqədardır ki, həmin dildə bağlayıcıları əvəz edə biləcək çoxlu fel formaları mövcuddur” (9).

Hər iki alimdən fərqli olaraq, B.R.Qurbanov bildirir ki, ləzgi dilində bağlayıcılar bir o qədər də az deyildir. Sadəcə olaraq, “ləzgi dili elmində bağlayıcıların və bağlayıcı sözlərin hansı nitq hissələrindən əmələ gəldiyi müəyyən edilərkən bəzi nöqsanlara yol verilir. Bu, bir tərəfdən

çoxlu köməkçi sözlərin çox vəzifələri yerinə yetirməsi ilə bağlıdırsa, ikinci tərəfdən bu və digər nitq hissələrinin funksiyaları dairəsinin düzgün müəyyən edilməməsi ilə əlaqədardır” (10).

Alim 1966-cı ildə Moskvada çap olunmuş “Ləzgiçə-rusca lüğət”i əsas götürərək, ləzgi dilində ayrı-ayrı nitq hissələrinin tutduğu yeri müəyyən etməyə çalışmış, həmin lüğətdə verilmiş 28000 sözün 0,4 faizinin bağlayıcılardan ibarət olduğunu göstərmişdir (11).

B.R.Qurbanovun fikri ilə razılaşısaq, müasir ləzgi ədəbi dilində 120-yə yaxın bağlayıcı və bağlayıcı söz mövcuddur. Lakin onun özünün də etiraf etdiyi kimi, lingvistikada müqayisə konstruksiyasında işlənən köməkçi nitq hissələri adətən müqayisə bağlayıcıları sayılır. Təəssüf ki, ləzgi dilçiliyində bu məsələyə laqeyd yanaşılır və belə köməkçi nitq hissələri ədat kimi qələmə verilir. Belə mövqedə duran filologiya elmləri doktoru B.B.Talıbov “**xəiz**” (“kimi”) leksik vahidinin (müqayisə bağlayıcısının) ədat olduğunu israr edir (12). Ə.N.Yüzbəyov həmin leksik vahidlə bağlı ikili fikir söyləyir və bildirir ki, onu həm bağlayıcı, həm də ədat kimi işlətmək olar (13).

Bizim fikrimizcə, ədatların vəzifəsi cümləyə bu və ya digər kommunikativ status verməkdən ibarətdir. Cümlənin ayrı-ayrı hissələrini bağlayan müqayisə bağlayıcıları isə buna qadir deyildir. Ədat vasitəsilə cümlə müqayisə mənası kəsb edə bilməz.

Nəhayət, bəzi dilçi alimlər bağlayıcılarla əlaqədar bir mühüm cəhəti nəzərdən qaçırlar. Ləzgi dilində bağlayıcılar ötən əsrin əvvəllərində həqiqətən də az işlənirdi. Lakin ədəbi dilin getdikcə inkişaf etməsi, xüsusən də müxtəlif dillərdən ləzgi dilinə tərcümələrin artması bu dildə bağlayıcılardan daha çox istifadə etmək zərurəti doğurmuşdur. Hazırda xalis ləzgi bağlayıcıları ilə yanaşı Azərbaycan, ərəb, fars və rus dillərindən alınmış bağlayıcılardan da geniş istifadə olunur.

Ləzgi dilinə və tərcümə materiallarına aid konkret mətnlər əsasında apardığımız elmi araşdırmalar bizə hazırda ləzgi ədəbi dilində 60-dan çox bağlayıcıdan və 90-dan çox bağlayıcı sözlərdən istifadə olunduğu fikrini söyləməyə əsas verir.

Azərbaycan dilində olduğu kimi, ləzgi dilində də bağlayıcılar ayrı-ayrı sözləri, söz birləşmələrini və cümlələri bağlamaq üçün işlədilir. Onlar heç bir suala cavab vermir və cümlə üzvü vəzifəsində işlənmir.

Hər bir dildə olduğu kimi, ləzgi dilində də alınma sözlər vardır. Alınma sözlərin bir qismi bağlayıcılardır. Professor R.İ.Heydərov başqa dillərdən ləzgi dilinə gəlmiş bağlayıcılar haqqında yazır: “Bütün sadə bağlayıcılar (ləzgi bağlayıcısı “**ni**”-dən başqa) və mürəkkəb bağlayıcıların bir

hissəsi Şərq xalqlarının dillərindən (ərəb, fars) gəlmiş, qalan mürəkkəb və düzəltmə bağlayıcılar Azərbaycan və rus dillərinin ayrı-ayrı bağlayıcılarının modelləri əsasında ləzgi dilinin özündə əmələ gələnlərdir” (14).

Alimin fikri ilə tam razılaşmaq mümkün deyil, çünki hazırda ləzgi ədəbi dilində işlənən “бјр”, “гъикі”, “хъиз”, “къван” və başqa bu kimi bir sıra sadə bağlayıcıların heç biri Şərq xalqlarının dillərindən gələn sözlər deyil, sırf ləzgi leksik vahidləridir. Digər tərəfdən, ləzgi dilində Azərbaycan və rus dillərinin ayrı-ayrı bağlayıcılarının modelləri əsasında əmələ gəlmiş mürəkkəb və düzəltmə bağlayıcılar həqiqətən də vardır. Lakin bunlar həmin qism bağlayıcıların bir hissəsidir. Ləzgi dilində qoşmalardan əmələ gəlmiş “патал”, “патахъай”, “галаз”, “квас”, zərflərdən əmələ gəlmiş “гъикі”, “гъина”, “гъинай”, “гъана”, “гъизиз”, “акі хъайила” kimi bağlayıcılar, həmçinin felin feli sifət və feli bağlama kimi formalarından əmələ gəlmiş bir çox bağlayıcılar heç də başqa dillərin ayrı-ayrı bağlayıcılarının modelləri əsasında yaranmayıb.

Müasir ləzgi dilində bağlayıcıların əmələ gəlməsi prosesi getdikcə genişlənir. Ə.N.Yüzbəyovun yazdığı kimi, “felin formalarından bağlayıcıların və bağlayıcı sözlərin əmələ gəlməsi halları daha çoxdur və müasir ləzgi ədəbiyyatında bu proses geniş vüsət alır” (15).

Ləzgi ədəbi dilində bağlayıcıların işlənməsi haqqında ilk fikir söyləyən rus alimi P.K.Uslar olmuşdur. O, eyni zamanda alınma bağlayıcılardan da söhbət açmışdır. Cəmi 8 bağlayıcı haqqında fikrini açıqlayan alim öz materiallarında qrammatik kateqoriyanı göstərmədən “ancaq” bağlayıcısından da istifadə etmişdir. Əsərinin 309-cu paragrafını bağlayıcılara həsr etmiş P.K.Uslar göstərir ki, ərəb dilindən alınmış “amma” və türk dilindən alınmış “ki” bağlayıcılarından ləzgilərin hamısı istifadə etmir. Onlar “ki” bağlayıcısını arabit işlədir, çox vaxt onsuz danışrlar (16).

Həmin dövrdə həqiqətən də belə idi və alim haqlı olaraq bu cür yazmışdı. Lakin müasir dövrdə ləzgi ədəbi dilində “amma” və “ki” ən çox işlənən bağlayıcılar sayılır. “Хъи” (“ki”) mürəkkəb cümlələrdə tabelilik bağlayıcısı kimi xüsusilə geniş işlənir.

P.K.Uslar həmçinin rus dilində “довольно” mənasını verən “бес” (“bəs”) bağlayıcısının türk zərfliyi olduğunu qeyd edir. Onun fikrincə ləzgi dilində bu söz həm də rus dilindəki “итак” mənasında işlənir: “За ваз акі кхъин лагъаначир, бес на гъикі кхъин лагъанай. – Мною тебе так пиши не сказалось, и так тобою как пиши сказалось, т.е я тебе не сказал так писать, как же я тебе сказал писать, как же я тебе сказал писать?”(17).

Alınma bağlayıcılar haqqında P.K.Uslardan sonra fikir söyləyən görkəmli dilçi alim. ləzgi dilinin sintaksisinə dair iki cildliyin müəllifi Məhəmməd Hacıyev olmuşdur. Əgər P.K.Uslar ləzgi dilində “хъи” (“ki”) bağlayıcısının az işləndiyini bildirirsə, bundan 60 il ötəndən sonra M.M.Hacıyev yazır: “Dialektədə (Quba dialektində - G.A.) khi (хъи) bağlayıcısı ədəbi dil ilə müqayisədə daha çox işlənir” (18).

Alim həmçinin ləzgi dilində tabelik bağlayıcısı kimi Azərbaycan dilindən gəlmiş “çox da” sözünün də işləndiyini qeyd edir (19). M.M.Hacıyev onu “чухда” kimi yazır. Bizim fikrimizcə bu düzgün deyildir. Əvvəla, bu bağlayıcı ləzgi ədəbi dilində deyil, danışq dilində işlənir. İkincisi, o, Azərbaycan dilindən Quba ləzgilərinin lüğətinə daxil olmuş sözdür. Azərbaycan dilində olduğu kimi, Quba ləzgilərinin dilində də “çox” və “da” leksik vahidləri ayrıca (“чух да” kimi) işlənir.

M.M.Hacıyev həmçinin ləzgi dilinin Quba dialektində Azərbaycan dilindən gəlmiş “məsəl üçün”, “ola bilər”, “onun üçün”, “ona görə”, “nə isə” sözlərinin müəyyən dəyişiklik edilməklə qoşmalar, bağlayıcılar və aralıq sözlər kimi işləndiyini qeyd edir (20).

Azərbaycan dilindən alınmış bağlayıcılarla əlaqədar B.R.Qurbanov yazır: “Ləzgi dilində işlənən bəzi bağlayıcıların quruluş baxımından Azərbaycan dilinin təsiri altında əmələ gəlməsi mümkün haldır. Иниз килигна Къурбан...рухвайриз эверна. (Buna görə Qurban oğlanlarını çağırırdı. – G.A.) Гъаниз килигна абурун арада Аллагъди цал кхажнава”. (Ona görə Allah onların arasına divar çəkib. G.A.)

Bu misallarda Azərbaycan dilinin “görə” qoşmasının təsiri hissə olunur.

Вун неинки чи пачагъ хъуниз. гъаки вири дуьньядин пачагъ хъунизни лайихлу я. (Sən nəinki bizim, həmçinin bütün dünyanın padşahı olmağa layiqsən. – G.A.)

Bu misalda Azərbaycan dilinin “nəinki” bağlayıcısından istifadə olunmuşdur (21).

Beləliklə, dilçi alimlər Azərbaycan dilindən ləzgi dilinə “ki”, “ancaq”, “ancaq ki”, “nəinki”, “çox da”, “eyhana” kimi bağlayıcıların gəldiyini qeyd edirlər. Bizim fikrimizcə, bu siyahı daha böyükdür. Məsələn, ləzgi dilində işlənən birləşdirici bağlayıcılardan “гъам...гъам”, “гъамни” Azərbaycan dilindən alınmış “həm” bağlayıcısından əmələ gəlib. Bu bağlayıcı həm olduğu kimi, həm də ona ləzgi bağlayıcısı “ни” əlavə edilməklə işlənir. Bu vaxt əmələ gələn “гъамни” Azərbaycan dilində “həm də” mənasını verir. Həmin birləşdirici bağlayıcılardan əsasən

tabesiz mürəkkəb cümlələrdə istifadə olunur. Məsələn: “Гъам вун цинин хъуьтпун азиятдикай хкатда, ваз агалтна недай къуьл жѣда. – Həm sən bu ilki qışın əziyyətindən qurtularsan, həm də sənin yeməyə bol buğdan olar.

Müasir ləzgi ədəbi dilində işlənən “гъеле (“hələ”), “вахтунда” (“vaxtunda”) vaxt bağlayıcıları da Azərbaycan dilindən alınmadır. Hətta onlara ləzgi komponentləri əlavə olunmaqla daha iki bağlayıcı yaradılmışdır: “гъелени” (“hələ də”), “а вихтунда” (o vaxt). Sonuncunu bəzi alimlər bağlayıcı, digərləri bağlayıcı söz adlandıır. Biz ikinci fikrin tərəfdarıyıq.

Azərbaycan dilindən alınmış bağlayıcıya ləzgi leksik vahidi əlavə etməklə yaranmış yeni bağlayıcıya aid daha bir misal göstərmək olar: “гъики хьи” (“necə ki”). Кивенкѣ зун институтдиз фена, гъики хьи вуна лагъанай. – Əvvəlcə mən instituta getdim, necə ki, sən demişdin.

Dilçi alimlərin nəzərdən qaçırdıqları daha bir məsələ. Müasir ləzgi ədəbi dilində işlənən bəzi bağlayıcılar kimi, bir sıra bağlayıcı sözlər də quruluş baxımından Azərbaycan dilinin təsiri altında əmələ gəlib. Məsələn, vaxtla bağlı “гъасятда” (“o saat”, “dərhal”), “инлай къулухъ” (“ondan sonra”), müqayisə bildirən “на лугъуди” (“sən demə”), səbəbi göstərən “килигна” (“bəxib”), qarşılıq bildirən “дуьз лагъайтиа” (“düzünü desək”) bağlayıcı sözlər.

Bizim fikrimizcə, Azərbaycan dilinin təsiri altında ləzgi dilində bağlayıcı vəzifəsini yerinə yetirən bir sıra ibarələr də yaranmışdır. Məsələn: “икъ хъайила” (“belə olan halda”), “акъ хъайила” (“cələ olan halda”). Bunlar nəticə bildirən bağlayıcı sözlərdir və ləzgi dilində, xüsusən də tərcümədə geniş işlənir.

Son dövrlərdə Azərbaycan şairlərinin, yazıçılarının və alimlərinin əsərlərinin ləzgi dilinə tərcüməsi getdikcə geniş hal aldığından bu dildən alınan sözlər hesabına yeni bağlayıcıların və bağlayıcı sözlərin əmələ gəlməsi də müşahidə olunur. Məsələn: “арада” (“arada”) bağlayıcı sözü. Ваз гъикъван лугъун, арада зун батул жезва эхир. – Sənə nə qədər demək olar, arada mən yalançı oluram axı. Artıq dilçi alimlərin diqqətini cəlb edən bu proses gələcəkdə ayrıca tədqiqat mövzusunə çevrilə bilər.

ƏDƏBİYYAT

1. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала. 1941. с.114.
2. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896.
3. Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I. Простое предложение. Махачкала. 1954.
4. Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. II. Сложное предложение. Махачкала. 1963.
5. Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. Махачкала. 1987.
6. Юзбеков А.Н. Служебные части в лезгинском языке. Махачкала. 1990.
7. Курбанов Б.Р. Проблема частей речи в лезгинском языке. М., 1999.
8. Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. (Учебное пособие). Махачкала, 1987. с.145.
9. Юзбеков А.Н. Служебные части речи в лезгинском языке. Махачкала. 1990, с.40.
10. Курбанов Б.Р. Проблема частей речи в лезгинском языке. М., 1999. с. 107.
11. Курбанов Б.Р. Проблема частей речи в лезгинском языке. М., 1999, с.16.
12. Талибов Б.Б. Грамматический очерк лезгинского языка. Лезгинско-русский словарь М., 1966, с.356.
13. Юзбеков А.Н. Служебные части в лезгинском языке. Махачкала. 1990, с.72.
14. Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. Махачкала. 1987. с.145.
15. Yüzbəyov Ə.N. Ləzgi ədəbi dilində bağlayıcıların mətləbi (ləzgi dilində) // Literaturadin Daqustan, N 1. 1987, s.75.
16. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896. с.252-254.
17. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Кюринский язык. Тифлис. 1896. с.254.
18. Гаджиев М.М. Из лингвистического наследия. Махачкала. 1997. с.126.

19. Гаджиев М.М. Кубинский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1955.

20. Гаджиев М.М. Из лингвистического наследия. Махачкала, 1997, с.318.

21. Курбанов Б.Р. Проблема частей речи в лезгинском языке. М., 1999, с.110-111.

РЕЗЮМЕ

Статья Г.Асланхановой «Союзы, заимствованные из азербайджанского языка, в лезгинском литературном языке» - первая научная работа по проблеме использования в лезгинском литературном языке союзов, заимствованных из азербайджанского языка. В отличие от других ученых-языковедов, Г.Асланханова впервые высказывает такое мнение: «В литературном лезгинском языке не только имеются заимствованные из азербайджанского языка союзы, но и за счет слов, заимствованных из азербайджанского языка, создан ряд выражений, выполняющих роль союзов». Используемые в современном лезгинском литературном языке некоторые союзные слова тоже, с точки зрения строения, возникли под влиянием азербайджанского языка. Автор статьи, в отличие от ряда ученых-языковедов, выдвигает впервые такое мнение: «Поистине в лезгинском языке ранее не было развитой системы союзов, однако, в последнее время в результате развития литературного языка, а также роста переводов с различных языков в лезгинском литературном языке расширяется процесс образования союзов, и создается их развитая система».

SUMMARY

G.Aslanhanova's article "Conjunctions in Lezghin literary language adopted from Azeri language" is the first scientific work on the given theme. Unlike other linguists G.Aslanhanova for the first time express such an opinion: "Lezghin language not only has conjunctions adopted from Azeri language but at the expense of words, adopted from Azeri number of expressions acting like a conjunctions is formed. Also some conjunctive words used in Lezghin language formed from stand-

point of structure under the influence of Azeri. The author unlike other linguists for the first time advance an opinion that Lezghin language didn't have developed system of conjunctions before but lately as result of development of literary language and increase of translations from different languages the process of conjunctions forming broadens and its developed system is being created.

Ш. К. АЗИЗОВ, М. А. АББАСОВА, А.А.АЛИЕВ

*Институт географии Национальной
академии наук Азербайджана*

КАРТА КАРАБАГА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ТОПОНИМИКИ

Исторические, экономические, общегеографические, политико-административные и другие карты являются своеобразным документом, имеющим большое практическое значение. Карты как ценный источник информации сохраняют для истории названия государств, их административных единиц, населенных пунктов, рек, озер, гор, хребтов, равнин и др., поэтому они служат одним из основных документов для исследования исторического прошлого. Изучая старинные карты, сравнивая их с современными, можно составить представление об административно-территориальном устройстве, проследить развитие городов, промышленных районов, торговых связей, путей сообщения, выявить этнический и социальный состав населения, выполнить топонимический анализ названий объектов карты в целях определения их лингвистической принадлежности. Старые карты не только исторический срез своей эпохи, они позволяют получить самые разнообразные историко-статистические сведения, необходимые для исторического исследования.

Территория Азербайджана активно наносилась на карту в XVIII, XIX вв. В XIX в. топографические съемки в Азербайджане велись особенно интенсивно, что было связано с военными нуждами России. Топографическая съемка велась в двухверстном, пятиверстном, десятиверстном масштабах, а для отдельных регионов и городов - в одноверстном, полуверстном и еще более крупных масштабах.

До установления Советской власти в Азербайджане наряду с топографическими съемками для военных целей производились съемки и последующее издание специальных карт различной тематики другими ведомствами – Межевым Управлением, Министерством Земледелия и Государственных имений, Переселенческим Управлением, Ведомством путей сообщения и др. А результаты большинства топографических съемок поступали в специальное топографическое депо, находящееся в Тифлисе, где производилось составление и издание карт.

Одна из таких ценных и интересных по своему содержанию карт была опубликована в 1899 г. М.А.Скибицким в изданной в Тифлисе книге (1, 2). Название карты гласит: «Карта Карабагских казенных летних пастбищ». М.А.Скибицкий долгое время работал в Закавказье и возглавлял до революции поземельно-устроительное дело на Кавказе. Им же проведены значительные экономические исследования пастбищного хозяйства в Карабаге. Он принимал непосредственное участие в переговорах, проведенных в начале 20-х годов между Азербайджаном и Арменией, был лично знаком с председателями ревкомов двух республик С.Касьяном и Н.Наримановым. М.А.Скибицким был собран в течение долгих лет обширный архив по истории Карабага, где сохранились обзорные записки о деятельности земельной комиссии Закавказского ЦИКа до 1928 г., которые содержат множество ценных фактических материалов. Позже уже его сын, А.М.Скабицкий, пользуясь отцовскими архивами, готовил материалы по истории земельного законодательства на Кавказе (15). В 1929 г. с этими материалами познакомились С.М.Киров и предревкома Армении С.И.Касьян.

Вопросам изучения истории, экономики, этнического состава Карабага посвящены работы многих исследователей (3-15 и др.).

Ценную информацию для изучения истории, развития хозяйства, географии (особенно топонимики) Карабага предоставляют картографические источники, среди которых особенно выделяется «Карта Карабагских казенных летних пастбищ». Она составлена в десятиверстном масштабе, т.е. в среднем масштабе (1:420 000), имеет координатную сетку-параллели, и меридианы проведены через 15 минут. Подробно показаны все виды населенных пунктов, дорожная и речная сети, нанесены государственные, губернские и уездные границы. Различным цветным фоном перекрашены на карте пастбища

Джебраильского, Джеванширского, Елизаветпольского, Зангезурского и Шушинского уездов Елизаветпольской губернии и части Джаватского уезда Бакинской Губернии. Римскими цифрами I-VIII показаны восемь районов: Муровдагский, Верхне-Терверский, Зангезурский, Сисианский, Копанский, Кырх-Кызский, Кирсо-Сарибабинский, Кирсо-Зиаратский.

На первой странице автор книги (1) и карты (2), которая является ее приложением, пишет: «Исследованные карабагские пастбища (эйлаги) расположены в Джеванширском, Зангезурском, Шушинском и Джебраильском уездах Елизаветпольской губернии, в пределах местности, называемой Карабагом, и составлявшей прежде, до присоединения ее в 1828 г. к России, особое Карабагское ханство. Они простираются между $63^{\circ}15'46''$ и $64^{\circ}32'8''$ в.д. и $38^{\circ}55'14''$ и $40^{\circ}19'23''$ с.ш., т.е. по долготе на $1^{\circ}16'21''$ или на 102,4 версты, по широте на $1^{\circ}24'9''$ или на 146 верст». Если учесть, что одна верста приравнивается 1,067 км, то можно определить протяженность карабагских летних пастбищ (эйлагов) по долготе и широте, равные соответственно 109,3 км и 155,8 км.

Очень важные статистические сведения приводит М.А.Скибицкий о количестве дворов (дымов), селений и этническом составе населения исторического Карабага: «Из общего числа пользователей описываемыми эйлагами, выражающегося 26038 дымами, которые распределены между 452 селениями, 4048 дымов живут в 81 селении Джебраильского уезда, 331 дым – в 4 селениях Елизаветпольского уезда, 9432 дыма – в 175 селениях Зангезурского уезда, 5223 дыма – 81 селении Шушинского уезда и 1940 дымов – в 9 селениях Джаватского уезда.

По племенному составу сказанные пользователи подразделяются на азербайджанских татар¹, курдов, армян и татов². Татары в количестве 18919 дымов живут в 333 отдельных селениях, разбросанных по всему Карабагу, и в двух селениях, расположенных в Гянжинской низменности: курды в составе 3510 дымов, живут в 69 селениях по ущельям рек Акары в Бергушета, в Зангезурском уезде, Тертера и

¹ Во времена царизма русские чиновники азербайджанцев называли татарами.

² По сообщению историка Г.А.Гейбуллаева выделенная этническая группа «таты» не относится к ираноязычным татам северо-восточного Азербайджана, а являются азербайджанцами, переселившимися в XIX в. из Южного Азербайджана.

Тутху в Джеванширском уезде, и по нижнему течению р.Бергушета в Джебраильском уезде; армяне в составе 3408 дымов – в 47 селениях возвышенной части Джеванширского, Зангезурского и Джебраильского уездов, и таты, в числе 201 дыма живут в одном селении (Нювады) Мигринского участка, Зангезурского уезда» (с.35-35).

Ссылаясь на статистические данные о населении Закавказского края 1893 г. (3), М.А.Скибицкий пишет, что средний размер дыма (двора) у татар и курдов Елисаветской губернии составляет 5,3 души, в армян – 7,1 души, у татов с.Нювады – 4,6 души, а у татар Джебватского уезда Бакинской губернии – 6 душ. Таким образом, зная общее количество дымов (дворов) каждой этнической группы во всех уездах и среднее число душ, приходящихся на каждый дым (двор), нетрудно определить итоговые суммарные показатели по этническому составу населения исторического Карабага в конце XIX в., которые нами подсчитаны и приведены в таблице.

Анализ статистических показателей таблицы показывает, что «азербайджанские татары», которые, как отмечает русский исследователь М.А.Скибицкий, «живут в 333 отдельных селениях, разбросанных по всему Карабагу», в конце XIX в. обладали значительным большинством как по количеству селений, так и по численности населения. Из таблицы следует, что азербайджанцы (татары) в 1899 г. составляли 70%, армяне – 16,6%, курды – 12,7% и таты – 0,7% населения всего Карабага. Из 452 селений Карабага азербайджанцы проживали в 333 селениях, что составляет 73,7% всех селений Карабага. Армяне проживали в 47 селениях – это 10,4% от общего числа селений, а курды жили в 69 (15,3%) селениях Карабага.

В связи с событиями в Нагорном Карабаге, которые начались в феврале 1988 г., в средствах массовой информации нередко писали о том, что при образовании НКАО в 1923 году в нагорном Карабаге армяне якобы составляли 95% населения. Подобные преднамеренно неверные данные публиковались не только в печати, но и в научной, популярной литературе и раньше карабагского конфликта. Например, Г.А.Кочарян (10) пишет, что в 1921 г. в Нагорном Карабаге армяне составляли 94,4%, а азербайджанцы – 5,6% населения.

Среди зарубежных ученых одним из лучших исследователей новейшей истории Закавказья является американский профессор Тадеуш Свячяховский, который в своей монографии (14) отметил, что в 1919 г. среди населения Нагорного Карабага имело место соотноше-

ние азербайджанцев и армян как 3:2. Опираясь на статистические данные М.А.Скибицкого (1), мы определили соотношение азербайджанцев и армян в пределах исторического Карабага в 1899 г. как 4:1. Таким образом, за период с 1899 г. по 1919 г. – всего за 20 лет – этнический состав населения Карабага начинает меняться, и соотношение азербайджанцев и армян все более меняется в пользу последних, но при этом нельзя говорить о каком-то численном преимуществе армян.

Из исторических источников (4-6 и др.) известно, что увеличение происходило благодаря осуществлению Россией царской политики переселения армян из Турции и Ирана в Закавказье, в том числе Елисаветпольскую губернию, включающую Карабаг. Это очевидно, так как в течение 20 лет за счет естественного прироста не могло произойти столь быстрое изменение соотношения, ведь в конце XIX по Карабагу в целом проживало всего около 24200 армян.

Другим важным объектом изучения на карте Карабагских пастбищ были географические названия (топонимы). Их изучение интересно в том плане, что на старых картах XIX века географические названия выступают в первоизданном виде – без преднамеренных искажений, поскольку картосоставители в те времена еще были далеки от топонимических манипуляций. Большое значение анализа топонимов по карте Карабага связано с тем, что в ходе него выявляется языковое происхождение 90% зафиксированных на карте географических названий. «Карта Карабагских казенных летних пастбищ» сохранила и донесла до наших дней 1035 географических названий (типонимов) – это названия уездов, крупных и мелких населенных пунктов, орографических и гидрографических объектов, включая названия урочищ, родников, кягризов, мечетей, церквей, монастырей и др.

Все топонимы карты условно можно разделить на пять групп: одна группа носит названия древних племен и народностей, вторая возникла в связи с физико-географическими особенностями территории, образование третьей связано с хозяйственной деятельностью населения, четвертой – с фауной и флорой, пятая группа топонимов получила название по разным причинам. Разнообразие причин образования географических названий связано с тем, что с древних времен территория Карабага выделялась благоприятными климатическими условиями, плодородными почвами, богатой фауной, флорой, гидроресурсами, обширными пастбищами, поэтому здесь проживало

много народностей и племен, развивались разные отрасли хозяйства. Названия древних народностей, племен сохранились в виде топонимов, как немые «свидетели» истории. Среди них можно отметить такие этнонимы, как Гушчу, Дондарлы, Гарагоюнлу, Кенгерли, Гарадонлу, Алпоут, Падар, Чуллу, Сарыджаллы, Овшар, Гараман, Базар, Бойахмедли и др., отразившие названия тюркских племен.

Разнообразие богатства природы Карабага наиболее ярко нашло свое отражение в названиях гор, возвышенностей, хребтов, долин, равнин, озер, рек, родников, эйлагов, которым местное население присваивало названия по характерным для них особенностям. Например, такие признаки, как цвет, количество, величина, качество географических объектов, сыграли свою роль в названиях следующих топонимов: Агдаш, Аг тепе, Бохдаг, Кейдаг, Сарыял, Шиш тепе, Кечял даг, Гара гая, Делидаг, Уч тепе, Узун ял, Сары дере, Яглы дере, Беюк Алагель, Гызыл гая и других. Имеются топонимы, связанные с названиями животных и растений: Дары даг, Бановшали даг, Сарымсаглы даг, Сагсаган дагы, Гаргалы даг, Турач тепеси и др.

Названия хребтов, вершин, гор, скал, перевалов, урочищ по сравнению с названиями населенных пунктов меньше подвержены изменениям, поскольку находятся в какой-то мере в стороне от общественно-политических событий исторического процесса, поэтому они, как правило, «долгожители». Интересно и то, что нередко армянское население пользуется названиями природных объектов, присвоенными им у азербайджанцев. Некоторые названия, переведя (скалькировав) на армянский язык, они как бы присвоили. Заслуживает внимания и то, что абсолютное большинство названий географических объектов по языковому происхождению являются азербайджанскими. Это было установлено в процессе топонимического анализа названий «Карты Карабагских казенных летних пастбищ».

Развитие отгонного животноводства, как ведущей отрасли хозяйства Карабага, привело к накоплению населением в течение долгих лет богатейшей информации о плодородии, качестве земель, урожайности отдельных участков, что нашло свое отражение в названиях ряда вершин, склонов, пастбищ: Гысырдаг, Яглыгюней дагы, Атемез эйлагы, Аджи даг и др. Азербайджанские слова «яглы», «гысыр», «аджи» говорят о свойствах (качестве) травостоя, почвы. Другая большая группа географических названий – Хамза чемен, Товля тепеси, Айгыр булагы, Тахта, Агсагал эйлаг юрду и др. – показыва-

ет, что эти топонимы образовались в процессе хозяйственной деятельности азербайджанского населения.

Историко-статистические сведения, извлеченные из карты Карабага говорят о многом. Из 1035 топонимов – общего числа географических названий, зафиксированных М.А.Скибицким на «Карте Карабагских казенных летних пастбищ», 866 топонимов или 84% имеют азербайджанское (тюркское) происхождение, 5% географических названий являются по происхождению армянскими. 11% – прочие топонимы.

Таким образом, анализ «Карты Карабагских казенных летних пастбищ» М.А.Скибицкого, опубликованной в 1899 г., позволяет сделать следующие выводы:

- подавляющая часть географических названий (84%), а следовательно, и топонимический фон исторического Карабага имеет тюркское (азербайджанское) происхождение и является наиболее древним пластом;

- карта в наглядной форме показывает единство равнинной и горной части исторического Карабага как в природном, так и хозяйственном отношении, причем, этот исторический документ наряду с книгой М.А.Скибицкого убедительно показывает, что основными пользователями равнинной и горной части Карабага были азербайджанцы;

- последние два вывода служат убедительными аргументами для понимания того, что Карабаг является единой, неделимой природно-экономической системой, что выделенная и названная первоначально как «Автономная область Нагорного Карабаха», а в дальнейшем (уже с начала 30-х г.) непонятно каким образом трансформировавшись в несколько иное – «Нагорно-Карабахскую автономную область», «что по сути не одно и то же» (15), административная единица НКАО была искусственным образованием. Последнее нарушило единство природы и хозяйства Карабага, что в особенно резкой форме началось и продолжается с 1988 г. по сегодняшний день. Поэтому, на наш взгляд, целостность и единство исторического Карабага необходимо восстановить.

Таблица

Этническая группа	Среднее число душ на 1 дым	Всего дымов	Всего душ
Татары (по уездам Елисаветпольской губернии)	5,3	16979	89989,0
Татары (по Джеватскому уезду Бакинской губернии)	6,0	1940	11640,0
Курды	5,3	3510	18603,0
Армяне	7,1	3408	24197,0
Таты	4,6	201	925,0
ИТОГО (по всем уездам)		26038	145354,0

ЛИТЕРАТУРА

1. Скибицкий М.А. Карабагские казенные летние пастбища // Кн. Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1899, т.4.
2. Скибицкий М.А. Карта Карабагских казенных летних пастбищ // Кн. Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1899, т.4.
3. Свод статистических данных о населении Закавказского края. Изд. Закавказ. статистич. комитета. Тифлис, 1893.
4. Глинка С. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. М., 1831.
5. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье предстоящая распродажа Мугина инородцам. СПб, 1911.
6. Грибоедов А.С. Записка о переселении армян из Персии в наши области. Соч. в 2 т., т.2. М., Правда, 1971, с.339-341.
7. Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 году по распоряжению главноуправляющего в Грузии Ермолова д.с.с. Могилевским и полковником Ермоловым 2-м. Тифлис, 1866.

8. Деконский А.Г. Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии (МИЭБГКЗК). Тифлис, 1886, т.4.

9. Зелинский С.П. Экономический быт государственных крестьян Загезурского уезда Елисаветпольской губернии (МИЭБГКЗК). Тифлис, 1886, т.4.

10. Кочарян Г.А. Нагорный Карабах. Баку, 1926.

11. Алиев И.Г. Нагорный Карабах: истории, факты, события. Баку, 1989.

12. Гейбуллаев Г.А. Карабах (к этнической и политической истории), Баку, 1990.

13. Халилов Х.Д. Об этнической истории Карабаха. Изд. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, 1988, №3.

14. Свячяховский Тадеуш. Российский Азербайджан. 1905-1920 годы // Азербайджан, 1989, №1.

15. Скибицкий А.М. Карабахский кризис: чтобы выйти из тупика, нужно знать прошлое // Союз, 1991, №7.

XÜLASƏ

«Qarabağ xəritəsi və onun tarix və toponimikanın tədqiqində əhəmiyyəti». Məqalədə xəritə əsasında tarixi Qarabağın coğrafi adları, əhalinin etnik tərkibi araşdırılır, tarixi Qarabağın xəritəsinin məzmununun təhlili verilir.

SUMMARY

The cartographic contents, geographical denominations (toponyms) of the maps of historical Garabagh, ethnic composition of Garabagh population at the end of the XIX century are analysed in the article.

М. Е. АЛЕКСЕЕВ,
Институт языкознания РАН (Москва)
В. С. ХИДИРОВ
Бакинский славянский университет

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ/ НЕПЕРЕХОДНОСТИ ГЛАГОЛА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, одной из центральных проблем изучения языков эргативного строя является проблема эргативной конструкции предложения. Исследованию ее структуры, особенностей ее функционирования в различных языках мира, в том числе и дагестанских, уделяют большое внимание как отечественные, так и зарубежные ученые. Ведущую роль, как признано в специальной литературе, в эргативной конструкции предложения играет глагол-сказуемое переходной семантики: «Мы не можем постичь природу эргативной конструкции, не уяснив особенностей переходного глагола в языках с эргативной конструкцией»¹. В связи с этим особенно актуальное значение, на наш взгляд, приобретают вопросы изучения взаимоотношений переходных и непереходных глаголов.

В общих чертах лексический состав классов переходных и непереходных глаголов в номинативных языках, с одной стороны, и в эргативных, с другой, совпадают, хотя обнаруживаются и некоторые отклонения. Покажем на примере арчинского языка основные семантические группы, входящие в состав этих классов в дагестанских языках.

Наиболее обширной семантической группой среди непереходных глаголов являются глаголы, выражающие различные состояния (или качественные изменения) предмета или лица, ср. *axas* «гаснуть», *baxhas* «опухать», *datis* «проясняться (о погоде)», *ʃ oʃ as* «морщиться», *ogcas* «остывать», *quras* «сохнуть», *summus* «таять», *taras* «свертываться (о молоке)», *qwas* «высыхать, испаряться», *ses* «гнить» и др.

Значительную часть непереходных глаголов составляют в дагестанских языках также глаголы движения: *ak is* «уходить», *ax as*

«спускаться», *baqas* «возвращаться», *dimmus* «расходиться», *herqas* «сидти» и др. К ним примыкает небольшая группа глаголов месторасположения: *axas* «лежать/ложиться», *ex as* «оставаться», *ocis* «стоять/останавливаться», *oqis* «сидеть/садиться».

Довольно многочисленна группа непереходных глаголов, обозначающих звучания: *bu bos* «мычать», *hamp bos* «лаять», *ho bos* «кричать (об осле)», *now bos* «мяукать», *qibus* «греметь (о громе)» и др. Эти глаголы однородны не только по семантике, но и по словообразовательной модели – звукоподражательная основа + вспомогательный глагол *bos* «сказать».

Наконец, среди непереходных выделяется также группа лексем, обозначающих занятия, безобъективные действия: *eʃ mus* «совершать омовение», *ixmus* «работать», *qebus* «танцевать», *xaras* «смеяться», *babus* «разговаривать».

Основную часть класса переходных глаголов образуют лексемы, обозначающие обработку предмета: *arʃmus* «скоблить», *aʃas* «резать, рубить», *babaqas* «тесать», *dex as* «крошить, молотить», *oʃ as* «стирать» и др.

Группе непереходных глаголов, обозначающих движение и месторасположение, соответствуют переходные глаголы, выражающие перемещение объекта, помещение его в ту ли иную среду: *al as* «надевать», *asas* «нести», *atis* «снимать, отпускать», *kammus* «бросать», *karas* «вести», *l immus* «тянуть» и др.

Можно также выделить группу переходных глаголов, обозначающих *barhas* «нянчить», *bos* «сказать», *cas* «хвалить», *eʃas* «выбирать», *xabus* «петь» и др.

Как показывают вышеприведенные примеры, между переходными и непереходными глаголами во многих случаях устанавливаются определенные семантические соответствия: движение каузация движения, состояние каузация состояния и т.п. В настоящей статье предлагается обзор лексических, синтаксических и морфологических средств противопоставления соотносимых семантических лексем по признаку переходности/непереходности.

К собственно лексическим средствам противопоставления переходных и непереходных глаголов следует, по-видимому, отнести такие случаи, когда соотносимые переходные и непереходные значения передаются в том или ином языке разнокорневыми лексемами, ср. табас. *uduʃ ub* «встать» - *icik ub* «поднять», *daqub* «лечь» - *k aub*

¹ А.С. Чикобава. Несколько замечаний об эргативной конструкции. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, с.7.

«уложить», qtaqub «вернуться» - qalaq arab «вернуть», diji ub «остановиться» - derk ub «остановить» и т.п.

Надо сказать, что дагестанские языки довольно редко прибегают к подобному различению переходных и непереходных глаголов, хотя пары такого рода можно найти, по-видимому, в любом языке. Нельзя при этом упускать из вида и определенные сдвиги в значении соотносимых лексем (ср., например, авар. xweze «умирать» - cwaze «убивать» wacine «приходить» - wacine «приводить» и др.).

В языках с осязаемым элементом аналитизма типичным способом различения переходного и непереходного значений является использование в составе сложных глаголов вспомогательных глаголов «делать» и «быть, становиться». Особенно характерен этот способ для лезгинских языков, ср. лезг. azuz x un «слабеть» - azuz avun «ослаблять», izad x un «избавляться» - azad avun «избавлять» artux x un «увеличиваться» - artux avun «увеличивать» и т.д.

По синтаксическим свойствам переходные и непереходные глаголы обособляются достаточно четко. Так, непереходный глагол образует здесь двучленную синтагму (субъект + глагол), переходный глагол – трехчленную (субъект+объект+глагол), каждая из которых характеризуется своим падежным оформлением именных членов и классным/личным согласованием.

Морфологические свойства переходных и непереходных глаголов, способные участвовать в их противопоставлении, довольно разнообразны. Однако, они не столь очевидны и не дают такой стройной системы, если не считать субъективного характера классного согласования непереходного глагола и объективного – переходного глагола.

К более или менее регулярным морфологическим средствам противопоставления переходных и непереходных глаголов в языках дагестанской группы следует отнести, в первую очередь, аффиксы каузатива, которые могут выполнять функцию образования переходных глаголов от непереходных. Ареал распространения синтетических форм каузатива в дагестанских языках довольно обширен – лишь в лакском и, отчасти, в лезгинских языках доминирует описательный тип каузатива, характеризующийся сочетанием смыслового глагола (в форме инфинитива как, например, в арч. baqas «вернуться» - baqas abas «вернуть»: основы прошедшего времени как, например, в рутул. «встать» - luzu ha'as «поднять» и др.) со вспомогательным, в

роли которого выступает обычно глагол «делать». а также некоторые другие.

Рассматривая категорию каузатива с точки зрения взаимоотношения переходных и непереходных глаголов, следует иметь в виду следующие обстоятельства: во-первых, каузативные формы образуются не только от непереходных, но и от переходных глаголов; во-вторых, возможно образование «вторичных» каузативных форм т.е. таких форм которые образованы от глаголов уже имеющих каузативный суффикс. Таким образом, категория каузатива лишь косвенно участвует в формировании оппозиции глагольных лексем по признаку переходности/непереходности.

В сферу выражения противопоставления переходных и непереходных глаголов могут быть вовлечены также аффиксы аспектуального характера. Так, например, суффиксы учащательности в аварском языке используются и для образования непереходных глаголов от переходных, ср. bej ize «пахать» - bej arize «заниматься пахотой», bes ize «ткать» - bes arize «заниматься ткачеством» и т.п. В целом же, на наш взгляд, возможности использования аффиксов учащательного способа действия в рассматриваемом аспекте следует признать ограниченными: дело в том, что и для них данная функция не является основной – возможно, например, образование учащательных форм и от непереходных глаголов. Подобные случаи, естественно, выпадают из схемы противопоставления глаголов по признаку переходности/непереходности. Отсюда можно заключить, что категория учащательного способа действия участвует в формировании оппозиции переходных и непереходных глаголов также лишь косвенным образом.

Заметим также, что вышеотмеченные глагольные категории лежат на грани словоизменения и словообразования. Существуют, однако, и такие различия между переходными и непереходными глаголами дагестанских языков, которые целиком относятся к сфере словоизменения. Эти различия проявляются, с одной стороны, в различных согласовательных потенциях транзитивных и интранзитивных глаголов и, с другой стороны, в выборе тех или иных аффиксов для выражения одного и того же значения в зависимости от переходности/непереходности глагола.

Как уже упоминалось выше, различие в классном согласовании переходных и непереходных глаголов заключается лишь в его объектном характере в первом случае и в субъектном его характере – во

втором. Морфологическая же структура глагольной словоформы не несет никакой информации о ее переходности или непереходности – мы вычленим этот признак уже из синтаксических свойств лексемы, из контекста.

Иначе обстоит дело при наличии субъектно-объектного личного спряжения, как это имеет место, например, в табасаранском языке. Если в составе словоформы непереходного глагола обнаруживаются лишь аффиксы субъектного ряда (или, в редких случаях, объектного), то для переходного глагола оказывается возможным наличие в словоформе как субъектного, так и объектного аффиксов, ср.

agura-za	“я засыпаю”	agura-za-vu	“я тебя ищу”
axuga-va	“ты засыпаешь”	agure-va-zu	“ты меня ищешь”
aḡuḡa-ca	“мы засыпаем”	agura-ca-vu	“мы тебя ищем”

и т.д.

Наконец морфологически противопоставленными оказываются переходные и непереходные глаголы, когда выбор морфологического показателя непосредственно зависит от переходности/непереходности глагола. Так, в андийских языках подобной дифференцирующей ролью обладают формы повелительного наклонения, что видно из следующих чамалинских примеров¹:

buc-be	“беги!”	aq-a	“мели!”
buḡ-be	“гори!”	buq-a	“режь!”
baḡa-be	“дойди!”	gud-a	“дай!”
biḡa-be	“умри!”	can-a	“дои!”

и др.

Аналогична роль повелительного наклонения в кубачинском, но лишь для глаголов I спряжения². Впрочем, эти же глаголы хорошо различают переходность/непереходность и в других формах при помощи тематических показателей, ср. biḡ-t-d «я делаю» (перех.), но wiḡ-u-d «я работаю» (неперех.) и т.п.

Принципиально сходное явление обнаруживается в крызском языке. Рассмотрим частично несколько глагольных парадигм (приводим формы I-IV кл. масдара, настоящего общего и прошедшего времен, повелительного, запретительного и желательного наклонений):

¹ См.: А.А.Бокарев. Очерк грамматики чамалинского языка. М.-Л., 1949, с.93-94 и др.

² А.А.Магометов. Кубачинский язык. Тбилиси, 1962, с.202.

Табл.1.

	«смеяться»	«плакать»	«опухать»	«гореть»	«дрожать»
Масдар	qur'is	Isaž	sah.äž	Ugaž	äsaz
Наст.	quq-a-ri	is-ä-ri	sah,a-ri	ug-a-ri	aäs-a-ri
Прощ.	qurži	isaži	sah,aži	ugaži	äšäži
Повел.	saqo r	iş	sähь	ug	äs
Запр.	maq-a	miş-aь	samah.a	mug-a	amas-a
Желат.	quq-a	iş-aь	sahь-a	ug-a	äs-ä

Табл.2

	«бить»	«читать»	«нести»	«жать»	«ткать»
Масдар	ätäž	uxaž	tuḡ až	jix až	x1 riz
Наст.	ät-ri	ux-ri	tuḡ-ri	jix-ri	xix-ri
Прощ.	ätäži	uxäži	tuḡ aži	jix aži	saxi rži
Повел.	äm	ux-ḡ	tuḡ	jimax-u	säxıt
Запр.	amat-u	mux-u	tumaḡ-u	jix-u	max-u
Желат.	ät-u	ux-u	tuḡ-u	jix-u	xix-u

Как видно, глаголы, приведенные в табл.1, в формах настоящего времени имеют «вставочный гласный», отсутствующий в аналогичных формах глаголов, приведенных в табл.2. Кроме того, этот же гласный повторяется у данных глаголов в формах запретительного и желательного наклонений, в то время как у глаголов из табл.2 в этих формах выделяется элемент –u.

Легко видеть, что фонетическими причинами появления вставочного гласного не объясняется, ср. такие однотипные глаголы как quḡiž «смеяться» и xixiž «ткать», äsaz «дрожать» и ataz «бить». ugaz «гореть» и uxaž «читать». С другой стороны, глаголы, принимающие вставочный гласный, оказываются принадлежащими к классу непереходных глаголов (ср. şid quqari «брат смеется». dix işari «сын плачет», xab sah ari «рука опухает», o lap ugarı «щелка горит», aqal asari «мальчик дрожит»), а глаголы, не принимающие его, – к классу переходных (ср. bajir ug dix ätri «отец своего сына бьет», ajalzir kitab uxri «мальчик книгу читает», dajir xь ad tuḡ rı «мать воду носит», xun / bzir q ul jix ьri «женщина пшеницу жнет», budajir rux xixri «бабушка палас ткет»).

Таким образом, можно предположить, что вставочный гласный в данном случае является показателем непереходности глагола. Это предположение подтверждается и на материале других глаголов. Приведем формы настоящего времени переходных и непереходных глаголов:

Переходные глаголы		Непереходные глаголы	
saqъ-ri	«просит»	Jilk-a-ni	«остаётся»
ziz-ni	«моет»	g iq-a-ri	«умирает»
voqъ-ri	«охраняет»	q arĉ-a-ri	«выходит»
vuĉ-ri	«показывает»	sa'-a-ri	«сохнет»
coq-ri	«впитывает»	sarc-a-ri	«тает»
jat-ri	«оставляет»	sarc-â-ri	«гниет»
cuĉ-ri	«разрушает»	si ĝxъ-a-ru	«лает»
vaf-ri	«подметает»	a rq-a-ri	«успевает»
ruх-ri	«рожает»	ax-a-ri	«спит»
kis-ni	«кусает»	q ax-a-ri	«выбегает»
ĵat-ri	«режет»	vult-a-li	«качается»
ŝiŝ-li	«прядет»	q alq-a-li	«падает»
qъ qъ-ri	«пьет»	q urz-a-ri	«встает»
rox-ri	«бреет»	sa-a-ri	«остывает»
roh-ri	«мелет»	kols-a-li	«смотрит»
cis-ni	«шьет»	asx-a-ri	«спускается»
ruĝri	«пишет»	sulq-a-li	«лежит»
kis-ni	«подкладывает»	q alĉ-a-li	«останавливается»
vat-ri	«прикасается»	asq-o-ni	«сидит»
q at-ri	«бьет»	ajt-a-ri	«гуляет»
q it-ri	«трясет»	ket-â-ri	«ерзает»
xuk-ri	«спрашивает»	c l-a-ni	«скользит»
âz-ri	«доит»	arh,a-ri	«пачкается»
dixъ-ri	«строит»	valx-a-ni	«борется»
ĵih,ri	«снимает»	vurs-a-ri	«гаснет»
qi-ri	«выгоняет»	ĵi lq-a-ni	«бежит»

и т.д.

Некоторые переходные глаголы, впрочем, также имеют «вставочные гласные» в форме настоящего времени, ср. q irh,i-ri «трет,

мажет», ĵult-u-li «связывает», al-ĝu-li «загоняет», si ĝh,i-ri «ташит», turx-u-ri «вскапывает», vâls-i-ni «взвешивает», arĉ-u-ri «продевает», ajs-i-ri «жарит (зерно)», ĵul-a-ni «тянет» и др. Однако, в этом случае присутствие вставочного гласного объясняется сугубо фонетически: наличие гласного позволяет избежать недопустимого стечения согласных. В этом убеждает и качество гласных, выступающих, соответственно, в формах переходных и непереходных глаголов: в первом случае это i, u, i (узкие гласные), во втором – a, â (широкие гласные).

Более того, противопоставление по переходности/непереходности сохраняется у данных глаголов в формах запретительного и желательного наклонений. ср. желат. накл. qirhu, ĵult-u, al-u, s ĝh-u, turx-u, vals-u, ark-u, ajs-u, ĵul-u, где вышеприведенные формы имеют окончание –u. Характерное для переходных глаголов. Непереходные глаголы с аналогичной структурой основы, в свою очередь, имеют окончания –a, –a, ср. ĵilk-a «остаться бы», q ago-a «выйти бы», ax-a «поспать бы», kols-a «посмотреть бы» и т.д.

Рассмотрим теперь, какие семантические взаимоотношения между переходными и непереходными глаголами наблюдаются в крызском языке. Во-первых, следует выделить группу соотносимых по семантике переходных и непереходных глаголов, образованных от одной и той же основы (такие глаголы составляют большинство), ср. ĵit-ri «рвет» - ĵit-â-ri «рвется», ug-ri «жжет» - ug-a-ri «горит», vult-u-li «качается» - vilt-a-li «качается», ruĉ-ri «убивает» - r q-a-ri «умирает» и т.п. В крызском языке вообще каждый переходный глагол имеет соответствующий непереходный коррелят, образованный с помощью показателя непереходности от той же основы. Приведем примеры употребления соотносимых переходных и непереходных глаголов: li ħamiĝar para ħъ ad coqri «это тесно много воды впитывает» - li rah aza an para ħъ ad coqari «в эту муку много воды впитывается», ibragim r ug ħabrim zizni «Ибрагим свою руки моет» - li paĝaĝ ala zi zani «эта ткань хорошо стирается», ibragim r para vulbi voqъri «Ибрагим много овец держит» - li ĵec qaza an voqagu «эти яблоки до зимы хранятся», ibragim r ug ci ĵa tâtâx zov yukri «Ибрагим свою новую папаху нам показывает» - ikiza anzi ħâtac sivra idis vukaru «Утренняя звезда к празднику поста показывается».

Интересно проследить отношение к противопоставлению по переходности/непереходности глаголов чувственного восприятия. В

андийских языках, как известно, эти глаголы с точки зрения образования повелительного наклонения должны быть отнесены к переходным глаголам, ср. чамал. i'abe «знай!», a'abe «видь!», idalbe «люби!» и т.п. В крызском же подобные глаголы ведут себя как переходные, поскольку наблюдается соотношение iŋq-ŋi «видит» - iŋq-a-ŋi «виднеется», ao-ŋi «знает» - äsäŋi «известен», ik-ŋi «любит» - ik-ä-ŋi «любим» и т.п.

Имеется несколько глаголов, для которых корреляция по переходности/непереходности сопровождается существенными семантическими изменениями. Нами зафиксированы следующие случаи: ux-ŋi «читает» - ux-a-ŋi «разговаривает», qyŋxŋi-i-ŋi «трет, мажет» - q iŋxi-a-ŋi «наступает (об осложнении после гриппа)», ket-ŋi «бодает» - ket-ä-ŋu «ерзает».

Наконец, несколько непереходных глаголов не имеют переходных соответствий. Приведем список этих глаголов в форме настоящего времени: jilk-a-ŋi «остаётся», qəŋari-a-ŋi «выходит», saxi-a-ŋi «опухает», ax-a-ŋi «спит», q ax-a-ŋi «выбегает», q alq-a-li «падает», q urz-a-ŋi «встает», köls-a-li «смотрит», sulq-a-li «лежит», q alt-a-li «осытанавливается», asq-o-ŋi «сидит», ʔjŋi-a-ŋi «гуляет», saŋy-a-ŋi «прыгает», c l-a-ŋi «скользит». Переходные соответствия этих глаголов выражаются каузативными формами, образованными с помощью глагола jeriz «делать», ср. an g z n sax arajeri «он меня прыгать заставляет (аналогично asqonajeri «усаживает», q ota-ajeri «останавливает», suqalajeri «укладывает» и т.п.).

При том, что частичное различие переходных и непереходных глаголов с точки зрения морфологии наблюдается во многих дагестанских языках, оно представляется как несомненное новообразование. Более типичными следует здесь, по-видимому, признать случаи полной морфологической нейтрализации глагольных лексем по признаку переходности/непереходности (имеются в виду т.н. лабильные глаголы, которые имеют одну и ту же морфологическую форму как в переходном, так и в непереходном значении, ср. rut. hejeg jak hux waga «мясо в котле варится» - nip xinkaras jak hux waga «мать дл хинкала мясо варит»). В связи с этим особый интерес представляет выяснение происхождения рассмотренных выше форм.

Обратимся к данным близкородственного крызскому будухского языка¹. Принцип противопоставления непереходных и переходных (каузативных) глаголов в будухском языке аналогичен крызскому: в непереходном глаголе имеем широкий гласный, в переходном — узкий. ср.

Непереходные глаголы		Каузатив	
ca ar	«идти»	ce i	«вести»
q asxar	«прийти»	q esxi	«приводить»
sar'ar	«сохнуть»	ser'i	«сушить»
sugar	«гореть»	sugu	«жечь»
alqol	«садиться»	elqi	«сажать»
alqol	«теряться»	algu	«терять»
sanxan	«забыться»	senxi	«забыть»
sarcar	«наполниться»	serci	«наполнить»
q urzar	«встать»	q urzu	«поднять»
alakal	«течь»	aleki	«лить»
sercer	«гнить»	serci	«гноить»
sar ar	«мерзнуть»	ser i	«морозить»
sonkon	«пугаться»	sonku	«пугать»
q alqal	«ложиться»	q elqi	«валить»
aracar	«сыпаться»	ereci	«сыпать»
valqal	«гнуть»	velqi	«гнуть»
arcar	«трепаться»	erci	«трепать»

и др.

Однако, здесь обнаруживается ряд особенностей по сравнению с крызским языком: во-первых, подобное противопоставление обнаруживается в будухском языке не только в формах, образованных от основы настоящего времени, ср. akazi «испачкался» - akirzi «испачкал», vaqalzi «согнулся» - veqilzi «согнул», seccezi «сгнил» - secirzi «сгноил» и др. Следует, впрочем, заметить, что некоторые лексемы все же различают переходность/непереходность только в формах, образованных от основы настоящего времени: alsali «возвращается» / elsili «возвращает», но esilzi «вернул/вернулся» и т.п. Во-вторых, от многих пере-

¹ Общую характеристику будухского каузатива см. У.А.Мейланова. О строе глагола в будухском языке. «Ежегодник иберийско-кавказского языкознания», Т.IV, Тбилиси, 1977, с.235.

ходных глаголов, хотя они и имеют в основе узкий гласный, переходные корреляты не образуются, ср. *cuqlu* «полоскает», *jogo ugi* «протыкает», *jucu* «дает», *q usugi* «кладет» и т.п. Соответственно обнаружены и переходные глаголы, не имеющие переходных эквивалентов: *sartarh ar* «бежать», *jix ar* «быть», *pkar* «остаться» и др. В третьих, некоторые переходные глаголы имеют в основе не широкий гласный, как ожидалось бы, а узкий: *sexci* «прыгнуть», *jeci* «пройти» и др. Все это позволяет сделать вывод о том, что исходная система противопоставления переходных и переходных глаголов, сохранившаяся в крызском, в будухском языке разрушается.

Противопоставление переходных и переходных глаголов с использованием чередования *e/o* характерно для ряда лексем удинского языка, ср. следующие пары глаголов:

<i>ak esun</i>	«показываться»	<i>ak sun</i>	«видеть»
<i>berxesun</i>	«быть молотым»	<i>berxsun</i>	«молоть»
<i>besesun</i>	«быть обрученным»	<i>bessun</i>	«просить»
<i>biq esun</i>	«быть захваченным»	<i>biq sun</i>	«держат»
<i>bixesun</i>	«родиться»	<i>bixsun</i>	«родить»
<i>boq esun</i>	«быть собранным»	<i>boq sun</i>	«соби- рать»
<i>boxesun</i>	«вариться»	<i>boxsun</i>	«варить»
<i>laxesun</i>	«быть положенным»	<i>laxsun</i>	«класть»
<i>t ar esun</i>	«быть битым»	<i>t ar sun</i>	«бить»

В специальной литературе предлагается характеризовать формат *-e-* в качестве показателя страдательного залога¹.

В других языках лезгинской группы не обнаруживается подобного противопоставления. Однако, обращает на себя внимание тот факт, что чередование «широкий гласный/узкий гласный» широко представлено в лезгинских языках, но уже в другом значении, ср. рутул.

<i>lars-wa-r</i>	«берет»	<i>las-u-r</i>	«взял»
<i>aro-wa-r</i>	«входит»	<i>ac-u-r</i>	«вошел»
<i>hirg-a-r</i>	«гонит»	<i>hig-r</i>	«гнал»
<i>sir-e-r</i>	«мерзнет»	<i>si-i-r</i>	«мерз»

и т.д.

¹ См. Ворошил Гукасян. Удинско-азербиджанско-русский словарь. Баку, 1974. с.283.

Как видим, здесь чередования *wa/u*, *a/*, *e/i* служат для различения форм совершенного и несовершенного видов. Аналогична роль данного чередования в арчинском, ср.

<i>arxar</i>	«ложится»	<i>axu</i>	«лег»
<i>arsar</i>	«надевает»	<i>asu</i>	«надел»
<i>arcar</i>	«доит»	<i>acu</i>	«(по)доил»
<i>ercar</i>	«наливает»	<i>ecu</i>	«налил»

и т.п.

Как известно, для выражения видовых противопоставлений в лезгинских языках используется не только наличие чередования тематических гласных, но и наличие/отсутствие инфиксального сонанта *-r-* (*-l-*, *-n-*, *-m-*). Это, по-видимому, приводит к тому, что роль тематических показателей в этой функции уменьшается. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, могло привести к переосмыслению этих показателей в крызском и, отчасти, в будухском языках – тематический показатель совершенного вида стал обозначать переходность, показатель несовершенного вида – переходность.

Подкрепляет данное предположение известная типологическая близость форм совершенного вида к эргативной конструкции (и, следовательно, к переходности) и форм длительного вида – к номинативной, ср., например, отмечаемую в некоторых нахско-дагестанских языках номинативную конструкцию предложения, увязываемую обычно с длительным видом глагола-сказуемого¹; характерное распределение номинативности и эргативности в зависимости от времени глагольной формы в грузинском (ср. *deda swils zrdis* «мать сына воспитывает» и *dedam swill gazarda* «мать сына воспитала»). Наконец, нельзя не указать и на прямую связь показателя переходности

¹ См. Н.Ф.Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940. ст.67; Ю.Д.Денисов. Банбийский язык. М., 1953. ст.231-232; А.А.Бокарев. Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949. с.114; С.М.Хайдаков. Своеобразие эргативной конструкции в лакском языке. ИКЯ. Т. XIV. Тбилиси, 1964; А.А.Магомедов. Об одной синтаксической конструкции в даргинском языке. ИКЯ. Т. XVIII. Тбилиси, 1973. с.362-364; А.Е.Кибрик. Номинативная/эргативная конструкции и логическое ударение в арчинском языке. Исследования по структурной прикладной лингвистике. М., 1975; А.И.Курбанов. Способы выражения подлежащего в цахурском языке. Ученые записки ИИЯ. Т. XVIII (сер. филол.). Махачкала, 1968. с.257.

в крызском языке с видовой формой глагола – он употребляется здесь лишь в формах длительного вида.

В целом, надо думать, появление специальных показателей переходности/непереходности глагола в дагестанских языках связано с постепенным усилением в них субъектно-объектной дихотомии, т.е. с процессом их номинативизации. С этим же процессом можно увязать целый ряд других явлений: зарождение личного спряжения переходных и непереходных глаголов по единому субъектному принципу (как, например, в удинском языке), наличие номинативной конструкции переходного предложения и др.

XÜLASƏ

Dağıstan dilləri felin təsirliyi üzrə qarşıqoymaların müxtəlif vasitələrinə malikdir. Leksika baxımından belə vasitələrə müxtəlif köklü leksemlərin təsirli və təsirsiz mənalarının nisbətini vermək üçün istifadə olunur, müq. et. avar xweze «ölmək» - cwaze «öldürmək» və i. a.

Sintaktik baxımdan Dağıstan dillərində təsirli və təsirsiz fellər kifayət qədər dəqiq şəkildə bir-birinə qarşı qoyulmuşdur. Məsələn, təsirsiz fel burada ikiüzlü sintaqma (subyekt+fel), təsirli fel isə – üçüzlü sintaqma (subyekt+obyekt+fel) yaradır.

Təsirli və təsirsiz fellərin müqayisəsinin morfoloji üsulu Dağıstan dillərində çox müxtəlifdir. Bu baxımdan qız dili materialı xüsusi maraq kəsb edir ki, burada fel leksemlərinin tranzitiv və intrazitiv siniflərə ayrılmasının dəqiq morfoloji meyarları müşahidə olunur.

Budux dilində təsirli və təsirsiz fellərin müqayisə üsullarından biri də «nazik sait/enli sait» əvəzlənməsidir, məs., serciri «doldurur» - sarçari «doldurulur» və i. a.

Təsirli və təsirsiz fellərin bu cür fərqləndirilməsi ikinci dərəcəlidir: ehtimal ki, bu, davamlı və davamsız növlərin mövzu göstəriciləri funksiyalarının yenidən nəzərdən keçirilməsi ilə bağlıdır.

RESUME

Daghestani languages have at their disposal various means of contrasting verbs based on their transitivity/intransitivity.

Syntactically transitive and intransitive verbs in Daghestani languages are contrasted quite distinctly. So, intransitive verb forms dimeric syntagm (subject + verb), while transitive verb forms a trinomial syntagm (subject + object + verb) and each of them is characterized by the case formulation of its nominal members and by the class concord.

Daghestani languages have at their disposal quite a variety of morphological means for contrasting transitive and intransitive verbs. In this concern materials of Kryz language are of special interest: it has distinct morphological criteria for classifying verbal lexemes into transitive and intransitive classes.

In Budukh language one of the manners of contrasting transitive and intransitive verbs is consequence "narrow vowel/wide vowel".

Similar differentiation of the transitive and intransitive verbs is secondary: my all means, it is connected with the new apprehension of functions of thematic indicators of continuous and discontinuous forms.

A. A. АЛИЕВ

Ассоциация независимых историков Азербайджана

КАРАБАХСКОЕ ХАНСТВО

(к вопросу о предыстории образования)

Долгие годы в отечественной исторической литературе исследование процессов образования ханств напрямую увязывалось с ослаблением центральной власти в Иране, господством в стране натурального хозяйства. Но исследователи упускали из виду вполне очевидный факт, что отдельные регионы Азербайджана к второй половине XVIII века накопили уже достаточно большой опыт государственных традиций и автономного существования в рамках Иранского государства. Сказанное в первую очередь относится к Карабахскому беглярбекству. Приведем доводы в пользу сказанного. Помимо чисто карабахских земель, это беглярбекство включало в себя земли вокруг Гянджи (в последующем на этих землях образуется Гянджинское ханство).

Во главе карабахского беглярбекства стояли наследственные правители. Беглярбекство пользовалось относительной самостоятельностью в отношении решения вопросов внутренней жизни края. С авторитетом Карабахского беглярбека вынуждены были считаться шах Ирана, грузинские цари, султаны Османской империи.

Карабахское ханство образовалось в границах Карабахского беглярбекства: это было одно из четырех беглярбекств (кроме него были также Гебризское, Ширванское, Чухурсаадское), на которые делилось Сефевидское государство, начиная с второй половины XVII века. Центром Карабахского беглярбекства была Гянджа (и иногда в исторической литературе это беглярбекство именовалось Гянджинским¹).

На территории Карабаха издавна обитали объединенные азербайджанские племена Джеваншир, Гебирли, Гаджары, Зияд оглу, Бахарлы, являвшиеся коренными этапами карабахского виляета². Представители племени Зияд оглу были наследственными правителями карабахского беглярбекства, в общей сложности они правили этими землями около 300 лет³, т.е. до XIX века.

Зависимыми от карабахского беглярбека были: Мовакат (Мукайтие), Казах, Шамине и Тифлис.

При Тахмасиб I (1524-1576) область Карабаха, включавшая большую часть Арана между Курой и Араксом временами доходила до Тифлиса, а с периода шаха Аббаса I на западе охватывала также Лори и Помбак⁴.

В XVIII веке Карабахское беглярбекство охватывало обширное пространство между Курой и Араксом, ранее называемое Арраном (ар-Ран). В его состав входили следующие районы: Барда – к юго-востоку от Гянджи, старинный город Азербайджана (Аррана), с основным центром водоснабжения на р. Тертер; Ахистабд (ныне Акстафа), на реке с таким же названием одного из притоков Куры; Баргумат – область к северо-востоку от Ордубада, степной район, соединившийся с Приараксьем узким горным проходом; Арастар – об-

¹ Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981, с.82.

² Мирза Адигезал бек. Карабахнаме. Баку, 1960, с.56.

³ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949, с.122.

⁴ Эфендиев О.А. Территория и границы азербайджанских государств в XV-XVI вв. // Историческая география Азербайджана. Баку, 1980, с.114.

ласть к востоку от Джульфы и Ордубада; Джеваншир – территория на южном берегу Куры, находящаяся между Тертером и Араксом¹.

В ходе османо-сефевидских войн 1578-1590 гг. Каджары во главе с предводителями рода Зиядоглу защищали Карабах, в котором они, по словам Искендера Мунши, «пользовались многоходными именами и садами»². В 1590 г. предводители племени Каджар приняли решение своими силами освободить Карабах от османов. Шах Аббас I, не имея сил продолжать борьбу с османами, пошел на переговоры о заключении с ними мира. И поэтому Муххамед хану Зиядоглу Каджару было поручено снять осаду Гянджи и отойти за Аракс, последний с большим трудом сумел убедить ополчение в необходимости выполнения указа иранского шаха³.

В 1605 году шах Аббас I взял Карабах и Гянджу и в знак признания заслуг племени Каджар в борьбе с османами назначил Муххамед хана Зиядоглу Каджара беглярбеком области⁴ (Муххамед хан погиб в войне против царя Кахетии в 1615 г.).

На место отца был назначен Муршудгулу хан. Несколько позже беглярбеком Карабаха был назначен младший сын Мухаммед хана – Мамедгули хан, однако он был смещен в 1625 г. со своего поста, поскольку проявил трусость в войне против восставших грузин⁵. Шах Аббас I, воспользовавшись данным обстоятельством, аннулировал наследственное право рода Зиядоглу на управление Карабахом. Новый беглярбек области Давуд хан был сыном Аллахверди хана, личного гулама шаха, впоследствии ставшего крупнейшим полководцем Аббаса. Давуд хану же была пожалована должность главы и военачальника всех каджарских племенных групп в Карабахе.

Оценивая эти действия Шах Аббаса I, видный историк И.П.Петрушевский справедливо отмечает, что здесь можно усмотреть один из актов политики шаха Аббаса I, направленной против

¹ Рахмани А.А. Азербайджан: границы и административное деление в конце XVI-XVII вв. // Историческая география Азербайджана (сб.ст.). с.123.

² Рахмани А.А. Тарих-и-алам-арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с.277.

³ Рахмани А.А. Тарих-и-алам-арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с.278.

⁴ Рахмани А.А. Тарих-и-алам-арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с.282.

⁵ История Грузии т.1. Тбилиси, 1962, с.298.

Кызылбашской военной знати¹. Однако вскоре сам Давуд хан изменил шаху, став сообщником царя Кахетии Теймураза, вскоре Давуд хан был отстранен от должности.

Каджары восстановили свое наследственное право на Карабах Зияд оглу Каджару. Преемником Мухамедгули хана стал его сын Муртузагули хан. Последний умер в 1664 г. И на его место был утвержден его двоюродный брат Угурлу хан, который покровительствовал представителям науки и культуры и сам числился в рядах талантливых поэтов своего времени². В начале XVII в. вновь возобновились войны между Сефевидским Ираном и Османской Турцией, и основным театром военных действий стал Азербайджан. В борьбе с османскими завоевателями шах Аббас I наряду с местным населением решил сделать себе опору в лице христианского населения Карабаха. Христианское население Карабаха проживало издавна, но оно само по себе никогда не имело армянских корней. Тем не менее, долгие годы армянскими историками утверждался факт об автохтонности армянского населения края³.

Исторической наукой Азербайджана накоплен, основанный на большом количестве письменных и вещественных источников, материал, доказывающий, что так называемые армяне по происхождению были албанами, коренными жителями Карабаха⁴, одним из предков азербайджанского народа.

С учетом злободневности отмеченного вопроса в наши дни позволим себе немного отступить от главной темы нашего исследования и привести следующие факты. Албанское христианское население Гарабага – Арцаха (Эр – Саг), обитавшее в этом регионе в XVI-XVII вв., являлось потомками осколочного населения, которое после распада Албанского царства в начале VIII в. сумело возродить в Арцахе Албанское царство, просуществовавшее до XV в. В XII-XIII вв. Албанское царство возглавил потомок древнего албанского правяще-

¹ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв., с.129.

² Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI-XVII вв., Баку, 1981, с.93.

³ Аракелян А.Ф. Карабах до завоевания Россией. Исторический журнал, 1938, №24; Арупомян Л.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII вв., М., 1954.

⁴ Буниятов З.М. Азербайджан в XII-XIV вв. Баку, 1965; Алиев И. Нагорный Карабах: история, факты, события. Баку, 1989.

го рода Мехралифов – Гасан Джалал. Представители Гасан Джалаловского рода до XV в. были светскими правителями Албанского царства, а после XV в. – духовными, т.е. патриархами-католикосами самостоятельной албанской церкви. В XV в. род Гасан-Джалала получил от главы государства Гара-Гоюнлу Джухан шаха (1435-1467) титул «мелик».

Отметим, на наш взгляд, весьма важный факт: так называемые «гарабахские армяне» в исторических документах никогда себя армянами не называли. Об этом можно судить хотя бы по названию труда католикоса Гандзасарского монастыря (впоследствии церкви) Есаи Хасан Джалала, который именует земли своих предков «Агваном» (краткая история страны Агванской)¹.

Весьма интересно, что армянский автор XVII в. Аракел Тебризский именует Карабах «страною Агванов» (т.е. албан – А.А.) - об этом пишет в своей книге видный азербайджанский историк И.Алиев².

Позиции меликов Нагорного Карабаха (Гюлистанского, Ошрабердского, Хагенского, Варандского и Дзизакского) были особенно сильны в период правления шаха Аббаса I. В их руках была сосредоточена вся полнота судебной и административной власти. Каждый из пяти меликов имел свою собственную крепость и войска. Однако юридически мелики непосредственно находились в зависимости от Гарабахского беглярбека, последний в свою очередь находился в вассальной зависимости от сефевидского шаха.

В источниках по поводу границ меликств (хамсэ) нет разногласий. Исходя из этого, ограничимся описанием границ, данных Мирза Юсифом Карабаги: Варандинское меликство – от гор Кирса простиралось до равнины Алибаба. ... от нового Кирса до реки Шумакенд и до владений халифата; Гюлистанское - от реки Тертер до реки Горан; Джарабедское – « в длину от горы Гырргыздан до лесов Баета и Барды ... От Хагена и реки Губарты до реки Тертер; Дзизакское - начинается в длину от реки Хенаре и Кюльтепе до Малтепе. ... от реки Араз до горы Храт»; Хагенское - «начинается от реки Ени Гаргар и кончается в Габарте ... длиною от Кырхыздан и Мыхтокана до ле-

¹ Есаи Хасан Джалал. Краткая история страны агванской. Научный архив Ин-та истории им.А.Бакиханова АН Азербайджана. док.2009.

² Алиев И.Г. Нагорный карабах: история, факты, события. Баку, 1989, с.74.

сов Баета»¹. В доказательство того факта, что основу меликств составлял тюркский этнический фактор и, наконец, непосредственную связь этих земель с Азербайджаном приведем для сравнения список деревень и населенных пунктов, подвластных Хамсэ в довольно просторном налоговом реестре, составленном османами в период оккупации прикаспийских провинций в начале XVIII века: в Варандинском – Туг, Тоган, Джабраиллы, Галбаши; Хагенском – Хынзырыстан, Сеидбек, Хорамурд и др.; Гюлистанском – Ярнубад, Тальш, Гюлистан; Джерабардском – Джерабад, Еникой, Гарачинар; Дзизакском – Данкесен, Дерехурлу, Сеидли, Байрам.

С целью определить династические корни меликов Хамсэ считаем, что будет весьма уместным привести анализ трансформации титула – «мелик». Титул «мелик» в период арабского халифата употреблялся преимущественно к немусульманским государям, обладавшим светской властью. Позже в ярликах (указах) Газанхана меликами называли старинных местных феодалов, которые были подвластны монголам. При сефевидах титул «мелик» встречается в двояком значении. Во-первых, термин «мелик» обозначает местного феодального владельца, потомка старинного местного правителя. Во-вторых, «меликами» называли старших нескольких сел, а также местной знати. Исходя из сказанного можно сделать вывод, что титул «мелик» был обычным титулом высших представителей той части, которая являлась потомками старинной местной знати. Мирза Адигезал бек подробно анализирует и показывает династические корни карабахских меликов. Мелики Дизака Мелик Егановы были выходцами из Лори Карабахского беглярбекства. Мелики Варанда Шах Назари относятся к очень древнему роду из Геокчайского магала этого же беглярбекства. Мелики Хагена являлись потомками местной албанской власти Гасан-Джалелана в Карабахе. Их власть перешла к мелику Мирза хану из Хымзырыстана, который продолжил династию Хагенских меликов. Власть и титул меликов перешла сначала к его сыну мелику Аллахверди, а затем внуку мелику Гахраману. Мелики Джелаберда или Джермуха были родом из Магавиза в указанном беглярбекстве. Мелик Аллахгулу был удостоен Надир шахом титула султан².

¹ Mirzə Yusif Qarabağlı. Tarixi Safi – Qarabağnamələr, 2-ci kitab, s. 13-14.

² Mirzə Adigözəl bəy. Qarabağnamə – Qarabağnamələr, 1-ci kitab, s. 36-37.

Изучение генеалогии Карабахских меликов позволяет сделать вывод, что все они, кроме Хагенского, не относятся к местной Нагорно-карабахской старинной знати.

Академик И.Алиев пишет по этому поводу следующее: «Ни одна из фамилий карабахских меликов не восходила к знатым (нахарарским) армянским родам... Это, несомненно, местные, неармянские по своему происхождению феодалы»¹.

Вышеизложенный анализ свидетельствует о том, что карабахские меликства не были армянскими государственными образованиями, и их мелики не относились к армянским родам, все они имели местное тюркское происхождение.

Общеизвестные моменты в истории Нагорного Карабаха, как документ 1723 года, адресованный из Карабаха русскому царю Петру I на удинском языке, где четыре карабахских мелика Ширван, Сергей, Иса, Иосиф, обращаясь к последнему (т.е. русскому царю) с жалобой на мусульман, именуют себя агванцами²; предоставление Надир шахом некоторой самостоятельности карабахским меликам с целью узурпации власти и ликвидации сепаратистских тенденций крупных азербайджанских феодалов; письмо карабахских меликов к Потемкину, в котором они именуют себя «наследниками албанцев и албанских царей»³; проекты Суворова и Потемкина, составленные по настоянию Карабахских меликов и предусматривающие создание Албанского царства⁴, являются небезызвестными историческими фактами, подтверждающими территориальную принадлежность нагорной части Карабаха Азербайджану.

А теперь, когда мы выяснили вопрос о роли христианского населения Карабаха в политике Шаха Аббаса I, уточнили и доказали этническую принадлежность карабахских меликов, приступим к изложению событий, происходивших в беглярбекстве к началу XVIII в.

¹ Алиев И. Нагорный Карабах ..., с. 75.

² Арутюнян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х г. XVIII в. За присоединение к России – Ученые записки Ин-та Востоковедения АН СССР. М.-Л., 1951, т.3, с.138. Мустафаев Т.Т. Гянджинское беглярбекство в начале XVIII в. // Ученые записки АН Азерб.ССР, сер. истории, философии и права, 1989, №3, с.38.

³ Мамедова Ф.К. К вопросу об албанском (Кавказском) этносе // Известие АН Азерб.ССР, сер. Истории, философии и права, 1989, №3, с.108-117.

⁴ Там же.

Начало XVIII в. для государства Сефевидов ознаменовалось наступлением экономического кризиса. Практически была опустошена государственная казна, в состоянии глубокого упадка находилось крестьянское хозяйство, ремесло, торговля. Для подтверждения сказанного приведем материал, который был послан Петру I русским посланцем в Иране Артемием Вольтером. Посланник, в частности, сообщает следующее: «Слухи наши наполнены были понеже, внушено было, будто Персидское государство великое богатство имеет и доходы были ... однако и то ныне упущено от неупорядоченных управителей, которые ищут свою, нежели государственную пользу»¹. Далее Вольтер пишет, что иранское государство «не только от внешних неприятелей, но и внутренних зело обеспокоен, понеже народ персидский особливо гордый и зело своеволен, а от страха государя не имеют, хотя Шах и суверен, но только уже сея власть осталась в одном титуле, а не в действе, и только что почитают яко государя и повелителя, а мало слушают. Корыстные правители приносят государю только лесть, а сами плоды себе представляют».

Приведем также свидетельство на этот счет академика С.Г. Гмелина: «При шахах областные ханы вели себя по шахски...кои о себе столь высоко думают, что между собой и верховным начальником различия не полагают, в своем поведении не дают ему отчет»².

К отмеченному нами времени относится случай, когда представители Каджарского племени Зиядоглу на короткое время лишились права управления карабахскими землями.

Есаи Хасан Джалалиян в своей работе «Краткая история страны Агванской» приводит по этому поводу следующее свидетельство: в 1721 году войска Илусуйского султана Али разгромили близ Шамкира карабахского беглярбека Угуфлу хана. Мятежники разорили Гянджу.

В этих условиях сефевидский правитель Тахмасиб II назначил Картлийского принца Шахнаваз хана (Вахтанг VI) командующим всеми силами сефевидской армии, которые находились в Закавказье

¹ Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. (журнал посланника А.П.Вольтера /1716-1718/) // Изв. Общества исследования и изучения Азербайджана 1929, №8, вып.6, с.6.

² Есаи Хасан Джалалиян. Краткая история страны Агванской // Научный архив Ин-та Истории А. Бакиханова АН Азерб. ССР, инв.V – 2009, л.36.

и поручил ему расправиться с илусуйским султаном Али. В эти годы (1722) начался каспийский поход Петра I, его войска находились в Шемахе. Вахтанг VI горел желанием соединиться с войсками Петра I. В тайных переговорах Вахтанга VI с русским императором активное участие принимали ряд карабахских меликов¹. И приказ шаха о наказании мятежников илисуйских как нельзя был кстати. Вахтанг VI был вынужден вернуться в Тифлис².

Воспользовавшись ослаблением сефевидского иранского государства, Османская Турция, начиная с 1723 года, начала планомерный захват закавказских земель. Летом 1723 года османам удалось захватить ряд земель, которые входили в состав Карабахского беглярбекства, а именно Лори, Помбек, Боргелы, Казах. Эти земли были включены в Грузинскую область (вилает), центром которой был Тифлис.

К началу 30-х годов XVIII в. обстановка в Азербайджане резко изменилась: его территория превратилась в арену военных действий между Османской Турцией и Ираном, где к власти стал стремиться энергичный и талантливый полководец Надир Кули. Ему удалось изгнать из страны иранцев, подписать с русским государством два договора - Рештский (1732) и Гянджинский (1795), по условиям которых русские войска выводились из прикаспийских земель. Одновременно Надир Кули хан начал военные действия против Османской Турции, он взял в 1734 г. Шемаху, а в 1735 году Гянджа была очищена от османских войск.

После изгнания османов из пределов Закавказья (1735) Надир Кули хан³ вызывал к себе всякого кто среди элатов и в деревнях казался ему смелым, включив в число своих служащих жаловал ему содержание и чин⁴ Среди них были и представители племени Джевваншир - Бухбудали и его брат - будущий основатель Карабахского ханства - Панах Али хан. Карабахские ополченцы под их командо-

¹ Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в первой половине XVIII в. Баку, 1975, с.35.

² История Азербайджана с древнейших времен до начала XX /под ред. И.Алиева, Баку, 1995, с.256-257; Иванов М.С. Очерки Истории Ирана. М. 1952, с.96; Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб. 1869, с.194-202.

³ К этому времени будучи регентом при малолетнем иранском шахе Аббасе III Надир Кули хан фактически правил государством иранским.

⁴ Мирза Джемал Джеваншир. История Карабаха. Баку, 1959, с.66.

ванием вместе с войсками Надир шаха изгнали турок-османов из Гянджи и других регионов Закавказья.

Надир шах был дальновидным политиком и выдающимся государственным деятелем, он понимал, что дальнейшее пребывание Бехбудали и Панах Али хана на границах его империи может иметь самые негативные последствия. И поэтому он предоставил Панах али хану должность полководца, а Бехбудали – церемонеймейстра и в срочном порядке отправил их в Иран.

В 1736 г. Надир шах заключил мирный договор с Турцией в Эрзеруме. Согласно этому договору Османская Турция возвратила все территории Ирану до 1722 г. Вскоре распространился слух о «таинственной» смерти малолетнего шаха Аббаса III. К этому времени в сефевидской династии не было представителей мужского рода, тем самым ей пришел конец. Вопрос об «избрании» нового шаха был вынесен на гурултай, который состоялся в марте 1736 года на Мугани. По заранее подготовленному плану Надир Кули хан на этом гурултае короновался шахом Ирана, юридически положив конец формальному правлению династии сефевидов.

Среди немногочисленных феодалов, выступивших против коронации Надир Кули хана, был ряд азербайджанских ханов, которые за свой этот шаг понесли суровое наказание, потеряли часть своих владений. Вот как преподносит событие Мирза Адигезал бек: «Гянджинские ханы, происходившие из Каджар и известные по имени Зиядоглу ... всему миру они были известны как беглярбеки и сардары, облаченные властью и самодеятельны. Граница Гянджинского ханства с Гюджистаном проходила выше «сыных керпю близ «Суры-Даша» и с Азербайджаном (имеется ввиду южный Азербайджан с центром в Тебризе – А.А.) ... Гянджинские феодалы на Муганском курултае тайно или явно с исключительным рвением отнеслись к тому... чтобы Надир не короновался шахом Ирана¹». Узнав об этом, Надир решил ограничить права и урезать их доходы, несмотря на то, что в первые годы своего официального правления опасался резким обращением с влиятельными феодалами Северного Азербайджана подорвать свой авторитет среди других местных феодалов. «Надир шах, – пишет Мирза Адигезал бек, – имел ввиду, что потомство Зияд оглу старинное и очаях их пережил много поколений, не считал удобным применять к ним много наказания, как

¹ Mirzə Adigözəl bəy. Qarabağnamə, s.47.

ным применять к ним много наказания, как только что элатов Казаха и Боргелы со своими ханами подменил эмира Гюрджистана. Население же (племени) Джебваншира, «Огуз ики» Кебирли, входящее в состав элатов Карабага было приказано переселить в местность Сарахс (Хорасан)¹». Кроме того, согласно сообщению Мирза Адигезал бека, карабахские мелики были освобождены от покорности гянджинским ханам, и теперь все свои требования и прошения они должны были направлять непосредственно на имя властелина. Секрет столь благожелательного расположения Надира к карабахским меликам раскрывается весьма просто: мелики Хамсэ поддержали кандидатуру Надир шаха во время его коронации на Мугани, а еще ранее они принимали активное участие в войне Надир шаха против османов, снабжали его армию фуражом и продовольствием.

Исследователи подчеркивают, что при Надире меликства переживали период расцвета² и «пользовались всеми льготами правителей в своих владениях и имели свои собственные вооруженные силы»³.

Став главой огромной империи, включавшей Иран и почти весь Южный Кавказ, Надир шах заменил всех правителей областей. Среди лиц, получивших назначения на высшие должности правителей областей, преобладали представители знати из азербайджанского племени Афшар, родом из которого был сам Надир шах.

И наконец, отмена существующих прежних административных делений стало одним из крупнейших мероприятий Надир шаха. Вместо Ширванского, Карабахского, Южного Азербайджана (Тебризского) и Чухурсаадского беглярбекства, он создал огромный вилайет, куда входили земли от Иревана до Дербента⁴. Надир шах ввел большое количество новых податей и налогов. Оставив в завоеванных землях Южного Кавказа своих приближенных и ставленников, Надир шах вскоре покинул Муганскую степь и переправившись через Аракс, направился в Иран, а оттуда в далекую Индию.

¹ Mirzə Adigözəl bəy. Qarabağnamə, s.47; Шукурзаде Э.Б. Генеалогическая таблица карабахских ханов – доклад АН Азерб. ССР, т. XXXVII, 1981, №7, с.83.

² Иоанисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия. Ереван, 1947, с.16.

³ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношение с Россией. Баку, 1965, с.91.

⁴ АВГР.Ф.СРП. Оп 47/1 Д.738 Л.755.

Вернувшись из индийского похода Надир шах не изменил своего отношения к Панах-Али-хану и Фазли беку. По этому поводу Мирза Джемал Джеваншир пишет следующее: «В чинах и положении он добился превосходства над своими соратниками и сослуживцами. Некоторые недруги как при шахском дворе, так и среди элатов, стали так злословить, как это и свойственно завистникам тайно и открыто о Панах хане перед Надир шахом, что ослабило расположение шаха к нему¹». Все это не могло не тревожить Панах Али хана и его брата Фазали бека. Последний в одной из бесед имел неосторожность выразить открыто свое возмущение в отношении переселения элатов Караоаха в Хорасан и за это был казнен Надир шахом. На его место Надир шах предполагал назначить Панах али хана. Последний, «боясь подвергнуться участи своего брата /Бехбудали/, казненного шахом»², со своими сородичами в 1738 г. бежал из лагеря Надир шаха в Карабах.

Мирза Джемал Джеваншир пишет о мерах, предпринятых Надир шахом после бегства Панах Али хана: «Когда его бегство (т.е. Панах али хана – А.А.) стало известно шаху, за ним были посланы гонцы, чтобы схватить его по дороге, но это им не удалось. Были написаны весьма настоятельные приказы сардару Азербайджана и правителям Гянджи, Тифлиса и Ширвана о том, чтобы схватить Панах хана, где бы он ни находился и доставить его шаху. Несмотря на то, что его семья, домочадцы и прочие родственники и близкие были преследуемы и оштрафованы по приказу шаха, однако это не помогло»³.

Преследуемый Надир шахом Панах Али хан находился на яйлаге зангезурского феодала Кара Муртуз бека, где собрав отряд своих приверженцев стал совершать набеги на административные центры – такие, как Гянджа, Нахичевань, Шеки и другие районы⁴.

На его сторону перешло Джерское вольное общество, с одним из членов которого он был в родстве. Вскоре встав во главе племени Отуз ики, он вместе с эмиром двадцати тысяч дворов Джеваншира возглавил повстанческие отряды, боровшиеся против иранского владычества.

¹ Ахмед бек Джеваншир. О существовании Карабахского ханства (1747-1805). Баку, 1961, с.69.

² Мирза Джемал Джеваншир Указ. соч., с. 67.

³ Мирза Джемал Джеваншир Указ. соч., с. 68.

⁴ Azərbaycan tarixi. Bakı, 1999. III-çild, s.406.

В 1743 г. Кахетинский правитель Теймураз помог Надир шаху поймать лжепринца Сам-Мирзу, возглавлявшего в Ширване антииранское восстание. За оказанную услугу шах утвердил Теймураза царем Кахетии и вдобавок отдал под его начало Арагвскую область из Картлийских владений и два мегала Борчалу и Казах, ранее входивших в область, управляемую Гянджинским (Карабахским – А.А.) беглярбеком¹ (во второй половине XVIII в. Вокруг Казаха формируется азербайджанское султанство, а Боргелы в составе Кахетинского царства).

Спустя некоторое время Надир шах ликвидировал полностью независимость Карабахского беглярбекства.

В 1747 г. Надир шах был убит своими приближенными и спустя некоторое время на территории бывшего Карабахского беглярбекства образовались два самостоятельных ханства – Карабахское и Гянджинское.

XÜLASƏ

«Qarabağ xanlığı» məqaləsində Qarabağ bəylərbəyliyi hüdüdunda Qarabağ xanlığının yaranma tarixçəsinə toxunulur. XVIII əsrdə Qarabağ bəylərbəyliyi Kür və Araz arasında yerləşən geniş məkanı əhatə edirdi. Bəylərbəylikdə idarəetmə irsi idi. Daxili məsələlərin həllində bəylərbəylik nisbətən müstəqil idi. Onun nüfuzu ilə İran şahı, gürcü şahları, Osmanlı imperiyasının sultanları hesablaşmağa vadar olurdular. Odur ki, xanlıqların yaranmasını bilavasitə İranda mərkəzi iqtidarın zəifləməsi ilə əlaqələndirmək olmaz. Qarabağ bəylərbəyliyinə mərkəzi Gəncə idi (tarixi ədəbiyyatda bəzən bu bəylərbəylik Gəncə bəylərbəyliyi adlanırdı). XVIII əsrin əvvəli Səfəvilər dövləti üçün iqtisadi böhran vaxtı olur.

XVIII əsrin 30-cu illərində Azərbaycan ərazisi Osmanlı Türkiyəsi və İran arasında hərbi əməliyyatlar arenasına çevrilir. İranda bu zaman hakimiyyət başına sərkərdə Nadir Qulu xan can atmağa başlayır. Osmanlılar qovulandan sonra (1735 il) Nadir Qulu xan Cavanşir tayfasının nümayəndələri olan Behbudəlini və onun qardaşı (gələcəkdə Qarabağ xanlığının özülünü qoyan) Pənahəli xanı xidmətə götürür. Nadir şahın mühüm tədbirlərindən biri mövcud inzibati bölgünün ləğvi olmuşdur. Nadir şah tərəfindən təqib edilən Pənahəli xan Otuz iki adlanan tayfanın

¹ Битков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб. 1805. Т1, с.58-62.

başında durub, İran hökmranlığına qarşı mübarizəyə başlayır. Bir müddət sonra Nadir şah Qarabağ bəylərbəyliyinə müstəqilliyini tamamilə ləğv edir.

1747-ci ildə Nadir şah öz yaxınları tərəfindən qətlə yetirilmişdir və bir müddət sonra keçmiş Qarabağ bəylərbəyliyi ərazisində iki müstəqil xanlıq yaranır – Qarabağ və Gəncə xanlığı.

SUMMARY

The article «Karabakh khanate» deals with the issue of the formation of Karabakh khokate within Karabakh beylarbey's borders. In 18th cent K.b. occupied a vast territory between Kura and Araks. It was headed by hereditary rulers and enjoyed comparative self-dependancy in dealing with interior problems. Its authority was taken into consideration by shakh of Iran, Georgian tzars, Turkish sultans. So the process of khanates formation shouldn't be linked with weakening of central authority on Iran. Gandja was the capital of K.b. The beginning of 18th cent brought economic crisis for state of Sefevils Durug the thirties of 18th cent. Azerbaijan become the place of struggle between Turkey and Iran, where Nadir Kulikhan came to power. Agter turks' banishment from South Caucasus Nadir shakh took representatives of Jevanshir tribe Bekhbudali and his brother Panahali (future founder of Karabakh khanate) on his service. However after some time Panahali khan being pursued by Nadir shakh placed himself at the head of antiiranian liberation movement. Nadir shaks liquidated independance of K.b.

In 1747 Nadir shakh was murdered by his closes and after some time on the territory of K.b. two independent khanates arised – Karabakh and Gandja.

БИЛИНГВИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

1. Исторические предпосылки развития билингвизма.

История мировой литературы знает множество примеров двуязычного художественного творчества. Это явление можно наблюдать на протяжении многих веков в литературе разных народов, которые исторически имели общую судьбу. Еще в III веке широкое распространение имело латино-греческое двуязычие. На востоке в средние века фарси-тюркское и фарси-арабское двуязычие было характерно практически всем известным поэтам: Навои, Хагани, Ширази, Низами, Фирдоуси, Саади, Омару Хаяму, Физули, Амиру Хосрову.

Алишер Навои – родоначальник узбекской литературы, сознавая своеобразие развития литературы на двух языках, в 1499 г. написал трактат под названием "Спор двух языков". Эпоха Ренессанса, пробудив интерес к античной культуре, возродила и древние языки. Латинский язык стал полноправным в творчестве многих писателей того времени. Франческо Петрарка свои лирические произведения создал на родном итальянском языке, а философские, исторические, эпические на латыни.

Русская литература практически всегда являлась двуязычной. В XVII веке русские поэты обращались к древнегреческому и латинскому языкам, а в XVIII-XIX вв. – к французскому и немецкому. Молодой Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Л.Толстой творили на французском языке. К ним обращались И.Эренбург, И.Бабель, Владимир Набоков, Иосиф Бродский, Василий Аксенов – русские англоязычные писатели.

В литературе советского периода русско-национальное двуязычие становится уже полномасштабным явлением. Сближению культур способствовало тесное сближение народов.

Итак, литературное двуязычие является результатом взаимовлияния литератур разных народов. Это объективный фактор. В то же время необходимо учитывать и субъективный фактор – индивидуальное творчество писателя, его судьбу. Таким образом, изучая литературное двуязычие писателя необходимо изучить исторические закономерности развития общества и влияние его на творческую личность.

2. Типы двуязычного художественного творчества.

Методологической основой изучения литературного билингвизма, служат работы крупнейших исследователей: М.М.Бахтина, В.В.Виноградова, В.В.Винокура, А.Ф.Лосева, Е.Д.Поливанова, А.А.Шахматова, Л.Я.Щербы и других. О практике двуязычного творчества, путях развития и закономерностях билингвизма в литературе чаще всего пишут сами двуязычные авторы: Ч.Айтматов, Ч.Гусейнов, Т.Пулатов, Ю.Рытхэу, А.Адамович, С.Залыгин и другие.

В 1997 г. была издана монография Ш.А. Мазанаева "Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур". В ней автор систематизировал опыт билингвизма в широком контексте. Он утверждает, что двуязычное художественное творчество является результатом двуязычия в общественной сфере и в судьбе отдельной творческой личности.

В свое время К.Зелинский отметил три причины русскоязычия отдельных писателей: 1. Отсутствие развитых литературных традиций на родном языке;

2. Удобство непосредственного обращения к широкому кругу читателей;

3. Полученное образование на русском языке (К.Зелинский "Октябрь и национальные литературы". Литературная газета. 1966г. 15 сент.). Однако, нельзя признать эти причины достаточно полными, т.к. опять не учитываются субъективные моменты.

Тем не менее, можно условно выделить несколько типов двуязычного творчества в современной литературе:

1. Творчество на русском и родном языках (Ч.Айтматов, В.Быков, И.Друцэ, Т.Пулатов).

2. Творчество нерусских авторов на русском языке, так называемое "русскоязычное" творчество (Э.Капиев, О.Судейманов, В.Санги, Ю.Рытхэу).

3. Самоперевод автора (Ч.Гусейнов, В.Быков, Анар).

Но вместе с тем в современной литературе ряд представителей нерусских народов становятся русскими писателями. Это Георгий Гулиа, Булат Окуджава, Фазиль Искандер, Эммануэль Казакевич, Анатолий Ким, Михаил Львов. В произведениях этих писателей есть неповторимый национальный колорит, но их творчество стало достоянием русской литературы.

Восприятие двуязычного художественного творчества далеко не однозначно. Суть их сводится к двум позициям: признание или отрицание эстетической ценности двуязычного художественного творчества.

Главное обвинение противников двуязычия в литературе в том, что оно ведет к ассимиляции, полуязычию. Невозможно одинаково хорошо владеть двумя языками, не может быть двух родных языков (Тенгиз Буачидзе, Нафи Джусойты, Бронислав Кузмицкас). Юрий Кузнецов, резко критикуя двуязычие в литературе, отказывает ей в самобытности, считая, что писатели используют лишь поверхностный слой языка, а глубинный, истинно народный пласт языка им неведом и приводит в пример творчество Чингиза Айтматова. Можно, конечно, по-разному относиться к творчеству этого мастера художественного слова, но отказать ему в самобытности и таланте нельзя. Так же нельзя вычленять из русской литературы писателей по этническому происхождению, как это стремятся сделать некоторые шовинистически настроенные исследователи. Ведь так она может потерять Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, Гоголя, Мандельштама, Пастернака, Бродского, Окуджаву и многих других. С другой стороны, двуязычную литературу критикуют и противники ассимиляции, считая ее "новой доктриной великодержавников". По мнению А.Авторханова, "двуязычие - дебильный псевдоним русификации"¹. Он отрицает возможность творить на двух языках, так как человек может знать много языков, а мыслить лишь на одном. С этим утверждением можно поспорить. Конечно, нельзя одновременно мыслить на двух языках, но владея в совершенстве двумя языками, находясь сегодня в одной языковой среде, в определенной жизненной ситуации, он мыслит на том языке, в стихии которого находится.

Одним из ярких тому примеров жизнь и творчество Иосифа Бродского, который еще при жизни стал классиком русской и американской литературы. "Писатель, особенно если он поэт, фигура маргинальная в любом обществе. Изыскание же есть не что иное, как расширение этой маргинальности"².

¹ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. 1988. (Дружба народов, 1991, №4, с.240)

² Броцкий И. Я принадлежу русской культуре // Собеседник. 1989, №12 (окт), с.12.

Будучи в изгнании Бродский писал статьи и прозу на английском, а "стихотворение всегда начинает диктовать самое себя - прежде, чем ты успеваешь подумать, на каком языке это происходит"¹.

Можно проследить за творческой судьбой многих двуязычных авторов и убедиться, что многие из них пришли ко второму языку естественно, как по личным мотивам, так и по объективным причинам.

В литературе народов России XIX века складывается особый вид двуязычия. Один из основоположников новой азербайджанской литературы, просветитель и философ Мирза Фатали Ахундов создавал поэзию на фарси, а прозаические и драматические произведения на азербайджанском языке, переводил их на русский язык. В творчестве Косты Хетагурова - родоначальника осетинской литературы, Чокала Велиханова - казахского фольклориста, русский язык играл важную роль. В советский период русско-национальное двуязычие приобретает совершенно новый масштаб. Творчество Чингиза Айтматова, Василия Быкова, Алесея Адамовича, Иона Друцэ, Виталия Коротича, Тимира Пулатова, Чингиза Гусейнова, Чабуа Амиреджиби, Ювана Шесталова и многих других писателей на русском и родном языке свидетельствовало о формировании целого явления. Кроме того, свои национальные литературы стали представлять писатели, которые, владея двумя языками, пишут на русском: лакец Эфенди Капиев, казах Олжас Сулейменов, абхаз Фазиль Искендер, азербайджанцы Максуд и Рустам Ибрагимбековы, чукча Юрий Рытхэу и другие.

Совместное проживание разных народов формирует единое культурное пространство.

3. Развитие билингвизма в условиях Дагестана.

Особый интерес вызывает изучение развития билингвизма в условиях Дагестана.

Компактное проживание многонационального народа всегда требовало установки языка межнационального общения. В его роли выступали в разные времена арабский, тюркский, русский языки.

За арабским языком стояли арабоязычные культуры и истоки традиции ислама, приверженность к ней основной части населения.

¹ Бродский И. В мире изящной словесности // Америка, 1992. №426 (май), с.38.

Это были сильнейшие факторы, стимулирующие развитие местной литературы на арабской графике. К тому же это была все-таки литература на родном языке, хотя и на арабской графике.

За тюркскими языками стояли традиции Востока, родственность отдельных тюркоязычных народов с народами Дагестана, употребление в быту азербайджанского и кумыкского языков. Но влияние их ограничивалось на бытовом уровне.

В 1923 г. в Дагестане обучение стали вести на азербайджанском языке. Он становится обязательным. Естественно, там, где азербайджанский язык не имел распространения, народ выражал недовольство. В 1927г. было отменено решение об обязательном государственном языке. Началось развитие родных языков народностей Дагестана, но азербайджанский и русский языки оставались государственными языками.

За русским языком стояла Россия, к которой присоединился Дагестан, создание государственной системы школьного образования, блистательная русская литература, которая вышла на мировую арену, исторические перспективы. Выдающийся русский филолог Петр Карлович Услар, посвятивший изучению кавказских языков около четверти века, писал: "Теперь арабский и русский сошлись лицом к лицу. Оба языка завоевателей"¹. Сам он сделал все от него зависящее, чтобы русский язык занял в Дагестане подобающее место. Он разработал первую грамматику многих дагестанских языков: аварского, табасаранского, сделал первую попытку создания алфавита на основе кириллицы. Учениками Услара были заложены основы для создания национальной письменности и литературы. Магомед Хиндиев в 60-х годах XIX в. попытался создать аварский алфавит на русской основе, перевел на аварский язык А. С. Пушкина, на русский - Коран. Абдулла Омаров из с. Куркли разработал грамматику лакского языка, перевел на родной язык книгу К.Ушинского. Казанфар Зульфугаров на основе усларовского алфавита напечатал "Кюринскую азбуку".

Таким образом, в Дагестане в различные периоды истории развивались различные виды двуязычия; арабо-дагестанское, тюркско-дагестанское, персидско-дагестанское, русско-дагестанское. Все они

¹ Услар. П.К. О распространении грамотности между горцами. ССТК. Тифлис, 1870. Вып.3, с.7.

сыграли важную роль в развитии дагестанской культуры, внесли свой вклад. Дагестанцы искали язык межнационального общения, это была жизненная необходимость. Смена языков взаимобщения всегда происходит болезненно, с потерями для культуры и литературы. Для Дагестана задача усложнялась тем, что необходимо было найти язык для консолидации народов и для приобщения к мировой литературе. Ко второй половине XIX в. - началу XX в. таким языком стал русский.

У истоков зарождения билингвизма в Дагестане стояли Айдемир Чиркеевский, Девлет-Мирза Шихалиев, Абдулла Омаров, Магомед-Эфенди Османов, Гаджи-Мурад Амиров, Гасан Алкадари, Мухамед Казем-Бек и другие. Остановимся кратко на деятельности некоторых из них.

В 1849 г. полковник в отставке из Эндрей-аула Девлет-Мирза Шихалиев впервые опубликовал обширный очерк по истории и этнографии кумыков и соседних с ним народов. Шихалиев, в совершенстве владея русским и родным языками, подробно описывает быт, обычаи, традиции кумыка, рассуждая об их происхождении.

Абдулла Омаров из села Куркли - лакский просветитель и этнограф, педагог, автор грамматики лакского языка. В своем "Сборнике сведений о кавказских горцах" публикует фольклорные тексты и этнографические очерки "Воспоминания муталима", "Как живут лаки", где в занимательной форме рассказывает о своем народе, их нравах и обычаях.

В 1873 г. в "Сборнике сведений о кавказских горцах" были опубликованы работы по нраву и фольклору даргинцев, записанные Гаджи-Мурадом Амировым. Очерк "Среди горцев Северного Дагестана" претендует на одно из ранних свидетельств формирования русско-дагестанского двуязычия. В это же время были опубликованы "Двенадцать цудахарских имен" в записи Далгата.

Кумыкский поэт и просветитель Магомед-Эфенди Османов был преподавателем в Петербургском университете. Именно с издания им "Сборника ногайских и кумыкских песен" начинается история кумыкской литературы.

Хорошо известна просветительская и общественная деятельность видного ученого, этнографа, кавказоведа Башира Далгата. Он окончил Ставропольскую гимназию и Петербургский университет. Знал латынь, греческий, французский языки. Владел несколькими

дагестанскими языками, в том числе родным даргинским. Но языком творчества был русский. Ученый написал более 30 работ по этнографии, фольклору, законам и обычаям Кавказа. В своих работах Б.Далгат большое внимание уделяет проблемам культуры, религии, быта горцев. Его этнографические статьи "Первобытная религия чеченцев", "Материалы по обычному праву даргинцев", "Страничка из Северокавказского богатырского эпоса" и др. свидетельствуют о глубоких научных познаниях и литературном таланте писателя. Более подробно хочется остановиться на роли в становлении русскоязычной литературы Дагестана "патриарха русского востоковедения" Мухаммеда Али Мирзы Казем-Бека. Он внес огромный вклад в дело изучения истории литературы и языков России и Востока.

Удивительно тесно и неразрывно переплелись в судьбе этого человека культуры и религии разных народов. Уроженец Дагестана, азербайджанец по национальности, сын шейх-ул-ислама Дербента получил образование в медресе, где изучал восточные языки и литературу, мусульманское право, философию, ораторское искусство. Волею судьбы он попадает в Астрахань, где знакомится с шотландскими миссионерами и овладевает английским языком, затем принимает христианство и становится патриотом России. Через всю свою жизнь пронесит он любовь к этим народам, делая все возможное для сближения их. Он соединил в себе богатства и самобытность русской культуры и культуры Востока. "Такое счастливое соединение в одном ученом стольких способностей и при том такой силы встречается весьма редко", - писал о нем современник ученого И.Березин.

За выдающиеся заслуги в науке М.Казем-Бек был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук, действительным членом Британского Королевского Азиатского общества в Лондоне, членом Копенгагенского Королевского общества северных антиквариев, ординарным членом Азиатского общества в Париже, членом-корреспондентом Американского общества ориенталистов в Бостоне, член Американского философского общества Германского общества ориенталистов в Берлине.

М.Казем-Бек также является основателем и первым деканом восточного факультета Петербургского университета, основоположником изучения мусульманского права в России.

Выдающийся педагог, приверженец ломоносовских традиций в педагогике, был ярким борцом за чистоту русского языка. Он также

заявлял о необходимости изучать древние языки, т.к. "это единственный путь к знаниям в лабиринте невежества". Казем-Бек обращает внимание на то, что Европа уже давно обратила свой взор на Восток, преследуя сначала чисто практические цели. Россия же, будучи географически приближенной к Азии, поддерживая тесные экономические отношения, не уделяла должного внимания востоковедению. И ученый стремился, причем очень успешно, восполнить этот пробел. По мнению Н.И. Веселовского: "Не иностранцы привили у нас изучение Востока, и если изучение это пустило наконец глубокие корни, то тем мы обязаны прежде всего Казем-Беку". Огромный вклад внес ученый-просветитель в дело изучения истории и литературы языков России и Востока. Он мечтал, чтобы "красота восточной литературы и богатство мыслей, скрытых в великих манускриптах арабских и турецких" имели влияние на "просвещенных дворян и пробуждали в них желание самим заниматься восточными языками и возбуждать это желание в своих детях". С этой целью Казем-Бек переводит на русский язык классиков восточной литературы: Саади, Низами, Физули, Фирдоуси, Хагани, а на азербайджанский язык переводит произведения А.С.Пушкина. Азербайджанский ученый создает "Общую грамматику турецко-татарского языка" и составляет "Словарь русских слов, сходных со словами восточных языков", знакомит мир с до сих пор неизученным азербайджанским языком, подчеркивая его богатство и изящество и создает первую научную грамматику родного языка. М.Казем-Бек поддерживал взгляды известного азербайджанского ученого-просветителя М.Ф.Ахундова по вопросу замены арабского алфавита латинским. Они были единомышленниками в том числе по отношению к исламской религии. Свои философские мысли Казем-Бек излагает в трактате "Три письма". Ему принадлежат работы, посвященные творчеству великих поэтов Востока - "Хагани - султан поэтов", "Низами - один из первых по достоинству поэтов восточной литературы", "Физули - столь любимый на Востоке поэт". Изучив рукопись "Дербент-наме", Казем-бек издает ее в Петербурге на английском языке.

Так же значителен вклад ученого в дело изучения истории России, ее языка и литературы. Все работы ученого пронизаны идеей дружбы русского и восточных народов. Произведения ученого, изданные на английском, французском, немецком, арабском, персидском, турецком, русском и азербайджанском языках, широко распро-

странены в Европе, Азии и Африке.

Все вышеперечисленные литературные деятели стояли у истоков зарождения русско-дагестанского двуязычия. В силу исторических причин русский язык стал межнациональным для многих народностей.

20-30-е гг. XX века - годы становления этого явления. К двум языкам в своем творчестве обратились Э.Капиев, Ю.Гереев, М.Хуршилов, Х.Авшалумов. Но конечно, неоспоримый приоритет в этом списке занимает Э.Капиев. Э.Капиеву удалось раздвинуть границы национальной литературы благодаря общечеловеческому размаху тем и проблем своих произведений. На всем лучшем, что создано Капиевым, лежит отпечаток Дагестана, и в то же время ощущается опыт мировой культуры. Традиции писателя пустили глубокие корни в дагестанскую литературу. Но, несмотря на это, до сих пор ведутся споры о месте Э.Капиева в дагестанской литературе. Часть литературных критиков (Н.Павленко, Н.Капиева, М.Чудакова) считают его русским советским писателем, другие (К.Султанов, Р.Юсуфов, С.Ахмедов, Л.Шилова) дагестанским советским писателем. Споры рождаются из-за языка произведений писателя. Он пробовал писать на кумыкском, на лакском, но лучшие его произведения созданы на русском. Капиев очень много сделал для развития лакской литературы, но его творчество становится достоянием всех дагестанских народов.

Обращение писателя к русскому языку вызвано рядом субъективных причин, вытекающих из биографии писателя. С малых лет он говорил на 3-х языках - русском, кумыкском и лакском. После окончания педагогического техникума едет в кумыкское село и там в совершенстве овладевает кумыкским. А пребывание в Ленинграде, совместная жизнь и литературное сотрудничество с Натальей Калиевой сделало окончательный выбор творческого языка. "Я пишу по-русски, но я писатель своего народа", "сын гор, я душой и мыслями и всем моим существом русский человек, и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного"¹. Капиев сочетает в своей личности и творчестве два этих кажущихся на первый взгляд противоречивых понятия.

¹ Капиев Э. "Избранное". В 2-х томах. Махачкала, 1971, т.2, с.129.

Конечно, выбор писателя не случаен, и не определяется только биографическими, субъективными причинами. Он рано понял, что в многоязычном Дагестане, где создавалась литература на восьми языках, обобщить опыт всей литературы можно только на одном языке. И он выбрал язык Пушкина и Тургенева. Его "Дагестанская антология" была высоко оценена Осипом Мандельштамом, сравнившим ее с "упорным и филигранным искусством златокузнецов".

Э.Капиев был подлинным интернационалистом. Он очень любил свой народ, его культуру, искусство. И питает такие же глубокие чувства к другим народам. Это и есть интернационализм - не противопоставлять себя, а сделать свое национальное достояние общечеловеческим².

Весь творческий путь Э. Капиева свидетельствует о его верности как традициям горского фольклора и литературы, так и традициям русской классической литературы. Эти два начала становятся для писателя истоками национального и интернационального.

Язык капиевских произведений и произведений русских писателей не равнозначен. Проза Капиева имеет свои стилевые особенности. В предисловии к своей книге "Поэт" автор признается, что стремился показать "не столько личность поэта, сколько постичь в нем душу своего древнего горского народа на фоне того быта, что дала ему революция". Свою главную миссию писатель видит в создании национально-го характера, порожденного новым временем. Язык автора - это язык профессионального мастера, владеющего тончайшими оттенками русской речи. Отлично владея русским языком, автор вкладывает в уста своего героя чисто дагестанские речевые обороты, своеобразно переданные по-русски. Сулейман, герой произведения, говорит: "Такой сын на ладони яичницу сжарит", "Река буйвола подбрасывает вверх", "Этой старухе надо зашить рот шерстяной ниткой". То есть, он говорит так, как принято говорить в этом случае по-лезгински. Автор дословно переводит речь своего героя, оттеняя при этом своеобразие изложения мысли. Чисто по-дагестански звучат и такие фразы, как "Дать им кинжалом по носу", "Чтобы на доме твоём сова утнездила". Капиев часто передает речь поэта близко к контексту, без ухищрений. Это не свидетельствует о шероховатостях письма, в чем его упрекали некоторые исследователи. Это своеобразие стиля писателя, он объе-

² Капиев Э. "Избранное". В 2-х томах - Махачкала. 1971 - Т1 - стр.5

диняет в своих произведениях элементы дагестанского устного народного творчества и русской профессиональной литературы.

"Книга, написанная о дагестанском поэте, - глубоко национальная книга, в тоже время она стала близкой всем народам" - пишет Р.Гамзатов¹.

Образ Сулеймана - образ поэта глубоко национального. Его манера общения, мышления, его речь - все это имеет национальный характер. Это образ человека беспрельдно любящего свой народ, свой Дагестан. Именно из этой любви рождается интернационализм Сулеймана, его любовь к русскому народу, к России. И именно из этой любви рождается интернационализм Капиева.

Трудно переоценить роль Э.Капиева в становлении литературы народов Дагестана. Именно благодаря его творчеству дагестанская литература вышла за пределы Страны гор, за пределы бывшего Советского Союза. И именно благодаря русскому языку она нашла массового читателя.

Интересен тот факт, что одним из первых литературный талант Капиева обнаружил старейший учитель Дагестана Августин Петрович Скрабе, латыш по национальности, который вместе со своим другом Яковом Сирмайсом посвятил свою жизнь просвещению Дагестана.

В связи с этим невозможно обойти вниманием творчество еще одного дагестанского писателя Юсупа Гереева. Сын Якова Сирмайса рано остался сиротой. Воспитывал его друг семьи Августин Скрабе. Однако в годы гражданской войны и ему пришлось скрываться в горах, а мальчик остался в Темир-хан Шуре. Мальчика увозят в Халилбек аул, и там его усыновляет кумык Арсу Гереев. Так сирота становится Юсупом Гереевым. Мальчик полюбил горцев, их обычаи, их язык. После окончания аульской школы учился в семинарии по подготовке учителей в Азербайджане, а затем на юридических курсах в Ростове-на-Дону.

Таким образом, в силу жизненных обстоятельств родными языками Юсупа Гереева стали латышский и кумыкский. Один язык - родной по рождению, другой - по воспитанию. Русский язык стал для него своеобразным мостиком, который связал два мира будущего

¹ Гамзатов Р. Навстречу современности. Литература Дагестана и жизнь. Махачкала, 1963, стр. 21-23.

писателя. Это язык образования. Эти три начала, три мира отразились в его творчестве, наложили свой неповторимый отпечаток.

Ю.Гереев получил признание как мастер небольших рассказов, напоминающих дагестанские притчи, анекдоты. Однако краткость, лаконичность, афористичность более характерны для латышского фольклора. Малый жанр-рассказ - занимал ведущее место в литературе Латвии в 20-30 г.г. Возможно, именно поэтому в жанре малой прозы Ю.Гереев смог наиболее ярко проявить себя.

Тематика его произведений - борьба с пережитками прошлого. Отрицая мораль прошлого, автор утверждает новое. Главное достоинство рассказов - злободневность, актуальность, острота проблем, которые волновали дагестанский народ.

Русская литература, русская культура также оказала благоприятное влияние на Юсупа Гереева. Они развили в писателе широту взглядов, точность, емкость образной системы, тонкое чувство художественного слова. Об этом говорят его рассказы на русском языке: "Байрам", "Боец", "Заботы Маржанат", "Планы Ажай".

Творчество любого писателя обнажает его внутренний мир, а в душе Ю. Гереева воедино слились три языка, три мира - они имеют совершенно разные корни, но неразделимы ни в творчестве писателя, ни в его судьбе. Поэтому произведения Ю. Гереева надо рассматривать как синтез трех культур. Проза Гереева приобретает интернациональное звучание, так как отражает важнейшие стороны национальной жизни в ее общечеловеческой сущности.

В современной дагестанской литературе билингвизм продолжает свое развитие. Свой вклад внесли такие писатели, как А.Абу-Бакар, М.С.Яхьяев, Магомед-Расул Раджабов, З.Зульфугаров, К.Абуков и др.

Продолжателем традиций Ю.Гереева становится татский писатель Х.Авшаумов. Он является автором сатирических новел, драматургических произведений, очерков, литературно-критических и публицистических статей. Как и у Гереева, главной темой сатирических рассказов писателя стала тема борьбы с пережитками прошлого. Однако, продолжая и развивая традиции дагестанских мастеров сатиры Г.Цагасы, С.Стальского, Ю.Гереева - Авшаумов поднял дагестанскую сагиру на качественно новую ступень. Огромное влияние на формирование писателя сыграло творчество азербайджанских классиков - Сабира и Дж.Мамедкули-заде, которые наряду с

Н.Гоголем, А.Чеховым и М.Твенном являлись любимыми писателями Х.Авшаумова.

Прекрасное знание родного фольклора, национальных традиций сатиры и юмора, русской литературы - все это характеризует творчество Х.Авшаумова, делает его популярным писателем. Популярность объясняется еще и тем, что новеллы издаются на русском языке, доступном для всех народностей Дагестана. Х.Авшаумов, несомненно, является лучшим представителем татской литературы. Он также достойно представляет современную дагестанскую литературу.

Начиналось творчество писателя с коротеньких частушек на азербайджанском языке. Затем пишет на родном, татском, а позже обращается к русскому языку. Поэтому говорить о билингвизме в творчестве Х.Авшаумова не совсем верно, он - многоязычный автор.

Определить национальность героев его произведений всегда трудно. Это не тат, не лезгин, не аварец, а просто дагестанец, представитель либо Южного Дагестана, либо всей республики.

Проблемы, волнующие писателя носят общечеловеческий характер: мещанство, взяточничество, пережитки прошлого, национализм. Именно поэтому произведения Авшаумова, сохраняя национальные особенности становятся интернациональными.

"Лишь через свое, национальное, можно с наибольшей силой выразить общечеловеческое, лишь воспевая социальные сдвиги в судьбе своего народа, отображая его жизнь и мечту, можно достичь интернационального звучания" - говорит литовский писатель Йонас Авижюс. Хизгилу Авшаумову удалось достичь этого звучания.

Удастся это и другому дагестанскому поэту - классику дагестанской литературы с мировым именем - Расулу Гамзатову. Сам он является сторонником творчества на родном языке и двуязычным писателем себя не считает, как не считают многие литературные критики. Все свои стихи поэт пишет на аварском языке. Но стихотворения - не все наследие поэта. Гамзатов пишет литературно-критические статьи на русском языке.

Автор понимает, что к большинству читателей он пришел через русский язык, поэтому почти вся публицистика создана Гамзатовым на этом языке. Русский язык для него - язык общения со своим читателем. Поэзия - внутренний мир поэта, в котором царствует родной язык. Гамзатов не представляет себя на границе двух культур. Русскоязычный индивидуальный стиль Р.Гамзатова не разрушает

представление об аварском поэте и писателе, а лишь придает многообразию и своеобразию творческой индивидуальности поэта.

Истоки поэтического таланта, яркая самобытность Р.Гамзатова прежде всего восходят к его отношению к Дагестану. Главная песня Гамзатова - о Дагестане. Главный литературный манифест поэта выражен в его лучшей книге - "Мой Дагестан". Воспевая свой родной язык, Гамзатов воспел весь Дагестан.

Мало кто из дагестанских писателей сделал так много для прославления своей Родины. Для Расула Гамзатова весь Дагестан родной, а сам поэт родной всему Дагестану.

Заклучение

Художественно-эстетическая значимость всего литературного процесса немыслима без признания ценности как каждой национальной литературы, так и каждой творческой индивидуальности, в том числе и двуязычного автора. К ним можно относиться по-разному, их можно приветствовать и критиковать. Но неоспорим тот факт, что многие из них своим творчеством, своим талантом обогатили русскую и национальную культуры. И пока взаимодействуют между собой различные национальные культуры и литературы такие авторы будут существовать.

"Обращение к опыту творчества двуязычных авторов убеждает нас в том, что ценность произведения определяется не выбором языка, а мерой таланта автора. Талантливый двуязычный автор развивает национальную литературу в той же степени, что и автор, создающий свои произведения только на родном языке"¹.

¹ Мазанаев Ш. Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур. Махачкала, 1997, с.241.

XÜLASƏ

Ədəbi ikidillilik müxtəlif xalqların ədəbiyyatlarının qarşılıqlı əlaqələrinin və bir-birinə təsirinin nəticəsidir. Ədəbiyyatın inkişafının ümumi qanunauyğunluqlarını tədqiq edərkən subyektiv faktorları, yəni hər bir yaradıcılıqda baş verən prosesləri də nəzərə almaq zəruridir. Yazıcının digər dilə müraciət etməsinin çoxlu səbəbləri ola bilər. Bunlar yazıcının digər dilə məcburən müraciət etməsi, oxucu dairəsinin genişləndirilməsi, yazıcının yazısı olmayan dilə mənsub olması və s. ola bilər. Ancaq ikidilli yazıcının başlıca yaradıcılıq vəzifələrindən biri milli xüsusiyyətlərin saxlanmasıdır. Bu məsələni onun necə yerinə yetirməsindən asılı olaraq ikidilli yaradıcılığa münasibət də formalaşır. Lakin bu iş həmişə birmənalı olmur.

Müasir ədəbiyyatda qeyri-rus xalqların bir sıra nümayəndələri artıq rus yazıcıları kimi formalaşmışlar. Bunlar Bulat Okudjava, Fazil İskəndər, Emmanuel Kazakeviç, Anatoli Kim və s.-dirlər. Adıçəkilən yazıcıların əsərlərində milli mənsubiyyət özünü hiss etdirmir, ancaq onların yaradıcılığı rus xalqının nailiyyətləri sırasındadır.

Yazısı olmayan dillərin nümayəndələrinin yaradıcılığı xüsusi maraq doğurur. Onlar üçün ikidillilik həyatı məna daşıyır.

Dağıstan şəraitində bilinivizm iki istiqamətdə fəaliyyət göstərir - azsaylı, yazısı olmayan xalqlar, nisbətən böyük, öz yazısı və ədəbi dili olan xalqların ətrafında birləşirlər (didoylar, arçinlər, botlxlər, andiylər - avarların ətrafında). Digər tərəfdən Dağıstanın bütün xalqları rus dili ətrafında birləşirlər.

Beləliklə, ikidilli müəlliflərin yaradıcılığına müxtəlif cür yanaşmaq olar - bu halı həm tənqid etmək, həm də alqışlamaq olar. Ancaq bu hal təqdimlərdən bu günədək davam etməkdədir.

SUMMARY

Literary bilingualism is a result of interaction and mutual influence of the literatures of different peoples. Exploring common consistent patterns of literature development we should take into account the subjective factors, i.e. those processes that occur in each creative personality. There might be a lot of reasons that can cause the writer to refer to another language. This kind of reference can occur due to the compulsory migration of the author;

expansion of his or her readership; or belonging of the author to a nonliterate language as well as due to many other possible reasons.

One of the major intellectually demanding tasks of a bilingual writer is to maintain the national distinctness and originality. The perception of this particular author and the perception of bilingual literature as a whole totally depend on the author's ability to perform his task. And this perception is complex and multivalued. Attitude towards his creative work and the bilingual literature generally can range from the total rejection to complete recognition. Opponents of bilingual literature consider it as something leading to the language assimilation or even to so-called "semi-lingualism." They deny the distinctive character of this literature and emphasize its superficiality because in their perspective bilingual authors employ only surface layer of the language without having a knowledge on its inner depths and roots. There are even those assailant critics who are eager to clear their own native literature of any foreign writers defining these foreign writers by their nationality and by purity of their blood. But that way Russian literature would lose such a great classicists as Jukovsky, Kantemir, Pushkin, Lermontov, Gogol, Block, Pasternak, I. Ilf, Brodsky, Mandelshtam and many others.

In contemporary literature a number of non-Russian nationals become Russian writers. In this concern we could mention Bulat Okudjava, Fazil Iskender, Emmanuel Kazakevich, Anatoliy Kim, etc. The creative works of the above mentioned authors bear the impressions of national origins, but these works have become the common property of the Russian people.

Creative work of those writers who belong to nonliterary languages is of a special interest. For these authors bilingualism is a vital necessity.

In Daghestan bilingualism is functioning in two directions: on the one hand small nonliterate ethnic groups amalgamate around relatively large ones, who have their own written and literary language (the way didays, archins, botkhils and andiys amalgamated around avars.) And on the other hand all the nationalities and ethnic groups of Daghestan amalgamate around Russian.

Thereby, the attitude towards the creative works of bilingual authors can differ ranging from a friendly acceptance to a critical approach. However this phenomenon exists from the ancient times till the present day. And it will go on as long as different cultures interact with each other. We simply cannot ignore the fact that many of these bilingual authors enrich the cultures of different nations with their creative works.

V. ƏLİYEVƏ
Zaqatala şəhər
1 №-li orta məktəbi

AZƏRBAYCAN DİLİNİN ŞİMAL-QƏRB DİALEKTİNİN ZAQATALA-BALAKƏN ŞİVƏSİ

Dil insanlar arasında ünsiyyət vasitəsi kimi meydana çıxmış və öz inkişafının bütün mərhələlərində insanlar arasında ünsiyyət və fikir mübadiləsi funksiyasını yerinə yetirmişdir. Demək olar ki, dilin taleyi insan cəmiyyətinin taleyi ilə bağlı olmuş və daima ondan asılı olmuşdur. Çünki dil ilk əvvəl insan cəmiyyətinin yaranması ilə meydana gəlmiş, onunla bərabər inkişaf edir, insan cəmiyyətinin ölməsi ilə dil də ölür.

Eyni fikri həm də özünün qrammatik quruluşu və lüğət fonduna malik olan dialektlər haqqında da demək olar. Şivədən böyük vahid kimi qəbul edilən dialekt daha böyük, bir neçə dialektin ümumi cəhətinin təzahürü olan ləhcədən kiçikdir¹.

Tarixən ayrı-ayrı bölgələr arasında rabitə, nəqliyyat və digər qarşılıqlı əlaqələrin zəif olması dialektlərin yaranmasına səbəb olur. Belə ki, qarşılıqlı ünsiyyətin zəif olması nəticəsində vaxt keçdikcə eyni dildə danışan xalqın, millətin dilində ayrı-ayrı bölgələrə xas dialektlərin meydana çıxmasına səbəb olur. Dialektlər yarandıqda ümumi dil əsas kimi saxlanılır, lakin bu dildə olan hər bir dialektin özünəməxsus xüsusiyyətləri olur.

Dialektlər də öz növbəsində daha kiçik vahidlərə ayrılabilir. Müəyyən dialekt daxilində bu dialektə xas olan əsas xüsusiyyətlərdən kənara çıxmayan, lakin az-çox xırda fərqlərə malik olan vahidlər olur ki, onlara da şivə deyilir².

Yerli şivə xalqın müəyyən ərazidə yayılmış hissəsinin digər hissəsindən fərqlənən danışmaq xüsusiyyətlərinin məcmuyu kimi müəyyən edilir. Buna görə də şivə xüsusiyyəti dedikdə digər şivələrdə olmayan, yaxud olarsa başqa mənada, eyni və ya yaxın mənada işlənsə də, müxtəlif qaydada tələffüz edilən sözlər və qrammatik qaydalar nəzərdə tutulur.³

Azərbaycanın şimal-qərbində yerləşən, tarixi Qafqaz Albaniyasının bir hissəsi olmuş Zaqatala-Balakən bölgəsi etnik müxtəlifliyi ilə fərqlənən ərazidir. Bu bölgənin Dağıstan və Gürcüstanla həmsərhəd olması

¹ Hüseyinov Azər. Azərbaycan dialektologiyası. Bakı, 1958, səh.7.

² Hüseyinov Azər. Azərbaycan dialektologiyası. Bakı, 1958, səh.8.

³ Yenə orada.

onun etnik tərkibinə müəyyən təsir göstərmişdir. Belə ki, burada azəri türkləri ilə yanaşı avarlar, saxurlar və ingiloylar da yaşayırlar. Bu xalqların bir-biri ilə tarixən mövcud olmuş qarşılıqlı təması bölgə əhalisinin ümumi dildə danışdığı azərbaycan dilinin bu bölgəyə xas şivəsinin yaranmasına səbəb olmuşdur.

Qeyd etmək lazımdır ki, Zaqatala-Balakən şivəsinin formalaşması bütün digər şivələrin yaranmasına səbəb olan ümumi cəhətlərlə yanaşı, bu bölgənin yerləşdiyi spesifik coğrafi mövqeyi və etnik rəngarəngliyi ilə sıx surətdə bağlı olmuşdur. Belə ki, bölgədə yaşayan xalqların dillərindəki bəzi sözlər yerli əhalinin şivəsində ümumişlək sözlərə çevrilmiş, bir qismi isə hal-hazırda da onların leksikonunda qalmaqdadır.

Zaqatala-Balakən şivəsindəki bu tip sözlərdən daha geniş yayılanları aşağıdakılardır.

- tumarlıq – meşə kənarında seyrəklik
- tutaş – sıx, qur
- xeyrə – saxsı qab
- dal – doğranmamış odun
- aradoldurma – odun çəpər
- gücağacı – orta samı
- sallama – atın boyunduruğunu saxlayan ağac
- taxtaban – yol kənarında tikilən istirahət yeri
- mahıbuynuz (düyə) – yetişən
- hətyət – ehtiyat
- lala – dumduru
- şəhrə – kənd küçəsi
- quraqsamaq – canı çəkmək
- evin şərəfəsi – artırma
- xaxara – divarda xırda əşyalar qoymaq üçün düzəldilən yer
- şişxanalı ev – damının iki tərəfi hörülmüş ev
- məqəş – kəsmiyəbənzər süd məmulatı
- binə – təsərrüfat işləri aparılan yer (kənd)
- ləngəri – xörək çəkilən metal qab
- ardaş olmaq – tərəkə minmək
- şulahin – kol çəpər
- güləm – çiçək tozu
- çəpəl – çirkin, kifir
- şirvəl – dam örtüyünün qurtaracağı
- əhdəc – alət

- ocağa töv vermək – gücləndirmək
- çımxır – sırf
- yantay – daldanacaq¹.
- toxum – qan qohumluğu əsasında yaranan bir neçə ailə birliyi
- qıtmır – xəsis
- dimgə – camaatın yığıldığı yer
- beşik – körpə uşağın yatması üçün istifadə edilən əşya
- balatı – xəmir mayası.²
- barı – divar
- çalğı – ot çalmaq üçün alət, dəryaz
- bali – giləs
- cincar – gicikən
- çibin – milçək

Bu qəbildən olan sözlərin siyahısını istənilən qədər uzatmaq olar, lakin məqalənin həcmimin məhdud olması buna imkan vermir.

Bəzilərinin artıq arxaizmə çevrildiyi, bir qisminin isə hələ də yerli əhali arasında işləndiyi şivə sözlərinin yayılma sahəsi heç də eyni olmamışdır. Bu mənada Zaqatala-Balakən şivəsinə xas olan sözləri aşağıdakı kimi qruplaşdırmaq olar:

1) Bölgə əhalisinin hamısı tərəfindən işlədilən sözlər. Bura cincar-gicikən; bali-gilas; çibin-milçək; ləngəri-xörək çəkilən metal qab; məqəş-kəsmiyə bənzər süd məmulatı; barı-divar kimi sözlər daxildir.

2) Müəyyən kəndlərin əhalisi tərəfindən işlənən sözlər. Buraya şəhrə-kənd küçəsi; evin şərəfəsi-artırma; ağıli-damin həyəti; şulahin-kol çəpər; taxtaban-yolkənarında tikilən istirahət yeri; tumarlıq-meşə kənarında seyrəklik; tutaş-sıx; xeyrə-saxsı qab; lala-dumduru; hətyət-ehtiyat; quraqsamaq-canı çəkmək; əhdəc-alət; ocağa töv vermək-gücləndirmək; çımxır-sırf; yantay-daldanacaq kimi sözləri aid etmək olar.

3) Ayrı-ayrı peşə sahibləri tərəfindən işlədilən sözlər. Bal arısının ayağına yapışmış çiçək tozunu bildirən güləm sözü, arıçılar arasında xeyrə, com – saxsı qab; sallama-atın boyunduruğunu saxlayan ağac; gücağacı-orta samı; xaxara-divarda xırda əşyalar qoymaq üçün düzəldilən yer; ardaşolmaq-tərəkə minmək; mahıbuynuz-yetişmiş düyə kimi sözlər isə maldarlar arasında geniş yayılmışdır. Hal-hazırda da bu sözlər bölgənin əsasən qoyunçuluqla məşğul olan dağ və dağətəyi kəndlərinin əhalisi arasında işlənəkdədir.

¹ Şabanoglu Məhəmməd. Qalanın yastı yolu. Bakı, 2001, səh.82.

² Azərbaycan dilinin dialektoloji atlası. Bakı, 1990, səh.210-258.

Zaqatala-Balakən bölgə şivəsində geniş yayılmış sözlərin bəzilərinin meydana gəlməsinə səbəb yerli əhalinin həyat tərzini, kəndlərin torpaqsızlığı və təsərrüfatı ilə əlaqədar idi. Bölgənin dağətəyi kəndlərinin əhalisi ilin müəyyən vaxtlarında təsərrüfatla məşğul olmaq məqsədilə düzən, çayətəfi ərazilərdə geniş təsərrüfatlar yaradırdılar. Belə təsərrüfatların birliyinə binələr deyilirdi.¹

Binələr demək olar ki, kəndin ibtidai, ilkin forması idi. Hər təsərrüfatın özünün kiçik çəpərli şışxanalı evi (damının iki tərəfi hörülmüş ev), qonşu ilə şulahlınlə (kol çəpər) ayrılan həyətyanı sahəsi var idi. Binələrdə kiçik şəhərlər (kənd küçəsi), yol kənarında isə taxtabanlar (yol kənarında tikilən istirahət yeri) olurdu.²

Bölgə əhalisinin leksikonunda yer tapmış bu kimi sözlər binələrə olan kəndlərin əhalisi tərəfindən daha geniş şəkildə işlədilməkdədir.

Binə tarixən insanların ilkin yaşayış məskənlərindən biri olmuşdur. Bunu bəzi kəndlərin ərazilərində binə termini ilə bitən mikrotoponimlərdən aydın görmək olar. Balakən rayonunun Beretbinə kəndində Qaxay binəsi, Şərif kəndində Hənəpi, Zaqatala rayonunun Aşağı Qala kəndində Həsən binə, Domba binə və s.³

Zaqatala-Balakən şivəsinə xas olan sözlərin yayılma sahəsinə görə qruplaşdırılması zamanı belə bir nəticəyə gəlmək olar ki, bu bölgədə müəyyən qanunauyğunluq vardır. Belə ki, biz müqayisə zamanı oxşar şivə sözlərinin əsasən eyni coğrafi mövqedə yerləşən kəndlərin əhalisi arasında daha geniş yayıldığını görürük. Dağ kəndləri, dağ ətəyi və düzən ərazilərdə (xüsusilə Alazan çayı ətrafı) yerləşən kəndlərin əhalisinin dilindəki şivə xüsusiyyətləri də demək olar ki, əsasən eynidir. Bu oxşarlığı həmin kəndlərdəki əhalinin məişətinin oxşarlığı ilə də izah etmək olar. Əgər əsasən maldarlıqla məşğul olan dağ kəndlərinin əhalisi arasında daha çox bu sahə ilə bağlı şivə sözləri geniş yayılmışsa, dağətəyi və düzən ərazilərdəki əkinçiliklə məşğul olan kəndlərin əhalisi arasında da bu sahəyə çox şivə sözləri geniş yayılmışdır.

Şivələr və dialektlər yerli əhalinin ünsiyyət vasitəsi kimi meydana çıxır. Birdən-birə aradan çıxıb yox olurlar. Müasir dövrdə şivə xüsusiyyətləri ictimai həyatımızın sürətli inkişafı ilə əlaqədar olaraq daha çox köhnəlir və sıradan çıxır. Bu proses ölkənin hər yerində eyni sürətlə getmir. Əsasən sənaye və nəqliyyatın intensiv inkişaf etdiyi şəhərlərdə şivə-

¹ Məmmədov Ənvər. Şimal-qərbi Azərbaycan: Zaqatala dairəsi. Bakı, 2001, səh.30.

² Şabanovlu Məhəmməd. Qalanın yastı yolu. Bakı, 2001, 2001, səh.45.

³ Nuriyev Elxan. Azərbaycan SSR-in Şəki-Zaqatala zonasının toponimiyası. Bakı, 1989, səh.13.

nin aradan qalxması prosesi sürətlə gedir. Dağ kəndlərindəki əhalinin dilindəki şivə xüsusiyyətləri nisbətən uzun müddət canlı halda saxlana bilər.

Zaqatala-Balakən bölgəsi də yerləşdiyi coğrafi şəraitinə görə dağlıq bölgə olduğundan yerli əhalinin şivə xüsusiyyətləri qorunub saxlanmışdır. Düzür, bölgə əhalisinin teksikonunda vaxtilə və geniş yayılmış sözlərin bir qismi arxaik sözlərə çevrilmişsə də, böyük bir qism sözlər hələ də yerli əhali tərəfindən işlənməkdədir.

Dildəki şivə xüsusiyyətlərinin aradan qalxmasına təkan verən, bu prosesi sürətləndirən daha mühüm amil isə müasir dövrdə elmin, texnikanın inkişafı sayəsində ədəbi dilin geniş yayılmasıdır. Belə ki, mətbuat və televiziyanın vasitəsilə bu iş bir az da sürətlənir.

Beləliklə, qeyd etmək lazımdır ki, şivələr dil inkişafının müəyyən dövründə yaranır, inkişaf edir, dəyişir, ən nəhayət yenə də aradan çıxmağa başlayır.

Azərbaycan dilinin şimal-qərb dialektinin Zaqatala-Balakən şivəsi yuxarıda sadalanan amillərin təsirinə məruz qalmışdırsa da, yerli əhali arasında ünsiyyət zamanı şifahi dildə bu ləhcənin özünəməxsusluğu və ona xas olan xüsusiyyətləri qalmaqdadır.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье рассматриваются особенности северо-западных диалектов Азербайджана. Конкретно анализируется Зака-тало-Белоканское наречие. Автор делает заключение о разрушении наречия как целостной языковой системы под воздействием нормированного языка.

SUMMARY

The presented article is about Zagatala-Balaken patois of the northwestern dialects of Azerbaijan. The article reflects peculiarities of Zagatala-Balaken patois, the influence of ethnic composition of the region and people's way of life upon development of the patois. On the basis of gathered material a lexical character of this patois is studied, a certain number of dialectical words are classified into groups according to their usage area.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА НЕ В РУССКОМ И ТАЛЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Язык представляет собой сложную систему разнообразных средств выражения его различных форм и категорий, и эти средства находятся друг с другом в тесной и взаимной связи, которая и является основой для выражения одной лингвистической категории разными языковыми способами, естественно с некоторыми своеобразными оттенками¹.

Данное положение полностью относится к исследуемой нами категории отрицания в русском и талышском языках, средства выражения которой различаются, несмотря на генетическое родство этих языков.

В современном русском языке в отношении отрицания НЕ имеются разные толкования. Некоторые ученые (А.Востоков, Ф.Буслаев, А.А.Потебня) отрицание НЕ считают наречием, А.А.Шахматов – союзом, другие (А.М.Пешковский, В.А.Богородицкий, большинство современных ученых-лингвистов) – частицей. Некоторые же лингвисты (позднее А.А.Потебня) считали НЕ предлогом в раздельном и слитном употреблении. Поэтому до появления фундаментальной работы В.И.Чернышева² частица НЕ ни функционально, ни семантически не классифицировалась, т.е. частица НЕ не разграничивалась в своих категориальном и функциональном значениях.

На протяжении всего XIX века большинство ученых не только не делало необходимого разграничения между частицей и приставкой НЕ. Они обычно включались в разряд наречий. Против этого категорически возразил В.Г.Белинский: «Почему «нет» и «не» наречия? Вздор, они частицы»³. А о НЕ, как о приставке, одним из первых упомянул в своем учебнике по русской грамматике Ф.И.Буслаев⁴.

¹ Грамматика русского языка. Т.1. изд. АН СССР. М., 1952.

² В.И.Чернышев. Отрицание НЕ в русском языке. Л., Изд. АН СССР. 1927.

³ В.Г.Белинский. Письма. Т.1., с.64 (Цит. по работе В.И.Чернышева).

⁴ Ф.И.Буслаев. Учебник русской грамматики. М., 1888, с.108.

Современная лингвистика отрицание НЕ причисляет к служебным частям речи, не имеющим самостоятельного значения. Тем не менее, по своей грамматической и лексико-семантической природе оно (отрицание) разнообразно, чем и отличается от других частей речи. На широкое распространение отрицания в синтаксическом оформлении слов и образовании новых лексических единиц указал и акад. И.И.Мещанинов¹.

«Наиболее часто встречается отрицательная частица НЕ – половина половины всех случаев и даже немного больше (51%)»², – писал А.А.Петерсон, характеризуя отрицательную частицу НЕ.

Отрицание НЕ в современном русском языке выполняет две грамматические функции: употребляясь в качестве собственно отрицательной частицы, оно приобретает синтаксическую функцию; употребляясь в качестве отрицательного префикса, отрицание НЕ служит словообразовательным элементом (например: Он не приятель мой и Неприятель).

Акад. В.В.Виноградов, характеризуя отрицание НЕ, «обнаруживает, две основные модальности:

а) контрастно-утвердительная: утверждается наличие **противоположного отрицаемого** качества, состояния или действия, или реже – сильное ограничение признака, качества. Например: *Он не пьет и вообще хорошего поведения; он не дурак выпить; он меня не жалует* и т.п.

б) **чисто отрицательная** с различиями в степени и энергии отрицания (например: *ничуть не бывало; не бывать бы счастьем, да несчастье помогло; ни капельки не боюсь* и т.д.)»³.

Итак, в русском языке отрицание НЕ выполняет две функции: отрицательной частицы и отрицательного префикса со словообразовательной функцией. Как частица «НЕ имеет значение полного и неограниченного отрицания, которое обуславливает ее синтаксическую функцию – быть средством выражения грамматической категории от-

¹ И.И.Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с.309.

² А.А.Петерсон. К вопросу о построении лексикологии (Лексика повести Пушкина «Выстрел») // РЯШ, 1940, №6, с.6.

³ В.В.Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Высшая школа. Изд.2, с.526.

рицания»¹. Отрицательная частица НЕ перед сказуемым служит для выражения отрицательной связи между субъектом и предикатом.

Как префикс НЕ принимает участие в словообразовании, выражая различный характер отрицательности (полное, ограниченное, отрицательно-положительное – неграмотный, нетрудный, недобрый).

В талышском языке отрицание как частица и как префикс никогда не было предметом исследования; поверхностное напоминание о них мы встречаем в имеющихся работах, посвященных талышскому языку².

На наш взгляд, трудность классификации средств отрицаний, определение их категориальных и функциональных значений объясняется именно их неразработанностью.

Как и в русском, в талышском языке отрицание НЕ как самостоятельная грамматическая категория употребляется при всех знаменательных частях речи и придает слову, с которым она (частица) употребляется, противоположное значение.

Однако, сливаясь с другими словами, отрицание НЕ выполняет функцию приставки и становится элементов словообразования, придает новой лексической единице противоположное значение.

Отсюда, не принимая во внимание совокупности значений отрицания НЕ в русском и талышском языках с возможными сходствами и расхождениями, о которых будет сказано ниже, предварительно можно заключить следующее: отрицание НЕ в русском и талышском языках может быть и отрицательной частицей со своим категориальным значением, и отрицательным префиксом со своим функциональным значением – значением словообразовательного элемента.

¹ Г.Н.Озерова. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев: Наукова Думка, 1978, с.43.

² П.Ф.Рисс. О талышцах, их образе жизни и языке. Зап.Кавказского отд. Русск. географ. об-ва. Кн. III. Тифлис, 1855; Б.В.Миллер. Талышский язык. М., АН СССР, 1953; Л.А.Пирейко. Сравнительная характеристика прошедших времен переходных глаголов в курдском и талышском языках. Автореф. канд. дис. – Институт Языкознания АН СССР. М., 1956; Н.Х.Мамедов. Шувинский говор талышского языка. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук (на азерб. яз.). Баку, 1971; Большой интерес талышскому языку проявили В.С.Соколова, Н.Я.Марр, И.М.Оранский, Д.И.Эдельман, А.Л.Грюнберг, И.Г.Абдуллаев, А.Меджидова и др.

Значение отрицания НЕ в русском и талышском языках

1. В современном русском языке основным лексическим средством выражения отрицания является отрицательная частица НЕ, которая восходит к индоевропейской.

Забегая вперед отметим, что в талышском языке – языке индоиранской группы индоевропейской семьи также основным выразителем отрицания и является частица НЕ. Однако отрицательная частица НЕ в талышском языке более универсальна, чем в русском, ибо:

а) НЕ в талышском употребляется и в значении отрицательного слова НЕТ. б) употребляется и в значении усилительной частицы НИ, о чем ниже будет сказано.

Частица НЕ является своеобразным формальным показателем отрицательности предложения, независимо от места ее употребления в предложении и отнесенности к какому-либо его члену.

В отличие от знаменательных частей речи, частица НЕ в русском языке не имеет самостоятельного значения. Касаясь вопроса о грамматической природе отрицательной частицы НЕ, А.Ф.Кулагин справедливо отмечает, что «если знаменательные части речи отражают действительность в ее предметах, действиях и состояниях, качествах и свойствах, то частица НЕ как служебное слово не обладает такими свойствами; она не может обозначать ни действия, ни качества, ни свойства»¹. Из данного определения нетрудно заключить, что она лишена номинативной функции и указывает на отношение говорящего к действительности только через посредство слов с номинативной функцией и в полном отрыве от других слов не употребляется и, естественно, членом предложения не является. Частица НЕ «морфологически неразложима – и все это служебное слово не бесформенно, а точнее – представляет собой грамматически застывшую, неизменяемую форму»².

Как основной выразитель отрицания частица НЕ употребляется при всех членах предложения, имеет значение «полного и неограниченного отрицания, которое обуславливает ее синтаксическую функцию – быть средством выражения грамматической категории отрица-

¹ А.Ф.Кулагин. Частица НЕ и приставка НЕ в современном русском языке. Учен. записки Ульяновского госпединститута им. И.Н.Ульянова. Вып. 8, 1956, с.329.

² Там же, с.331.

ния. НЕ также играет основную роль для выражения отрицательной связи между субъектом и предикатом»¹.

2. В русском языке отрицательная частица НЕ может употребляться с именем, глаголом, прилагательным, числительным, местоимением, наречием и другими словами. В отрицательных предложениях частица НЕ обычно стоит при глаголе-сказуемом, а в утвердительных – при других членах предложения. Например: «*Катерина... Точно, бывало, я в рай войду и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится*» (А.Н.Островский. Гроза). «*Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша!*» (Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание). «*Была же Лизавета мещанка, а не чиновница*» (Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание). «*Ну, не с доброй вестью Я к тебе пришел. Я лошадей ваших из Москвы привел*» (И.С.Никитин. Жена ямщика).

Отрицательный и утвердительный смысл предложений с отрицательной частицей НЕ нетрудно уловить в приведенных выше примерах: перед глаголом-сказуемым частица НЕ отрицает действие; выступая перед другими членами предложения – отрицает субъект, объект действия, признак и т.п. В подобных случаях частица НЕ, отрицая субъект, объект, признаки и др., никакого влияния на утвердительный смысл сказуемого не оказывает. «- *Не я брала деньги, и не я пошла, я и в номере не была...*»; «*...она была не только последний, а очень важный человек*» (Л.Н.Толстой. Воскресение); «-*Но когда о ней говорит не книга и не разрозненные впечатления мои, а вот так, сама она, - страшно!*» (М.Горький. Мать); «*Как в раю с нею жил! ... Да не нам, верно, знать. Где и как нас кручина застанет!*» (И.С.Никитин. Бурлак); Нередко при отрицании действия, субъекта, объекта, признака и т.д. частица НЕ может сочетаться с союзами А, НО, НО И:

«- *Бить надо не здесь, а там, - холодно сказал Анатолий, кивнув головой в узбекской шапочке на запад*» (А.А.Фадеев. Молодая гвардия); «*И в глубине ее души, взволнованной печалью ожидания, не сильно, но не угасая, теплилась надежда, что всего у нее не возьмут, не вырвут. Что-то останется*» (М.Горький. Мать). «*Критики меня ругали за «телеграфный стиль», а я считал, что такая речь отвечает не только моим чувствам, но и ритму времени*» (И.Эренбург).

¹ Н.Г.Озерова. Средства выражения отрицания в современном русском и украинском литературном языках. Канд. дисс. – Киев, 1973, с.71.

В зависимости от сочетаний отрицания НЕ с членами предложения (или же различными частями речи) в современном русском языке различаются общеотрицательные предложения, когда отрицание НЕ находится перед сказуемым простым, глагольным, именным составным или перед глаголом-связкой в глагольном составном сказуемом и частноотрицательные, когда отрицается субъект действия, объект действия, признак, обстоятельства, при которых совершается действие.

«*Она не топила печь, не варила себе обед – и не пила чай, только поздно вечером съедала кусок хлеба*» (М.Горький. Мать); «*... и в лесу, еще сыром и не шумном, весело распевали ранние птички*» (И.С.Тургенев. Рудин); «*Ольге Ивановна всегда звала мужа, как всех знакомых мужчин, не по имени, а по фамилии*» (А.П.Чехов. Попрыгунья); «*Она была нетороплива. Не холодна, не говорлива...*» (А.С.Пушкин. Евгений Онегин); «*Мой бедный Ленский!*» - *изнывая, Не долго плакала она*» (А.С.Пушкин. Евгений Онегин).

Говоря о синтаксической роли частиц, в том числе отрицательных, в современной лингвистической литературе существуют две противоположные точки зрения на вопрос о функционировании частиц в предложении. Одни лингвисты (Е.М.Галкина-Федорук) считают, что у частиц отсутствуют определенные синтаксические функции. Другие (И.И.Мещанинов, В.В.Виноградов) признают синтаксические функции частиц как выразители «универсальных» грамматических категорий¹. Отрицая наличие лексического, предметного значения частицы, Е.М.Галкина-Федорук отмечает, что «частицы не выражают и грамматических отношений, как предлоги и союзы»², в то же время справедливо утверждает, что всякое предложение или высказывание что-то утверждает как реальное, или отрицает как нереальное. Такое отношение явлений действительности называют модальностью, которая наиболее определенно выступает в предложении, утверждая или отрицая смысл выраженной мысли.

В.В.Виноградов, анализируя частицы в русском языке, считает, что частицы «приходится рассматривать как особый тип слов, но в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги,

¹ Е.М.Галкина-Федорук. Частицы // Современный русский язык. Ч.II. Морфология. Синтаксис. М., МГУ, 1964, с.229.

² И.И.Мещанинов. Члены предложения и части речи, М.- Л., 1945. с.310, с.314.

союзы и связки. ...Ошибочным и случайным должно быть признано мнение, будто частицы не несут никаких синтаксических функций и грамматически противостоят союзам и предлогам¹.

Частице НЕ «по своей синтаксической функции...сближается с модальными словами, не являясь в то же время полноценным словом. Все... частицы имеют свое постоянное значение, но не самостоятельного слова, а семантического оттенка, используемого в синтаксических построениях»².

Характеризуя такое кажущееся противоречие, Н.Г.Озерова³ считает, что при определении значения термина «синтаксическая функция» лингвисты в его содержание вкладывают различный смысл. «Одни исследователи, - указывает Н.Г.Озерова, - понимают под этим термином возможность употребления частицы НЕ в качестве самостоятельного члена предложения, другие - не только это, но и еще возможность употребления НЕ при члене конструкции. Частица НЕ самостоятельно не выступает, она проявляет свою семантику только в связи с лексемой, относящейся к самостоятельным частям речи»⁴.

3. Отрицание НЕ в русском языке, употребляясь с самостоятельными словами, придает последним различные значения, т.е. отрицание отнимает у слов значения действия, состояния, бытия, качества, количества и т.п.»⁵.

Например: *возмутимость - невозмутимость, желание - нежелание, бытие - небытие, ловкий - неловкий, вообразимый - невозобразимый, движимый - недвижимый, много - немного, мало - немало.*

В русском языке отрицание НЕ нередко употребляется в значении отрицательного слова «НЕТ». Такое употребление в основном связано с отрицательным ответом на вопрос. «*Наша деревня Мокрые Верхи прозывается, Может слышали? - Не ... Мы дальше...*» (Куприн.

¹ В.В.Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. второе. М.: Высшая школа, 1972, с.522.

² Е.М.Галкина-Федорук. Указ. работа, с.290.

³ Н.Г.Озерова. Средства выражения отрицания в современном русском и украинском литературном языках. Канд. дисс. Киев, 1973.

⁴ Н.Г.Озерова. Указ. работа, с.52.

⁵ В.И.Чернышев. Отрицание НЕ в русском языке. Л.: АН СССР, 1927, с.18.

Ночная смена). «*Поедем, свет, завтрава вместе; с городу-у-то и лошадей-то в постоялом на дворе вместе поставим? - Не, не-ни зашто, не поеду, - ни за что, - не*» (Углич., Мышк., Рыбин) (Костоловский)¹.

Таким образом, отрицательная частица НЕ в русском языке является основным лексическим средством выражения отрицания. Выступая в категориальном значении, она сочетается со всеми самостоятельными словами, придавая им различные смысловые оттенки.

Выступая же в функциональном значении, отрицательная частица НЕ, превращаясь в префикс, становится словообразовательным элементом. (Друг - не друг - недруг; приятель - не приятель - неприятель; поэт - не поэт - непоэт; боец - не боец - небоец; военный - не военный - невоенный; нападение - не нападение - ненападение; нарадоваться - не нарадоваться - ненарадоваться; медленно - не медленно - немедленно и т.д.).

Главной особенностью отрицательной частицы НЕ в современном русском языке является ее семантико-синтаксическая функция, иначе, выражение общих, смысловых, эмоциональных и модальных оттенков отдельного слова, словосочетания или же предложения в целом.

4. Отрицательная частица НЕ в русском языке употребляется очень широко.

НЕ может отрицать любой член предложения и поэтому не имеет определенного места в предложении, а ставится перед тем членом предложения, который отрицается. Однако ясно и определенно одно: в русском языке отрицание всегда препозитивно, т.е. употребляется не после слова, а перед словом, к которому относится. «*Я его ни за какие деньги не хотел отпускать на волю...*» (Н.Ф.Павлов. Именины); «*Не для солнца, не для неба. Прилетела я сюда*» (А.Н.Плещеев. Птичка); «*Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем...*» (А.П.Чехов. Злоумышленник); «*- Нет, сударыня, не то вы изволите говорить*» (И.С.Тургенев. Степной король Лир); «*... и в лесу, еще сыром и не шумном, весело распевали ранние птички*» (И.С.Тургенев. Рудин); «*...я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась. ... Это не моя вина*» (М.Ю.Лермонтов. Княжна Мери) и т.д.

Прежде чем анализировать значение отрицательной частицы НЕ (и НЭ) в талышском языке, помимо неисследованности данной темы, следует учесть, что всякое суждение о значениях данной частицы мо-

¹ Примеры взяты из указ. работы В.И.Чернышева, с.94.

жет базироваться на языковых фактах, зафиксированных в литературных произведениях, небольших рассказах, написанных только носителями талышского языка, имеющими соответствующую подготовку и изданных в 30-х годах, на записях, сделанных в районах зоны в 60-70-х годах, а также примитивных учебниках по грамматике талышского языка.

Отрицательные частицы НЕ, НӨ в талышском языке, как и в русском, являются одним из основных выразителей отрицания. В отличие от русского языка в талышском языке в качестве отрицательной частицы выступает и частица НИ. Однако, если в русском языке частица НИ, выступая с отрицательной частицей НЕ, усиливает отрицание высказывания, то в талышском – НИ выступает без НЕ и самостоятельно выражает отрицание. Следовательно, на первый взгляд кажется, что в талышском языке функционируют три равноправные отрицательные частицы со статусом выражения отрицания. Однако при сочетании их с отдельными частями речи и формами смысловое различие их проявляется очень четко.

а) Отрицательная частица НЕ. В талышском языке частица, выступая в своем категориальном значении, употребляется со всеми самостоятельными частями речи, придавая им противоположное значение. Как было сказано выше, отрицательная частица НЕ в талышском языке более универсальна, т.е. она свободно может заменять отрицательное слово «нет» и частицу НИ. В силу этих возможностей отрицательная частица НЕ в предложении может выступать самостоятельно, и приобретать значение слова-предложения. Как и в русском языке, в талышском языке частица НЕ приобретает значение отрицательного слова «нет» только в диалогической речи и является отрицательным ответом на заданный вопрос.

Примеры: «Машдә рәбәдә һич сәдо һыбе. Һар шеј тамыш жә, һиччи шо һыбе. Не ливон лывдән (лыведән), не куми лөгон (Зульфугар Пенсәж «Давардә ружон» Поема) – «...Не листья шевелятся, не резухи крыши» (Зульфугар Песаж «Минувшие дни»)¹. «Пешим бә банди, әкаме ванги. Бәмьшон вотшоне ты һарда бәнгги. Не бәнггим, һардәје, не бәнгги донә» («Талыш маһһыларь», 1931, стр.19, купл.7) – «...Не банги я ел, не банги зерен».

¹ Думаем, что нет необходимости перевести примеры полностью, поэтому переводим только строки и части предложения с отрицательными частицами.

«Аз не, ты не, әвән не, бә ки бушу (бышу) бә вишә?» - «Не я, не ты и не он, а кто должен пойти в лес?». Әчәј синн чыл не, чыл каме, пенчо бәбе». – «Ему не сорок, сорок мало, пятьдесят будет». – «Мәм-мәд, ты машпи бә вожор (выжор) бәшеш?» - «Не». Мамед, ты завтра пойдеш на базар? - Нет». «Бәј быһышт. - Не, ком һысе, тәдиге, шедәм». «...Приходи, садись. – Нет, у меня дела, тороплюсь, ухожу»¹.

б) Весьма интересно употребление отрицательной частицы НЕ с глаголами в талышском языке. Частица НЕ в талышском языке по сочетанию с глаголом значительно отличается от сочетаний с глаголом в русском языке.

Если в русском языке частица НЕ в своем категориальном значении сочетается с глаголом-сказуемым во всех временных формах (не работал, не пишу, не пойду, не буду читать), то в талышском языке она употребляется только с вспомогательным глаголом «һест» (һес) – «есть». Тем не менее, и в таком сочетании частица НЕ придает всему предложению отрицательное значение, так как вспомогательный «һест» в талышском языке в основном употребляется в значении глагольной формы настоящего времени и очень близок к возвратному глаголу «имеется».

«Тынәдә не һес (һест) шамвердә даве. Нә овә дызи, нә марзә шаве» (Зульфугар Пенсәж «Колхози маһне») – «В тебе не есть соседской ссоры. Ни ворующих воду, ни спорящих из-за межи» (Зульфугар Пенсәж. «Колхози маһне»).

Близость вспомогательного глагола «һест» к основной глагольной форме подтверждается его особенностью спрягаться по лицам и числам, чего нельзя сказать о «есть» в русском языке: аз һыстим (һысим)², ты һыстиш (һышиш), әв һысте (һысе); әмә һыстимон (һысимон), шымә һыстион (һысийон), әвон һыстин (һысин).

Исключением является сочетание НЕ с инфинитивом при условии, если между ними выступает предлог: «Шура һукумәтәдә... кулакон ијән истисморәкон не бо выжне, нејән бә кој сә даварде ыхтыјорышон ни» - «В советском государстве... кулаки и эксплуататоры не избираться, не занимать руководящие работы не имеют права» (Книга

¹ Эти примеры взяты из материалов записи, сделанных нами из уст информантов в талышской зоне. В дальнейшем в сносках будет указано «Из «Записей».

² В современном разговорном талышском языке форма «һысим» более употребительна.

для чтения. Для неграмотных (на тальшском языке). Баку, 1935, с.87).

в) Отрицательная частица НЕ в тальшском языке подобно НЕ в русском языке выступает в роли как частицы, так и префикса. Частица НӘ как НЕ употребляется при всех самостоятельных словах и в то же время в зависимости от степени выражения отрицания может выполнять и функцию другой отрицательной частицы НИ.

«Ысәт нә нокә, нә бәг, нә әгәј. Нә дымжон һесе, нә мышты ләғәј...» («Книга для чтения» ...стр.83). – «Сейчас не слуг, не беков, не господ. Не ругань есть, не избиение кулаками, не пинками»... (Перевод дословный). Смысловой перевод: Сейчас нет ни слуг, ни беков, ни господ, ни ругань, ни избиение...». В тальшском языке частица НӘ подобно русской НИ часто употребляется для усиления отрицания и имеет значение перечисления предметов, явлений, качества, количества и др.

«Нә шедәм, нәән омедәм, һич бә чымы јодән дәшәдәни» - «Не хожу и не прихожу»¹, даже и не вспоминаю»².

В некоторых оборотах НӘ может сочетать в себе одновременно значение «НӘ и НИ». В известном нам четверостишии из тальшской песни «...Нә бәнгым һардә, нә бәнги донә...» - «Не ел я ни «банга», ни его зерен»³ нетрудно заметить, что в тальшском тексте частица НИ отсутствует. Однако при переводе на русский язык НӘ как бы распадается на две составные части – НЕ и НИ, где НИ выступает как элемент, усиливающий отрицание. Такое усиление отрицания в тальшском языке передается только при помощи НӘ при условии его повторения перед каждым отрицаемым словом-предметом, словом-действием, словом-качеством и др. При дословном переводе – «...Не банга» я ел, не «банга» зерен» - не имеем НИ и в связи с этим совершенно меняется семантика высказывания – предложения; из общеотрицательного оно превращается в утвердительное и в то же время порождает впечатления незавершенности действия, смысла. – «...Не «банга» я ел, не «банга» зарен», а что-то другое.

«Нә һамсијә, нә дуси, нәән бә хышәванди кә шедәм, ныштәм ыштә кәдә, ды һич кәси ком ни». – «Ни к соседу, ни к приятелю и ни к родственникам я не иду, сижу у себя дома и никого не трогаю»⁴.

¹ Оборотом «Нә шедәм, нәән омедәм» в тальшском языке обычно передается состоящие ссоры между родственниками, приятелями и знакомыми.

² Из «Записей...».

³ Б.В.Миллер. «Тальшские тексты...», с.182.

⁴ Из «Записи...».

г) В сочетаниях отрицательных частиц с различными самостоятельными словами основное внимание, как правило, уделяется глаголу, так как только в сочетании с глаголом можно утвердить, является ли данное предложение отрицательным или утвердительным. В этой связи частица НӘ по своей грамматической характеристике наиболее близка к отрицательной частице НЕ русского языка.

Подобно НЕ в русском языке, НӘ в тальшском языке как частица употребляется с глаголом во всех видо-временных формах и придает высказыванию-предложению общеотрицательное значение.

Таким образом, в тальшском языке основными средствами выражения отрицания являются частицы НЕ, НӘ, НИ. Однако по сравнению с НЕ частица НӘ имеет более широкий диапазон действия, в определенных позициях может выступать и в роли отрицательных частиц НЕ и НИ.

В отличие от НЕ частица НӘ выступает со всеми частями речи, в том числе с глаголом. Частица НЕ может сочетаться только с глагольной связкой «һест» (һес).

Отрицательные частица НЕ и НӘ в тальшском языке в основном служат для выражения отрицания. Как и в русском языке, НЕ и НӘ в тальшском языке может употребляться с любым отрицаемым словом, причем всегда стоят перед отрицаемым словом.

Выступая перед глагольными формами, они придают предложению общеотрицательное значение; перед другими членами предложения частицы НЕ и НӘ придают предложению частноотрицательное значения. «Һәни не мор, не вәзәхе, Тукәдә мыв бә вәх-вәхе» - «Больше не змея, не лягушка, На рисовых полях крикает утка» (дикая)¹. «Аз дәғәғ зындәм: әв нә ко кардә, нәән һандә» - «Я точно знаю: он не работает и не учится»².

XÜLASƏ

Məqalə yaxın qohum dillər olmayan, lakin eyni dillər qrupuna aid olan rus və talış dillərində inkarlıq bildiren NE affiksinin funksiyasına həsr olunub.

¹ Книга для чтения..., с.51.

² Из «Записи...».

NE affiksi hər iki dildə inkarlıq ifadə edən əsas vasitədir. Ancaq rus dilində cümlələrdə əsasən dialoqda mənfi cavab bildiren NE affiksini əvəzinə inkarlıq bildiren NET sözü də işlənir – «Yo, yo – qətiyyən yox, getməyəm, qətiyyən yox». Bundan əlavə, rus dilində NE inkarlıq affiksini əsas qrammatik funksiyalarına da toxunulur.

Talyş dilində isə inkarlıq NE, Nİ, NƏ, NO affiksini köməyi ilə ifadə olunur.

Rus dilində Nİ inkarlıq affiksi kimi talyş dilində də NƏ inkarı daha da kəskinləşdirmək üçün işlərin və əksərən əşyaları, hadisələri, nişanələri sadalamaq üçün istifadə olunur.

Talyş dilindəki NƏ affiksini funksional diapazonu NE affiksindən daha genişdir. Affiks NO əsasən mənfi məna daşıyan sözdüzəlmə prosesində prefiks funksiyasında işlənir – nomerd (неужчина), nosins (не-благородного происхождения).

Prefiks Nİ felin əmr formasında NE funksiyasını daşıyır – «Bide nikə, bide nibu – пусть не делает, пусть не будет».

Beləliklə, inkarlıq kateqoriyasının bütün dillərə xas olmasına baxmayaraq, onun ifadə vasitələri müxtəlif dillərdə müxtəlifdir.

SUMMARY

The article is devoted to the functions of the negative particle Ne in Russian and Talysh languages - two languages belonging to one language family (Indoeuropean) but at the same time not closely related to each other. Negative particle "NE" is a means for expressing negation in both languages. However, in Russian the function of "NE" can also be fulfilled by the negative word "Net" – "No" (mostly when there is a negative answer in dialogical speech - "No, no" - no way, I will not go).

Main grammatical functions of the negative particle "Ne" in the Russian language are also pointed out in the article.

In Talysh language the negation is also expressed by the means of the following negative particles: NE, NI, NƏ, NO, NY.

As well as NI, in Russian the particle NƏ in Talysh intensifies the negation and is being used for narrating the items, phenomena, characteristics and so on.

NO in Talysh language has a wider range of functioning than the particle NE. Particle NO is being used mostly in the process of deriva-

tional morphology in capacity of prefix - номера, НОЧИНС, while NY - in the form of imperative mood of the verb meaning Ne: "Bide nıke, bide nibu - let him not do it, let it not be".

Thus, although each category of negation is inherent to all languages, each language expresses it by its own linguistic means.

К. А. ГАДЖИЕВ

Бакинский славянский университет

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО МИРОВИДЕНИЯ ЛЕЗГИНСКОГО НАРОДА

Устное народное творчество (УНТ) лезгинского народа столь же древне, как и сам народ. В некоторых образцах этого творчества живут представления предков, стремящихся покорить природу. Иногда эти представления доходят до нас в первоизданном виде, иногда претерпев некоторую трансформацию.

Понятия добра и зла, мифические представления и вера в высшие силы - давали благодатную почву для создания таких форм УНТ как мифы и легенды, хвала и проклятия, приметы и заговоры. Эти образцы, наряду с архаическими представлениями народа, отражают его этико-эстетические, общественно-философские воззрения, духовные основы и моральные нормы. УНТ каждого народа создается на его национальной почве. В создании определенных форм и жанров фольклора важную роль играла и географическое месторасположение лезгинского народа.

Лезгины, как известно, в основном заселяют юг Дагестана и север Азербайджана. Территория, заселенная лезгинами, делится на три природно-географические зоны: низменная или равнинная, предгорная и высокогорная. Благоприятные почвенно-климатические условия предгорной зоны способствовали развитию здесь земледелия. Но судьба посева на полях зависела от погоды, т.е. от дождя. Поэтому одним из наиболее распространенных обрядов среди лезгин, как и среди многих других народов, был обряд «вызывания» дождя - «пешапай». Это лезгинское слово означает «лиственный свёрк» (пеш-лист, апай- свёрк). Обряд совершался следующим образом. В

поле собиралась большая группа людей. Одного из присутствующих здесь наряжали в костюм пешапая, изготовлявшийся из связанных между собой больших зеленых листьев травы. На голову пешапая надевали железную посуду.

Пешапай в сопровождении людей ходил по дворам. Сначала хозяйки обливали его водой, а потом давали ему «дары» - яйца, сладости, хлеб, сыр, мед и т.д. При этом все на этой церемонии произносили:

Ай пешапай, пешапай!
Пешапайдиз яд кланда!
Марфар, цифер инихъди
Ракъар, варцар анихъди!

Перевод на русский язык:

Ай пешапай, пешапай!
Пешапай хочет воду!
Дожди облака в нашу сторону!
Солнце месяц от нас!

После того, как обход домов был закончен, вся группа собиралась вместе и хором просили у бога дождя, а затем поровну делили все, что собрали.

В тех случаях когда шли проливные дожди, устраивали обряд солнца - «гуьнуь». Что означает это слово в настоящее время трудно определить. Возможно, это связано с именем какого-либо древнего божества.

При исполнении этого обряда также собирались люди, но в этом случае они наряжали «гуьнуь» - деревянную куклу. Эту куклу одевали в платье из красной или желтой материи, на голову надевали красный платочек, на шею бусы. Гуьнуь держала обычно женщина, которая ходила по дворам и распевала:

А гуьнуь, гуьнуь гуьн герек!
Чи гуьнуьдиз рагъ герек!
Марфар, цифер анихъди!
Ракъар, варцар инихъди!

Перевод на русский язык:

Эй гуьну, гуьну нам свет нужен!
Нашей пчелиной сапетке солнце нужно!
Солнце, месяц в нашу сторону!
Дожди, облака в другую!

Во многих лезгинских селениях существовал обычай кормить пастуха, выпасавшего коров. После дойки коров кто-либо из хозяев по очереди приглашал пастуха и вкусно кормил, а когда пастух уходил, ему в сумку клали завтрак. Этот лезгинский обычай имеет древнее происхождение.

Особо большим праздником был приход весны «яр». Это время означало, что весна полностью вступила в свои права. Этот праздник назывался «яран сувар». Это было идентично празднованию в Азербайджане «Новруз Байрамы». В ночь с 21 по 22 марта разводили большие костры, перепрыгивали через них. Этот праздник широко отмечался во всех населенных пунктах.

С ковроткачеством у лезгин связан ряд поверий, пословиц, песен. Известная поговорка гласит: «Пара рушар - пара гамар, пара гадаяр-пара балк | анар» (Много девушек - много ковров, много парней - много коней).

У лезгин существовало поверье, что если во время натягивания основы ковра на дворе завоет собака, то произойдет несчастье, а если в дом войдет петух и запоет, то наоборот, будет веселье. Существовал ряд поговорок, например, «Села за ковер - не вставай до прихода гостя». Много песен было сложено, связанных с ковроткачеством:

Зун гамунихъ ацукънава
Пенджер ахъаз билбил рахаз,
За халича хрзава
Ярдин гъемед шикил алаз.

Перевод на русский язык:

Я сижу и ткаю ковер
В открытом окне трели соловья,

Я сижу и тку ковёр
С изображением кинжала любимого.

Лезгины издавна славились любовью к песне. За понравившуюся песню в горах в старину дарили коня. Те, кто слагал песни, всегда были в почете у лезгин. Широко были распространены песенные состязания. У лезгин состязания ашугов были традиционными и сейчас многие пожилые люди вспоминают эти состязания.

Много легенд и песен складывалось о молодом ашуге из Худата, не по годам мудром юноше Лукмане. Говорят, что у дербентского хана была дочь - Бике-ханум. Она была очень умной и хитрой и была ашугом. Бике-ханум приглашала на состязания ашугов из других ханств, побеждала и бросала их в темницу. Наконец, весть дошла до Лукмана и он решил принять вызов. Он отправляется в Дербент, встречается с Бике-ханум и побеждает её. Согласно эпическим традициям всё заканчивается благополучно.

Со времен глубокой древности художественное слово было мощным оружием в руках народа. Из множества значений и оттенков слова рождались и развивались новые фольклорные жанры лезгинского народа.

Особое место в лезгинском фольклоре занимают обрядовые и колыбельные песни, прибаутки, плачи. Например, такие как «Свадьба», «Одевание невесты», «Приход дружков жениха», «Песня гостей», «Песня, поющая в доме жениха» и многие другие.

Большое значение в свадебном обряде имела одежда жениха и невесты. Одежда жениха традиционно состояла из рубашки, брюк, бешмета и черкески. Обувью были - легкие сапоги. Головным убором являлась каракулевая шапка или же его заменяла овчинная папаха. Весь свадебный костюм подчеркивал стройность джигита.

Одежда невесты - лезгинки состояла из нескольких рубах, сшитых из ситца, а также дорогих материй - атласа, шелка, «хара». На талии обязательно должен был быть серебряный пояс. В наряд входили также серьги, бусы, браслеты, кольца, нагрудные украшения и т.д.

Мы привели несколько примеров обычаев и обрядов лезгинского народа. На наш взгляд, перед исследователями лезгинского фольклора и национальной культуры стоит трудная, но в то же время интересная задача - выявить и зафиксировать неизвестные нам до селе изюминки из сокровищницы народной словесной мудрости.

XÜLASƏ

Hər bir xalqda olduğu kimi ləzgi xalqının da şifahi xalq ədəbiyyatı öz kökləri ilə qədim dövrlərə gedib çıxır.

Xeyir və şər anlayışı, mifik təfəkkür və təsəvvürlər, ali həqiqətə inam ləzgilərin şifahi xalq yaradıcılığının bir çox sahələrinin inkişaf etməsinə zəmin yaratmışdır. Şifahi yaradıcılığın növlərindən olan nağıl, əfsanə, dastan, mahnı və digər bu kimi janrlarda yaradılmış nümunələr xalqın etik, estetik, ictimai-fəlsəfi baxışlarını və mənəvi dəyərlərini əks etdirir.

Ləzgi xalqının şifahi xalq yaradıcılığında millilik və xəlqilik sadəcə olaraq məişət və etnoqrafiyanın təzahüründən ibarət deyil, ilk növbədə xalq ruhunun və dünyagörüşünün, bütövlükdə milli dünya mənzərəsinin bədiifadəsidir.

Bir sıra folklor nümunələrinin yaranmasında xalqın adət-ənənələri, məişəti, coğrafi mövqeyi folklorun poetikasına təsir göstərir.

SUMMARY

The roots of the Lezghin folk-lore like folk-lore in any other society originated from in ancient times. The ideas of good and evil, mythical thinking and images, and belief in supreme truth created a good basis that favoured development of many different areas in the Lezghin folk-lore.

Different types of folk-lore such as tales, legends, ballads, songs, and other poetic patterns of this genre reflect people's views and ideas about ethics, aesthetics, social philosophy and moral values.

Nationalism and nationality in the Lezghin folk-lore is not only a simple demonstration of people's lifestyle and a manifestation of ethnography but also artistic expression of people's high spirit and world outlook as a whole national disposition.

People's custom and traditions, their lifestyle, and geographical position influence the poetics of many folk-lore patterns.

ЛЕЗГИНСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ О БОГАТЫРЕ ШАРВИЛИ (основные направления изучения)

Конец двадцатого столетия, вошедший в историю человечества как время глобальных геополитических изменений, коренной ломки во всех сферах социальной и духовной жизни народов, наряду с другими событиями, характеризуется и как время начала пробуждения самосознания многих, особенно небольших, не имевших своей государственности народов. Это пробуждение обрело самые разные оттенки и сопровождалось самыми различными процессами, начиная с крайнего национализма и сепаратизма, принесшего и продолжающего приносить неисчислимые страдания не только одному этому, но и многим другим окружающим его народам, кончая поисками этнически стерильных «первокорней» и нахождения их в самых древних временах.

Одновременно с этим протекал и более здоровый процесс, который охватывал области политической, этнической, социальной историй народов, истории их культур, литератур, языков и т.д.

Внешне все эти события, эти поиски национального «Я» имели общие истоки и причины: поиски своего места в этническом многоцветье, характерной для всего Кавказа.

Как свидетельствует опыт, эти поиски не всегда приводили к самым разумным и полезным для последующей истории народов результатам. Наряду с усилением интереса к национальной истории, культуре, традициям и обычаям, созидательной работой во имя развития, имели и продолжают иметь место случаи, когда этот процесс сопровождается всплесками агрессивного национализма, национал-сепаратизма, игнорирования истории, культуры, интересов других наций во имя утверждения правды своей нации и другими крайними, вредными и опасными не только для той или иной нации и народа, но, и для всего региона в целом, проявлениями.

Конечно, пена со временем осядет, мусор смоем история, но к этому времени все эти «измы», порождаемые воспаленной фантазией некоторых горе-патриотов, может, как говорится, наделать делов.

В таком случае возникает острая необходимость в объективном изучении историко-культурного наследия народов, определении основных, способствовавших его формированию, сплочению, существованию как этноса факторов. В выявлении и изучении этих факторов, наряду с другими направлениями исторической жизнедеятельности народа, большое значение имеют исследования в области фольклора. Общеизвестно, что фольклорные произведения, переходя от поколения к поколению, аккумулировали в себе не только бытовые, исторические, культурные и т.д. реалии жизни народа, но и выступают как особая форма проявления мировосприятия создавшей их нации, представляют из себя своеобразный социально-психологический портрет последней.

Научное, системно-последовательное изучение фольклорного наследия позволит найти ответы на ряд вопросов, связанных со своеобразием национальной литературной традиции, с национальной историей, с тем, что в последние годы принято называть модным словом «национальный менталитет».

Национальный фольклор - явление сложное, многомерное. В отличие от произведений письменной литературы, по природе своей не допускающих возможности изменений в содержательном и формальном планах, фольклорные произведения имеют тенденцию к изменчивости и, в этом смысле, не признают никаких ограничений. Они открыты не только для содержательных (проблемно-тематических, идейных и т.д.), но и межжанровых диффузий в рамках национальной фольклорной традиции. Структура фольклора формируется особенно в случаях, когда относительно небольшую территорию населяют разные народы и путем заимствований на межнациональном уровне. Общность фольклорных мотивов, сюжетов, жанров и т.д. в подобных случаях объясняется еще и общностью образа жизни соседних народов, их традиций, форм хозяйствования и др., а также тем, что более или менее крупные события, имевшие место в регионе, нередко отражались на жизни, исторических судьбах, культурах, мировоззрениях всех этносов, населяющих этот регион. Поэтому все эти события воспринимаются и оцениваются всеми народами почти одинаково и вызывают у них одинаковую реакцию и оценку.

Говоря об общем и особенном в фольклоре народов Кавказа, следует исходить не только из факта влияний и взаимовлияний, что также немаловажно, но еще и из принципа, что одинаковые социаль-

ные и духовные процессы спровоцировали возникновение близких по форме и содержанию произведений, послужили основой для однотипных моделей, сюжетных решений и т.д.

Небезынтересно и то, что кавказская фольклорная традиция, за исключением очень редких случаев, группирует героев не по этнической их принадлежности, а по социальным и морально-этическим признакам. В фольклоре народов Кавказа почти нет произведений, в которых в качестве эпического врага был бы представлен тот или иной этнос (конечно, если не иметь ввиду отдельные произведения антитуркского содержания в армянском фольклоре), хотя в мировой фольклорной традиции можно найти массу примеров именно этого порядка.

Выдвижение на передний план вопроса об этнической принадлежности героя и этнической персонификации эпических врагов - продукт XIX-XX веков, т.е. постфольклорного этапа истории наших народов, и учесть этот момент при проведении исследований по фольклору, истории и культуре народов Кавказа очень важно.

Все сказанное позволяет прийти к заключению о продуктивности сопоставительных и сопоставительно-типологических исследований в области фольклористики кавказских народов, помогает разобраться во многих труднообъяснимых в относительно узких рамках национального фольклора вопросах.

Благодатный материал для таких исследований содержится и в фольклоре лезгин, населяющих значительную территорию современного Южного Дагестана и Северного Азербайджана, в частности - имеющие широкое хождение среди лезгин сказания о богатырях, различные версии и варианты целого ряда азербайджанских дастанов (об Ашуге Карибе, о Короглу и др.), обретших, так сказать, национальную прописку в лезгинском фольклоре.

Однако, в отличие от азербайджанского устного эпоса, представленного письменно зафиксированными и научно выверенными текстами, эпические сказания народов Южного Дагестана, в частности лезгинский эпос, продолжает нуждаться во внимательной собирательной работе и в научной систематизации.

Малоизученность фольклора, в частности эпоса народов юга Дагестана и севера Азербайджана, особенно лезгинского эпоса, нередко приводит к высказываниям чуть ли не об отсутствии у этих народов данного фольклорного жанра. Между тем в различных ис-

точниках опубликованы отдельные фрагменты эпических сказаний лезгин, а также в лезгинских селениях и по сей день можно услышать многочисленные сказания о богатырях, качаках, о народных героях.

Особой популярностью здесь пользуются сказания о богатыре Шарвили (Шарвили-пехливане), о благородном качаке Кири-бубе и др.

Часть из этих сказаний записана и опубликована на лезгинском и русском языках, но еще большая часть остается или письменно незафиксированном виде (т.е. находится под опасностью быть забытой навсегда), или же хранится в частных архивах.

Работа по собиранию и публикации этих бесценных образцов народного творчества требует неотложных действий, ибо каждый упущенный день приводит к исчезновению все новых мотивов и вариантов.

Собирание фольклора горских народов Кавказа - задача многотрудная. Дело в том, что у этих народов особое, трепетное отношение к поэтическому слову, песне, сказаниям о любимых героях. Горцы, по словам одного из хороших знатоков, исследователей и популяризаторов фольклора народов Дагестана Н.Каппиевой, сохранили обычай таить старинную песню, не сказывать ее другим, и, особенно, «чужакам».

Но, на наш взгляд, по другому обстоит дело с героическими сказаниями. Они по природе своей ориентированы на публичное исполнение. Вместе с тем героическая песня тоже продолжает оставаться песней, рассчитанной исключительно на «своих».

Правда, лезгинский фольклор характеризуется большей степенью открытости. Кроме того, он содержит произведения, почти не встречающиеся в фольклоре других нетюркских народов Дагестана - устные дастаны (как любовные, так и героические). Большинство же этих дастанов, отдельные образцы которых нами уже были названы, являются лишь версиями или вариантами известных азербайджанских дастанов, что в свою очередь свидетельствует о достаточно древней истории культурных взаимосвязей этих народов. Кроме того, открытости лезгинского фольклора в немалой степени способствовало и наличие в фольклорной традиции института профессиональных певцов и сказителей - ашугов, пользовавшихся в народе особым почетом и являвшихся желанным гостем в любом селении и семье. Адат горцев гарантировал ашугам неприкосновенность, и они вместе со своими песнями переходили из селения в селение, из края

в край. Помимо исполнения произведений своего национального фольклора, ашуги нередко выступали и как переводчики, создавали адаптированные к своей аудитории переводные версии иноязычного эпоса, что способствовало активизации межфольклорных связей, проникновению в жанровую систему лезгинского фольклора элементов фольклора других народов, в первую очередь – азербайджанского. Так, лезгинский фольклор, в отличие от фольклора ряда других народов Дагестана, широко использует эпическую структуру, в которой прозаическое повествование чередуется со стихотворными вставками. В этой связи можно указать и на наличие в лезгинской фольклорной традиции жанра поэтического состязания, т.е. стихотворных произведений, имеющих как минимум двух авторов и строящихся по принципу стихотворно сформулированных вопросов и ответов на них. Состязание ашугов имели широкое распространение, происходили при большом стечении слушателей. Каждая победа, одержанная в таком состязании повышала славу и авторитет ашуга в народе. Основным критерием в таких состязаниях считалось единство поэтического мастерства ашуга, его находчивости и глубина его познаний. (В качестве примера можно привести состязание Ашуга Лукмана из Худата и дочери Дербентского хана Бике ханум).

Изучение фольклора, особенно же сравнительное его изучение, как уже было отмечено, дело сложное и, поэтому требующее совместных усилий многих исследователей. А то, что такое изучение фольклора народов Южного Кавказа необходимо, ни у кого не должно вызывать сомнений. Ведь народы Дагестана и Азербайджана древле имели тесные контакты, не раз совместно выступали против общих врагов. Много общего и в их образе жизни, традициях, обычаях, системах нравственных и духовных ценностей, что и определяет типологическую близость их фольклора.

Все это в конечном итоге обусловило не только структурную, композиционную и жанровую близость фольклора этих народов, но и то, что их устнопоэтическое наследие содержит произведения, посвященные одним и тем же событиям, в них нередко встречаются одни и те же, или характерологически очень близкие образы как положительных, так и отрицательных героев. И может случиться так, что разгадка тех или иных конкретных проблем и неясностей, связанных с фольклором одного народа, может заключаться в образцах фольклора другого народа. Такой материал в изобилии обнаруживается в

сказаниях, относящихся как к древнему периоду (древние мифы, сохранившие сведения о верованиях, обрядах, обычаях, сказания о мудрых правителях и бесстрашных героях и т.д.), так и относительно более поздних периодов истории (арабское завоевание, походы иранских правителей на Кавказ, проникновение России и борьба местного населения против иноземных захватчиков и т.д.).

Ограниченные рамки статьи не позволяют более или менее развернуто изложить все эти моменты, а они требуют более детального и внимательного изучения и обобщения. В нашем случае можно лишь обозначить общие контуры проблемы и сосредоточиться на каком-то одном ее аспекте. Наиболее малоизученным и интересным с этой точки зрения, на наш взгляд, являются лезгинские эпические сказания о богатырских деяниях Шарвили-пехливана.

Необходимо сразу отметить, что эти сказания продолжают оставаться разрозненными и современная фольклористика с ними мало знакома. Не все сказания записаны, а имеющиеся записи не систематизированы, нередко являются разными вариантами и версиями одного и того же сказания.

Каждое из этих сказаний характеризуется композиционной завершенностью и может рассматриваться как самостоятельное произведение. Объединяющим все сказания началом является сквозной образ главного героя-богатыря Шарвили. Сказания относятся к различным периодам жизни богатыря. В них описываются разные его подвиги и события, участником которых он был. Они (сказания) могут быть выстроены по двум непротиворечащим друг другу принципам: по принципу последовательности этапов богатырской биографии героя или же по принципу хронологической последовательности изображаемых в них событий.

Имеющиеся варианты сказаний о богатыре Шарвили образуют единый цикл, характеризующийся не только общностью героя и места совершения им своих богатырских подвигов, но и общим пафосом свободолюбия, патриотизма, призыва к борьбе с иноземными завоевателями, с угнетателями народа из числа местных ханов.

В отличие от азербайджанского эпоса, в том числе и героических дастанов, текст которых сочетает прозаически оформленное повествование со стихотворными отрезками, сказания о Шарвили дошли до нас в сплошном прозаическом пересказе. Но данное обстоятельство не может быть принято как свидетельство о первоначальном

чальной прозаической их форме. Дело в том, что лезгинская фольклорная традиция, достаточно богатая героическими и историческими песнями, сохранила множество песен, посвященных Шарвили, или так или иначе с ним связанных. В их числе имеются песни-ласки, относящиеся к периоду детства будущего героя, хвалебные песни, воспевающие богатырские подвиги и благородство души народного героя, песни-обращения к герою, содержащие призывы сесть на богатырского коня и наказать чужеземцев и угнетателей народа. Эти песни, также могущие быть выделены в самостоятельный цикл лирических и эпических песен-мани о Шарвили, легко включаются в общий текст.

Помимо того, наличие во всех вариантах сказаний в качестве центрального персонажа образа ашуга Кас бубы, постоянные упоминания о радостно-пленительных или гневно-призывных звуках его чюнгура (чюнгур - музыкальный инструмент, аналог азербайджанского саза), о его песнях, которые нередко приводятся в сказаниях в прозаическом пересказе их содержания - все это позволяет заключить, что эпические сказания о Шарвили первоначально имели смешанную поэтическую структуру. По различным причинам впоследствии эта структура расчленилась, отдельные ее фрагменты постепенно обрели сюжетную завершенность, что заметно облегчало работу сказителей-непрофессионалов (именно с их слов и записано большинство вариантов сказаний), позволяя им исполнить один или несколько фрагментов из богатырской биографии героя и достичь эффекта законченности.

В распаде и расчленении сказаний немалую роль сыграл и фактор исламизации. Дело в том, что в части сказаний, даже в тех вариантах, которые дошли до XX века исключительно в устной форме, содержатся мотивы, никак не укладывающиеся в каноны ислама, сохраняющие не только следы доисламских верований, но и содержащие, правда в завуалированной форме, явно неисламские мотивы. Конечно, на современном уровне изученности богатырских сказаний о Шарвили и лезгинского фольклора в целом утверждение о существовании целостного эпоса в доисламский период истории может показаться небесспорным, но имеющиеся варианты позволяют говорить о явном доисламском происхождении их ядра. В этой связи заслуживают внимания частые обращения героя и сказителей к богам неба, земли, молнии и т.д., почитание ими неба, земли, воды, солнца

и почти полное отсутствие в этом списке упоминаний о мусульманском Аллахе или мусульманских святых (исключение составляют сказания более позднего происхождения, например, так называемого надиршахского цикла). Немалый интерес представляют и версии, рассказывающие о чудесном рождении богатырского ребенка. В одной из них Шарвили рождается в семье простых горцев и, как полагается быть в фольклорно-эпической традиции, не без вмешательства чудесных сил. Согласно устоявшейся традиции, в модели «чудесное рождение богатырского ребенка» посредником выступают святые старцы, дервиши или же кудесники-чудотворцы. В нашем же случае эту миссию выполняет простой горец, мудрый ашуг Кас-буба, затем на протяжении всей жизни героя сопровождающий его и руководящий им. Ашуг Кас-буба, по своей роли в содержании и структуре эпоса напоминающий Деде Коркуда из азербайджанского дастана «Китаби Деде Коркуд», преподносит родителям эпического героя краснощекое яблоко и предсказывает появление на свет богатырского ребенка.

Рождение Шарвили, если исходить из содержания последующих (с точки зрения временной последовательности фактов богатырской биографии героя) сказаний, событие не случайное. Мудрый ашуг Кас буба (в буквальном переводе имя ашуга состоит из двух составляющих: Кас-муж; Буба-предок, отец), выступает в сказаниях как носитель идеи вечности (он как бы вне влияния времени). Все другие герои рождаются, взрослеют, стареют и умирают. Только Кас буба остается не подверженным ходу времени. В глазах народа - это вечный мудрец. О молодости ашуга в сказаниях не говорится ничего, и этот убежденный сединой старец сам тоже ни разу не жалуется на старческую немощь. Он рассудителен, за короткое время может обойти все горные селения (как с радостными, так и тревожными вестями, выступает как советчик и наставник). Именно он, мудрец-ашуг Кас буба, выбирает не только время рождения героя-воина и защитника народа, но и его родителей. Шарвили рождается в семье простого горца Даглара (букв. - Горы) и прекрасной горянки Цюквер (букв. - Цветы). Заслуживает внимания и то, что в сказании о рождении героя («Краснощекое яблоко») имена родителей будущего богатыря стоят во множественном числе. Шарвили, по замыслу ашуга, рождается не только как сын двух конкретных родителей, но и окружающих его сородичей, суровых гор и прекрасных, усеянных цвета-

ми долей. Будущий герой, таким образом, становится сыном всего народа и Родины. Им он призван быть опорой и защитником.

Модель рождения богатырского ребенка в сказаниях о Шарвили имеет еще один вариант, отличающийся большей степенью приближенности к волшебной сказке и, скорее всего, сформировавшийся на основе сказочных мотивов («Череп»). В этом варианте мотив рождения необычного ребенка оказывается чрезмерно мифологизированным (герой рождается от волшебной муки из пересохших костей черепа, неведомо как оказавшегося в водах горной реки и попавшего к матери будущего богатыря) и ни как не связывается с фактами и обстоятельствами из последующей биографии героя.

В первом варианте мотив рождения богатырского ребенка полностью укладывается в общую мифо-эпическую символику сказаний и призван акцентировать внимание на том, что родился не просто необычный ребенок, а будущий герой и заступник народа. Во втором же варианте, который по всей вероятности имеет более позднее происхождение, эта символика стирается, заменяясь известным мотивом из восточных волшебных сказок.

Символика рождения народного богатыря в сказаниях о Шарвили имеет динамическую природу. Каждый последующий эпизод из биографии героя или же событие, участником которого он является, расширяет и углубляет эту символику, а в конечном итоге и сам герой переходит в область этих символов.

Символично не только рождение героя, но и обретение им богатырских достоинств. Этот почти сквозной в мировом богатырском эпосе мотив в разных произведениях раскрывается по-разному (прим. героем волшебного напитка, вмешательство мифологических сил или же мусульманских святых, обретение богатырской силы от естественных - природных - источников и т.д.). В сказаниях о Шарвили этот мотив, сохраняя чудесный зачин, опирается на природно-символические основы. Рожденного в виде огненного комка (а огонь в народной поэтике считается символом мощи, стихийной, зачастую разрушительной силы) ребенка мать опускает в ледяную воду горной реки, дабы усмирить бушующую силу своего дитя. Происходит своеобразная закалка героя, после чего тело его обретает чудесную неуязвимость, а слабым местом остается пятка, за которую героя держала мать и которой не коснулась волшебная вода.

В общую систему символики сказаний о Шарвили органически

входит и модель обретения героем богатырского меча. Это не волшебный меч-кладенец, или оружие, связанное с чудесными силами каких-то святых. Этим оружием вооружает героя простой народ.

...Однажды, когда враги решили навсегда покорить лезгин, до той поры упорно отстаивавших свободу гор, черной тучей своих войск покрыли все предгорья, мудрый ашуг Кас буба понял, что теперь уже народу не обойтись без своего богатыря. Взяв священный чюнгтор, он начал обходить горные села, своими песнями оповещая народ об опасности, рассказывая ему о мощи Шарвили и призывая всем миром вооружить героя. Каждый горец принес свой клинок, но не один из них не выдержал испытания. Из всех этих клинков ашуг наказал выковать один богатырский меч. А когда меч длиною в семь аршин и весом в семь батманов был готов, герой решил испытать его на гранитной скале. Меч притупился, а скала осталась невредимой. Тогда ашуг повелел закалить богатырский меч в семи водах из семи чистых горных родников. Скала рухнула, но и меч притупился. Мудрый ашуг, чтобы придать еще большую крепость богатырскому оружию, наказал обойти все села и собрать по семи капель молока из груди каждой кормящей матери. Лишь после закалки в священном материнском молоке богатырский меч выдерживает испытание.

Немалый интерес с точки зрения типологии эпических моделей представляет и решение в сказаниях о Шарвили проблемы обретения героем богатырского коня. Естественно, что этот конь не мог быть обычным и, подобно своему хозяину, должен был иметь чудесное происхождение (Ср. аналогичную модель в многочисленных вариантах и версиях дастана «Кероглу»). В сказаниях о лезгинском богатыре эта модель разворачивается путем своеобразного сочетания мифического, сказочного и эпико-реалистического начал. В одном из сюжетных вариантов этой модели герой по совету своего наставника-ашуга отправляется к индийскому богатырю, выполняет поставленные им условия и в награду получает коня. В другом, более распространенном варианте, по совету ашуга Шарвили отправляется в поход, чтобы добыть себе богатырского коня. На Черной горе (Карадаге) он сходит в богатырской схватке с падишахом злых дивов, побеждает его и при помощи старика, полоненного дивами еще в молодости, становится хозяином чудесного белого коня, вышедшего из морских глубин.

Было уже отмечено, что, несмотря на некоторую автономность бытования и часто встречающиеся варианты, эпические сказания о богатыре Шарвили сохраняют отчетливые следы структурно-содержательной целостности. В них последовательно отражены все этапы жизни героя; чудесное рождение богатырского ребенка у бездетных родителей, необыкновенно раннее проявление его богатырских задатков (Шарвили пьет молоко семи овец, семи коз и семи коров, прямо в люльке встает и выходит на улицу, в один присест съедает целого быка, в годовалом возрасте побеждает семерых прославленных силачей, огромного разъяренного быка, бегаёт быстрее диких зверей и т.д.), добывание героем богатырского коня и боевых доспехов, его богатырские деяния и, наконец, смерть героя. Все эти моменты, в основном соответствующие устоявшимся моделям в эпосе народов Кавказа, имеют и свои особенности, отражающие специфику жизни, быта, верований и воззрений у лезгин. Эти особенности дают о себе знать во всех сказаниях, а в сравнительно большей степени в тех сказаниях, в которых герой находится в окружении своих сородичей, соблюдает все адаты своего народа, внимательно выслушивает наставления и упреки старших, особенно своей матери и мудрого ашуга Кас бубы, или же наказывает местных ханов и богачей, пожелавших ограбить простых крестьян, восстанавливает нарушенную справедливость.

Характерная особенность эпического образа Шарвили - его предельная простота, доброта, рассудительность. Шарвили чужды всякого рода внешние эффекты. Он, кроме своего богатырского роста и силы, ничем не отличается от окружающих его людей. К тому же Шарвили крайне миролюбив. Перед каждой схваткой с врагом он предлагает ему уйти с миром и трижды повторяет свое предложение. Как правило, все эти предложения героя отвергаются врагами. Тогда богатырь предлагает решить вопрос в схватке один на один с предводителем вражеских войск или же с сильнейшим из их воинов. Лишь исчерпав все возможности не проливать кровь, он нападает на пришельцев и уничтожает их.

Во всех сказаниях о богатыре Шарвили герой окружен молодыми воинами-сородичами, но в битву он всегда вступает один, объясняя это не только уверенностью в своем превосходстве, но и желанием сохранить жизни молодым воинам, дабы те набрались опыта и в нужное время смогли заменить его и защитить свой народ и свои горы.

В силу своей историчности, отражения реальных событий, имевших место на Кавказе, немалый интерес представляют сказания о воинских подвигах героя («Хизри Мелик», «Сармат-падшах», а также сказания из «Надиршаховского цикла» - «Стоянка шаха», «Отмщение шахским палачам», «Молодьба шаха», «О дочери шаха Сурае» и др.).

Среди эпических врагов героя встречаются и персонажи, имена, внешний облик или манера поведения которых совпадают с описанием эпических врагов из сказаний других народов Кавказа, в том числе - из азербайджанских дастанов. Так, помимо образа ашуга Кас бубы из сказаний о Шарвили и образа озана Коркуда из азербайджанского эпоса «Китаби Деде Коркуд», образов матерей эпических героев, однотипности их богатырских сверхзадач и т.д., в лезгинских сказаниях встречается и персонаж, именуемый в одних случаях Хизри Мелик, в других - Кара Мелик, очень похожий на своего тезку из упомянутого азербайджанского дастана: он безжалостен, коварен и, как выясняется в конце, труслив. Кара Мелик нападает на беззащитные села, выбирая момент, когда мужчин нет дома. Он безжалостно убивает стариков, детей, женщин, из их черепов строит минареты. Но когда наступает время держать ответ за содеянное, он превращается в последнего труса. На эти сравнения наводит, кроме всего прочего, оставленное в лезгинских сказаниях азербайджанское слово «Кара» т.е. «черный» (ср. также «Хизри Мелик» и «Кипчак Мелик»).

Следует отметить, что сказания из «надиршаховского» цикла имеют более позднее происхождение и, поэтому, характеризуются большей степенью религиозности содержания (хотя и они сохраняют общую нерелигиозную тональность). Например, объясняя причины поражения надиршаховских войск, сказители среди прочих указывают и то, что перед боем Шарвили посетил могилы святых (Шихлерский и Кихлерский святые в Дербенте), а Надир-шах этого не сделал. Сказания надиршаховского цикла, сохраняя единую для всех сказаний систему приемов эпизации, обнаруживают тягу к более позднему жанровому образованию героического эпоса - к воинским повестям. В них более точно названы географические реалии, обозначены особенности ландшафта мест сражений - это предгорная полоса Южного Дагестана, окрестности Дербента, долина реки Самур.

В лезгинских сказаниях о богатыре Шарвили также имеются эпизоды, разворачивающиеся по моделям «поход богатыря за невес-

той» и «схватка эпического героя с богатырской девицей». Но, в отличие от эпоса других народов, здесь нет ни традиционных в таких случаях состязаний между претендентами на руку и сердце эпической красавицы, ни сцен похищения, сражений с ее родственниками и т.д. Герой помогает братьям своей будущей жены победить страшного аждаха и они выдают за героя свою сестру («Сон Шарвили»). Шарвили до конца своих дней остается однолюбом и ни разу даже не помышляет брать наложниц или же жениться на дочерях побежденных им врагов. А когда он вынужден вступать в единоборство с богатырскими девами - делает это для того, чтобы положить конец злодеяниям последних («О дочери шаха Сурае», «Шарвили и Шекер-ханум»).

В мировой фольклорной традиции имеет место, правда редко встречающаяся, и модель «смерть эпического героя». В лезгинских сказаниях о Шарвили и эта модель имеет два разных варианта. В одном случае она имеет авантюрную сюжетику, в другом - объясняется естественными причинами. Так, по своей физической мощи и чудесной неуязвимости тела (нанесенные герою раны мгновенно заживают) Шарвили неодолим. Его можно убить только хитростью. И враг подсылает к герою лазутчика, который и выведывает тайну неуязвимости героя. Далее в ход пускается отравленная стрела.

В другом варианте смерть Шарвили объясняется фатальной ограниченностью срока, отведенного земному существованию человека. Однажды, когда на родину Шарвили напали вражеские войска, черной тучей покрывшие все горы, герой понял, что смерти ему не миновать. Тогда он обратился к своим сородичам и завещал им помнить о нем, уберечь свободу гор и обещал вернуться на своем белом коне, когда его народу будет особенно тяжело. После этого герой, как он поступал всегда, отослал своих воинов и вступил в бой с врагом. Семь дней и семь ночей длилась битва. Раны на теле героя не успевали заживать, ему не могли уже помочь ни боги, ни небо, ни земля. Как и подобает герою, он в кровавой схватке вознесся в небо, чтобы еще раз спуститься на землю, если народ будет нуждаться в его защите.

Устное поэтическое творчество всех наций и народов, проживающих на территории нашей республики, входя в состав общекавказской фольклорной культуры, одновременно является достоянием культуры Азербайджана. Изучение и исследование образцов фольклора этих народов должно осуществляться на этом общем культурно-историческом фоне.

Усиление работы по собиранию и изучению фольклора малочисленных народов Азербайджана - дело важное, не терпящее отлагательств. Для успешной реализации стоящих в этой области задач имеется все: научные кадры, учебные и научно-исследовательские учреждения и, главное, богатейший опыт азербайджанской фольклористики с ее всесторонне разработанной методологией и методикой изучения устного народного поэтического творчества. При хорошей организации дела за короткое время можно сделать очень многое.

XÜLASƏ

Məqalə müasir folklorşünaslığın ən maraqlı sahələrindən biri olan müqayisəli folklorşünaslıq səpgisində işlənmişdir. Burada Azərbaycan və Cənubi Dağıstan xalqlarının qəhrəmanlıq eposu nümunələrindən olan «Kitabi Dədə-Qorqud» dastanının və ləzgi xalq qəhrəmanı bəhadır Şarvili haqqında şifahi rəvayətlərin bəzi süjetyaradıcı elementləri müqayisəli şəkildə araşdırılır.

Bəhadır Şarvili haqqında rəvayətlərin məntiqi ardıcılıqla öyrənilməsi belə bir nəticəyə gəlməyə əsas verir ki, bu qəhrəmanlıq eposu nümunələri hələ Qafqazda islam dininin yayılmasından xeyli əvvəl bir tam halında mövcud olmuş, lakin sonralar bir çox amillərin, o cümlədən də dini amillərin təsiri nəticəsində parçalanmış, ayrı-ayrı rəvayətlər halında yayılmışdır. Şarvili haqqında rəvayətlərin heç də hamısının toplanmasına baxmayaraq, mövcud material qəhrəmanın bəhadır bioqrafiyasını tam bərpə etməyə imkan verir.

Rəvayətlərin «Kitabi Dədə-Qorqud» boyları ilə müqayisəli təhlili həm epik modellər, həm mifoloji baxışlar, həm də tarixi hadisələr səviyyəsində bir sıra oxşarlıqların üzə çıxarılmasına imkan verir. Bu oxşarlıqlar adi əxzətmə kimi yox, hər iki xalqın həyatında, mədəniyyətində, inanclarında və tarixində mövcud olmuş ümumiliklərlə izah olunur.

SUMMARY

This article is written in the aspect of comparative folkloristics which is one of the interesting trends in the study of the speakings. It provides a comparative review of some plot forming elements from "Dede

Korkut", one of the patterns of Azerbaijani heroic epos and spoken legends about popular character of Lezgins - hero Sharvili.

Study of legends about hero Sharvili in their logical sequence allows to arrive to a conclusion that the core of this epos in its integral form existed long before the spread of Islam in Caucasus. But later, under the influence of a number of reasons including the religious ones, the epos divided into parts and its separate branches began to prevail as individual legends.

Although not all legends of Sharvili are gathered by now, even the existing material allows to recreate the heroic biography of the character.

Contrastive-comparative analysis of Sharvili legends with stories from "Dede Korkut" allowed to elicit a number of similarities between them.

These similarities are explained not with the simple borrowing or coincidence, but with the commonalities and similarities existing in the life, history, culture and beliefs of the two peoples.

Ş. H. HACIƏLİ

Bakı Slavyan Universiteti

İNGİLOYLARDA NOVRUZ

1. Azərbaycanda məskunlaşan çoxsaylı etnosların tarixən bir-biri ilə qarşılıqlı təmasda olması, etnosiyasi, etnososial və etnomədəni proseslərdə onların birgə iştirakı vahid Azərbaycan xalqının və mədəniyyətinin formalaşmasına gətirib çıxarmışdır. Bu baxımdan Azərbaycanın etnik politrasını müəyyən edən etnosların hər birinin tarixi-etnoqrafik cəhətdən tədqiqi, onların spesifik və oxşar xüsusiyyətlərinin aşkar olunması mühüm elmi əhəmiyyət kəsb edir. Azərbaycan Respublikasının şimal-qərbində Alazan vadisində elliklə məskunlaşmış ingiloy etnik qrupu (qədim gellər) ümumazərbaycan mədəniyyətinə öz sanballı töhfəsini vermiş, bu mədəniyyətin formalaşmasında yaxından iştirak etmiş etnoslardan biridir. Əsrlər boyu qonşu etnoslarla sıx təmasda olan ingiloyların mənəvi mədəniyyəti, xüsusilə də xalq mərasimləri özündə ümumazərbaycan mənəvi dünyasına xas oxşar cəhətləri əks etdirməklə yanaşı, spesifik xüsusiyyətləri ilə diqqəti cəlb edir.

2. İngiloylarda hər il qeyd olunan və kütləvi səciyyə daşıyan "Qorqot" bayramı ümumi mahiyyəti baxımından Azərbaycanda, İranda və bir sıra digər müsəlman ölkələrində kütləvi şəkildə keçirilən Novruz bayramı ilə eyniyyət təşkil etsə də, bir sıra fərqli elementlərə malik idi. İngiloylarda eyni zamanda sinonim terminlə "Novruz" adlandırılan "Qorqot" bayramının birincidən başlıca fərqi onun keçirilmə vaxtı, müddəti və formasında nəzərə çarpır. "Qorqot" bayramında bahar qızı, səməni, kosa, keçəl və b. bu kimi Novruz bayramına xas elementlərə rast gəlinməz. "Qorqot" bayramı hər il təbiətin oyanma vaxtından asılı olaraq martın 20-dən aprelin əvvəllərində istənilən gün keçirilirdi. Bayram yaş həddinə müvafiq olaraq uşaqlar, yeniyetmələr, gənclər və yaşlılar arasında, hər iki cinsin nümayəndələrinin iştirakı ilə çöldə-çəməndə keçirilirdi.

3. İngiloylarda Novruz bayramının eyni zamanda "Qorqot" adlanması ilə bağlı müxtəlif mülahizələr mövcuddur. Yaşlı nəslin nümayəndələrinin verdiyi məlumata görə, bu ad durnanın ingiloyca adından (ingiloylar durnaya "qorq(q)ot" deyirlər) götürülmüşdür. İngiloylarda yazın gəlişi ilk müjdə kimi, həmçinin, durnaların uçub gəlməsi ilə hesablanır. Onlarda durna yazın gəlməsini bildiren müjdəçi kimi müqəddəsləşdirilir və onu öldürmək günah sayılır. "Qorqot" bayramı durnaların yazın gəlişi zamanı (martın 20-dən aprelin əvvəllərində) keçirilir.

4. İkinci mülahizəyə görə, bayramın adı xüsusi olaraq həmin gün buğdadan bişirilən və "qorqot" adlanan spesifik xörəyin adından götürülmüşdür. Bu da bayramın bilavasitə əkinçiliklə bağlı olduğunu söyləməyə əsas verir. Adətən, bayram qabağı hər bir ingiloy ailəsi əkin-səpin işini başa çatdırmalı, həyə-t-bacanı, bağ-bağçanı, su arxlarını və s. təmizləməli və yalnız bundan sonra keçən ildən saxlanmış taxıl ehtiyatından "qorqot" bişirərək bayram keçirməli idi. Bayram əksər hallarda fərdi həyətlərdə deyil, kollektiv şəkildə (oba, tabun, toxum, nəsil ilə birlikdə) bağda, çöldə-çəməndə keçirilirdi. "Qorqot" adlanan xörəyin başlıca ərzağını təşkil edən buğdanın qabardılaraq önə çəkilməsi (digər bölgələrdə bu özünü səməni şəklində bürüzə verir), bir daha bayramın əkinçiliklə əlaqəsini üzə çıxarır. İngiloylar sanki bir simvol olaraq "qorqot" bişirməklə qışın sınaqlarından layiqincə çıxdıqlarını nümayiş etdirirdilər.

5. Digər mülahizəyə görə isə "qorqot" od, ocaq, tonqal mənasında sözün kökündə duran "qor"dan yaranmışdır. "Qorqot" bayramında tonqal qalamaq və üzərindən hoppanmaq kimi Novruz bayramının mühüm elementinin icra olunması, bu bayramın atəşpərəstliklə, oda sitayişlə bağlı olduğunu söyləməyə əsas verir.

6. Yuxarıda söylənən mülahizələri ümumiləşdirərək belə nəticə çıxarmaq olar ki, Novruz ("Qorqot") bayramı ən qədim (İslamdan və xaç-pərəstlikdən əvvəl) bayramlardan biri olub, ingiloyların dünyagörüşünü, məişətini, dini inam və etiqadlarının arxaik elementlərini özündə əks etdirən, əsrlərin süzgəcindən keçərək müasir dövrə qədər gəlib çatmış kütləvi şəkildə keçirilən bayramdır.

7. Kollektiv şəkildə bayram keçirmək üçün obada, tabunda yaşayan qohumlar, bəzən də tək-cə bir toxumun nümayəndələri yuxarıda qeyd etdiyimiz yaş hədləri üzrə birləşərək bayram keçirirdilər. Bunun üçün əvvəlcə bayramın təşkilatçıları bayram keçirilmə vaxtını və yerini, habelə kimin nə qədər və hansı növdə ərzaq gətirəcəyini müəyyənləşdirirdi. Bayram keçirilən günü iştirakçılar səhər tezdən təyin olunmuş yerə gəlir və elə o andan da şənlik başlanırdı. Bayram iştirakçıları tələb olunan miqdarda ərzaqla yanaşı, hər kəs özü üçün qab-qacaq, palaz, döşək və s. gətirirdilər.

8. Bayram iştirakçıları ilk növbədə tonqal düzəldir və iri, hündür ağacların budaqlarından yelləncək ("sakanela") asırdılar. Sonra su daşımaq, odun toplamaq (bəzən əvvəlcədən götürülür), yerdə kürə qazımaq və ocaq qalamaq, çay qaynatmaq, süfrə açmaq, yemək hazırlamaq və s. bu kimi işlər səriştəsi olanlar arasında iş bölgüsü əsasında əlüstü görülürdü. Digər iştirakçılar isə bayram şənliyi ilə məşğul olurdular. Bayram zamanı iştirakçılar yelləncəkdə yellənir, "gizlən-qaç" ("damalioba"), "qaçdım-tut", "topla ötürmə", "çxlinka", "lingi-lingi" ("saqqal"), "beş-daş", "yeddi daş" və s. bu kimi kollektiv oyunlar oynayırdılar. Diqqəti cəlb edən məqamlardan biri, adətən, uşaqların hər gün oynadığı bu oyunları bayram zamanı nəinki gənclərin, hətta yaşlıların həvəslə oynamasıdır. Xüsusilə çeviklik və cəldlik tələb edən bu oyunların yaşlılar tərəfindən böyük səylə icra olunması, bayramın daha şən keçməsinə və iştirakçıların xoş əhval-ruhiyyəsinin bir qədər də artmasını təmin etmiş olur. Bəzən bayrama çalğıçılar (zurna, nağara və ya aşıq) da dəvət olunurdu.

9. Günorta naharından sonra axşamədək şənlik davam edirdi. Axşam yeməyində isə digər xörəklərlə yanaşı, süfrəyə "qorqot" verilir. "Qorqot" üçün sarı buğda seçilir, yuyulur və nəm halda dingdə döyülərək qabıqdan təmizlənir. Döyülmüş buğdalar tabaqda tabaqlanır, kəpəkdən ("perpli") təmizlənir və yenidən dingdə döyülür. Bu proses üç dəfə təkrarlanır. Qabığından təmizlənmiş buğdaları sərrib qurudur, sonra isə qurumuş buğdalar suda yuyulub qazana qaynar suya tökülür. Baş sogan iri dilimlər şəklində doğranaraq üzünə əlavə edilir. Qazan qaynadıqca kəf-kirlə köpüyü yığılır. Yemək bişənə yaxın qazana duz, istiot, zəngül turşu-

su, döyülmüş qoz ləpəsi ("niqozi"), qaxac edilmiş ət əlavə olunur. Qazanda xörək qatılarkən "qorqot" hazır olur. Yemək qablara çəkilib, soyuduqdan sonra üzünə bəkməz, şəkər tozu əlavə olunmaqla və yaxud bunlarsız yeyilir. Adətən, "qorqot" iri xeyrat qazanında bişirilir və iştirakçılar dağılışarkən evdə qalan ailə üzvlərinə də "qorqot" payı aparırdılar. Sonra tonqal qalanır və hamı tonqal ətrafına yığışaraq şənələnir, tonqal sönənədək üzərindən hoppanırdılar.

10. Nəhayət, qeyd etmək lazımdır ki, son onilliklərdə ayrıca olaraq martın 21-i Novruz bayramı, bundan sonra isə yuxarıda təsvir etdiyimiz şəkildə "Qorqot" bayramı keçirilməkdədir.

РЕЗЮМЕ

Духовная культура ингилойцев на протяжении веков тесно связана с культурой соседних народов. Праздник «Горгот», отмечаемый у ингилойцев каждый год и носящий массовый характер, имеет сходство с праздником «Новруз», но отличается от него временем, сроком проведения и формой. Праздник «Горгот» мог проводиться в любой из дней от 20 марта до начала апреля. Праздник «Горгот» - один из древних праздников. Он возник до христианства и ислама и отражает мировоззрение, быт и архаические элементы верований ингилойцев.

SUMMARY

Though annually celebrated by ingiloyes "Gorgot" public festival is similar to Novruz festival, which is publicly celebrated in Azerbaijan, Iran and a number of other muslim countries, it has some different peculiarities. Gorgot is one of the most ancient festivals, which trace its roots back to pre-islam and pre-christian times. It is a public holiday, which has passed through a filter of centuries and reflects archaic features of ingiloyes ideology, mode of life, religious beliefs and creed.

İNGİLOY XALQ YARADICILIĞI

Azərbaycanın qədim etnik qruplarından olan ingiloylar hazırda Azərbaycan Respublikasının Qax, Zaqatala və Balakən rayonlarında elliklə məskunlaşmışlar. İngiloyların cüzi bir hissəsi Türkiyə Respublikasında (Adana vilayətinin Ceyhan ilçəsində Dağıstan kəndi) və Gürcüstanın (İsitelskaro rayonu Samtatskaro kəndi) yaşayır. Müasir ingiloy dili, bir qayda olaraq, gürcü dilinin şərq dialektinə daxil edilir. Azərbaycanlı ingiloylar (Zaqatala rayonu Yengian kəndi, Qax rayonu Zəyəm, Tasmalı, Marsan, Şotavar, Lələ Paşa kəndləri) da, həmçinin, özlərini "yengeloy" (ingiloy) və ya ingiloy mənşəli azərbaycanlı adlandırırlar. İngiloyların təxminən 3/4 hissəsi müsəlman (sünnü), 1/4 hissəsi isə xristian (pravoslav) dininə mənsubdur. Sonuncular XIX əsrin II yarısında aparılmış xristianlaşdırma və gürcüləşdirmə siyasəti nəticəsində assimilyasiya olunmuşlar. Hazırda onlar özlərini ingiloy mənşəli gürcü hesab edirlər. İngiloylara məxsus ən böyük yaşayış məskənləri sırasında Əliabad qəsəbəsi, Mosul kəndi (Zaqatala rayonu), Qaxingiloy, Əlibəyli kəndi (Qax rayonu) göstərilə bilər.

İngiloy şifahi xalq ədəbiyyatı nümunələri nəsillərdən nəsillərə ötürülərək müasir dövrə gəlib çıxmışdır. İngiloylarda yazı mədəniyyəti son dərəcə aşağı olduğundan, şifahi xalq yaradıcılığı nümunələri XIX əsrin ortalarından yazıya alınmamışdır. Yalnız bu dövrdən etibarən Zaqatala dairəsindən bəhs etmiş müəlliflər bu və ya digər dərəcədə ingiloy şifahi xalq yaradıcılığının bəzi nümunələrinə toxunmuşlar.

İngiloy şifahi xalq yaradıcılığına nağıllar, əfsanələr, rəvayətlər, lətifələr, zərbi-məsəllər, tapmacalar, laylalar, ağılar, bayatılar, habelə aşıq yaradıcılığı (qoşma, gəraylı, təcnis və s.) daxildir. Yaşlı nəslin nümayəndələrindən ingiloylarda geniş yayılmış musiqi alətləri, mahnı, rəqslər haqqında ətraflı məlumat toplanmışdır. Tədqiqat zamanı ingiloy el nəğmələrinə olduqca az təsadüf olunmuşdur. Hərçənd, ingiloy toy adətlərini geniş təsvir etmiş A.fon-Plotto toyda oxunan mahnılardan söhbət açır və nümunə olaraq üçünü (rus dilinə tərcümə etməklə) əsərinə daxil edir. Lakin burada da toyda oxunan mahnıların Azərbaycan dilində olduğu diqqəti cəlb edir.

"Yerlilər nağıllara, lətifələrə, zərbi-məsəllərə qulaq asmaqdan böyük zövq alırlar" - yazan A.fon-Plotto rus dilinə tərcümə etdiyi müvafiq nümunələrə əsərində geniş yer ayırmışdır.

İngiloy nağılları, əfsanələri, lətifələrinin başlıca süjet xəttini tərbiyəvi əxlaqi keyfiyyətlər, el-obaya, əməyə məhəbbət, müsbət və mənfi obrazlar arasında (bəzən heyvanların timsalında) mübarizə, xeyrin şərx üzərində qələbəsi, cahilliyin, xəsisliyin, xəbisliyin, hərisliyin gülüş hədəfinə çevrilməsi, sonda isə ibrətəməz kəlamlar, zərbi-məsəllər təşkil edirdi. İngiloy rəvayətləri isə daha çox tarixə meyilli olub, tarixi şəxsiyyətlərlə (Tamara, Şah Abbas), bu və ya digər yaşayış məntəqəsinin (Əliabad, Zəyəm, Şotavar, Qaxbaş, Əlibəyli və s.) yaranması tarixi, habelə yer (küçə, meşə, çöl, bulaq və s.) adları ilə bağlıdır. Adətən, belə rəvayətlərdə bir sıra tarixi təhriflərə (çariçə Tamar (1184-1213) ilə Səfəvi hökmdarı I Şah Abbasın (1587-1629) münasibətləri kimi) yol verilsə də, bir çox məqamları tarixilik baxımından (I Şah Abbas tərəfindən böyük ticarət mərkəzi Zəyəm-"Əski Bazar" şəhərinin dağıdılması və nəticədə Əliabad, Zəyəm, Bazar, Muxax-Zəyəm kimi yaşayış məntəqələrinin yaranması ilə bağlı rəvayətlər) olduqca maraqlı və dəyərlidir.

İngiloy laylalarına hər iki dildə (Azərbaycan və qismən ingiloy) təsadüf olunur. Laylalar sərbəst vəznə olub, müxtəlifliyi ilə seçilirdi. Yəni hər bir ana özünəməxsus şəkildə, öz istəyinə və arzusuna uyğun məzmununda sərbəst layla çalır. Laylaların ilk misrası "laylay bala laylay" (və yaxud ingiloyca "daydoy bala daydoy") ilə başlanır və vaxtaşırı təkrarlanırdı.

Yas mərasimlərində qadınların müraciət etdiyi ağılar ("motla") da sərbəst vəznə əsasən Azərbaycan dilində, qismən isə ingiloyca (xüsusilə xristianlarda) deyilirdi. Ağıların məzmunu müxtəlif olub, hər bir qadın bədahətən mərhumla bağlı ağılar deyirdi.

İngiloylarda folklorun bayatı janrı geniş yayılmışdır. Tamamilə Azərbaycan dilində yaranan bayatılar məzmunu baxımından müxtəlif olurdu. Bayatıların böyük əksəriyyəti sevgi-məhəbbətə həsr olunurdu:

Sandıq üstə üzüm var,
Üzüm səndə gözüm var,
Bir evdə üç qardaş var,
Böyüyündə gözüm var.

* * *

Qızıl üzük məndədir,
Axtarma cibimdədir,

Dağıstanın dağları,
Qoşadır xırmanları,
Sən ordan çıx, mən burdan
Kor olsun düşmənlərim.

* * *

Əzizim yol üstəyəm,
Sərçəyəm kol üstəyəm,

Dünya malı versələr,
Yenə gözüm səndədir

Ağ çitə qara basma,
Ayağı yerə basma
Göz sevən gözəl yarım,
Özgülə qulaq asma.

Əzrayıl, alma canımı,
Nişanlı toy üstəyəm.

Yazı yaza bilmirəm,
Qara poza bilmirəm,
Mənə verdiyin dərdə,
Sevgilim, daha dözə bilmirəm.

Həyatın sərt üzü ilə qarşılaşan insanların şikayət dolu fəryadları
bayatıların sətirlərinə hopurdu:

Əzizim olmasaydım,
Sarılib solmasaydım,
Elə bəxtsiz olunca
Anadan olmasaydım.

Əzizim mərdi-mərdi,
Kim bilər mənim dərdi,
Meşələr kağız olsa,
Yazılmaz mənim dərdim.

Bağa girdim bağbansız,
Dəvə sürdüm sarvansız,
Aləmə tapdım dərman,
Mən ölürəm dərmansız.

Faytonçuyam fayton qara,
Faytondakı atlar qara,
Özüm cavanam ay bala,
Bəxtim yaman qaradır.

"Yaman günün ömrü az olar" deyən ulularımız səbr etməyi də
bacarmağı tövsiyə edirdilər:

Bu üzüm incil üzüm,
Yeməmiş necə dözümlü,
Dərd verən pərvərdigar,
Səbr ver, yenə dözümlü.

Gəl gedək Beş bulağa,
Suyu sərxoş bulağa,
Sən dərdli, mən yaralı,
Qan-yaş tökək bulağa.

Ailə münasibətləri, təsərrüfat məişəti, qarğışlar və s.-yə dair bayatılara da təsadüf olunurdu:

Babam məndən bar istər,
Heyva qoyub, nar istər,
Çalınmamış qatıqdan,
Çalxamamış yağ istər.

Əkinin əkilməsin,
Biçinin biçilməsin,
Eşitdim yar toyudur,
Donluğa biçilməsin.

Lampanı alışdırın,
Şüşəni yaraşdırın,

Qardaşım küslü gözür,
Siz allah barışdırın.

Bayatılarla yanaşı aşıq ədəbiyyatı ingiloy xalq yaradıcılığının mühüm tərkib hissəsini təşkil edirdi. XIX-XX əsrin ortalarında ingiloylar arasında aşıq sənəti geniş yayılmış, xalq tərəfindən sevilən, həm də kütləvi səciyyə daşıyan musiqi sahəsi olaraq qalırdı. Elə bir toy mərasimi, el bayramı olmazdı ki, oraya aşıq dəvət olunmasın. İngiloy aşıq yaradıcılığı bu günədək araşdırılmadığından, tədqiqat zamanı ingiloy aşıqları, onların yaradıcılığı ilə bağlı məlumatların, əlyazmalarının tapılıb üzə çıxarılmasında bir çox çətinliklər yaranmışdır. Bununla belə, etnoqrafik-çöl tədqiqatları zamanı əldə olunmuş məlumatlar (əsasən Əliabad qəsəbəsi və Zəyəm kəndində toplanmış çöl materialları) əsasında ingiloy aşıq məktəbinin ümumi mənzərəsi barədə təsəvvür yaratmağa çalışmışıq.

İngiloy aşıqları "çonquri" adlanan doqquz telli (azərbaycanlıların "tavar saz"ına uyğun) və beş telli sazda çalılıb oxuyurdular. Sazla yanaşı onlar iki telli "tambur"dan da musiqi aləti kimi istifadə edirdilər. Quruluşu, pərdə düzümü və səsi rezonansı baxımından gürcü "panduri"ləri ilə tipoloji oxşarlıq təşkil etsə də, ingiloy "tamburi"ləri bəzi fərqli xüsusiyyətlərə malik idi. Gürcü "panduri"ləri üç telli olub, bəndləri (pərdə) qoyun bağırsağından düzəldilirdi. İngiloy "tamburi"ləri isə iki telli və beş bəndli olub, "xayati" adlanan keci sapdan hazırlanırdı. Tellərinin sayının az olmasına baxmayaraq "tamburi" də demək olar ki, bütün saz havalarını ifa etmək olurdu. Mürəkkəb tel düzümünə malik olan aşıq sazından fərqli olaraq, "tamburi"dən adi kəndlilər də istifadə edə bilirdilər. Yaşlı informatorların söylədiyinə görə, uzun qış gecələrində "kalde"yə (söhbətə) toplaşan ailə məclislərində "tamburi" çalılıb oxumaq geniş yayılmışdır.

El arasında böyük şöhrət qazanmış və bu gün də xatirələrdə yaşayan ingiloy aşıqlarından Aşıq Camal (1830-1908), Aşıq İsmayıl, Aşıq Ömər (Zəyəm kəndi), "dastanlar ustası" ləqəbli Aşıq İbrahim Qurban oğlu, Aşıq Hüseyn, Aşıq Cəlil, Aşıq Oruc, Aşıq Abdulla, Aşıq Dərçin, Aşıq İslam, Aşıq İsa, Aşıq Salam, Aşıq Hero, Aşıq Camal (Əliabad qəsəbəsi), Şorba İslam, Aşıq Əli (Mosul kəndi), Şair Əzim (Yengian kəndi), Cücüy Məhəmməd (İtitala kəndi), Cahangir Dalgı (Verxian kəndi), Aşıq Zurab (Qorağan kəndi) və b. adlar qeydə alınmışdır¹.

Təəssüflər olsun ki, adlarını qeyd etdiyimiz aşıqların böyük əksəriyyətinin əlyazmaları it-bata düşmüş, bəzi əlyazmaları isə müxtəlif dövr-

¹ Balayev Camal Uluxan oğlu (aşiq), 1930-cu il təv. Zaqatala rayonu Əliabad qəsəbəsi.

lərdə naməlum şəxslər tərəfindən toplanmış və başqa imzalarla çap olunmuşdur. Məsələn, Zəyəmli Aşıq Camalın ona yaxın əlyazması və Əliabadlı Aşıq Hüseynin bir sandıq əlyazması 60-cı illərdə Dağıstanlı folklor toplayıcıları tərəfindən çap etdirmək adı altında aparılmışdır. Tədqiqat zamanı məlum olmuşdur ki, qeyd etdiyimiz aşıqların əksəriyyəti bilavasitə öz qələmlərindən çıxmış şerləri, mahnıları ifa etmiş, az qismi isə "amanat" sözləri (başqa aşıqların yaradıcılığından nümunələr) oxumuşlar. Azərbaycan aşıq ədəbiyyatına, onun əsas janrı və havacatlarına dərinədən bələd olan ingiloy aşıqlarının repertuarında baş və orta "müxəmməs", baş, orta və ayaq "divani", "Hüseyn gözəlləməsi", "Hüseyn həngi", "Hüseyn cəngi" və s. geniş yayılmış aşıq havaları idi. İngiloy aşıqları öz məclislərində "Koroğlu", "Əsli və Kərəm", "Novruz bəy", "Camal və Şahbaz" və s. kimi Azərbaycan xalq dastanlarından dönə-dönə söz açar, çalıb oxuyardılar.

İngiloylarda aşıq yaradıcılığının qədim köklərə malik olmasına baxmayaraq, əldə olunan məlumatlar yalnız XIX əsrin I yarısına aiddir. İngiloy aşıq məktəbinin ən görkəmli nümayəndələrindən biri Zəyəmli Aşıq Camal olmuşdur. 1830-cu ildə Zəyəm kəndində anadan olmuş Aşıq Camalın əsl adı Molla İsa olmuşdur. Mollaxana təhsili almasına baxmayaraq, Azərbaycan aşıq yaradıcılığının dərin bilicisi olan Aşıq Camal bir neçə dastanın (bunlardan yalnız birinin- "Camal və Şahbaz" dastanının əlyazması qorunub saxlanmışdır), çoxlu sayda müxəmməs, tənisi, gəraylı və qoşmaların müəllifidir. Kəndxuda Səfər Kovxaya həcv yazdığı üçün Sibirə sürgün edilmiş, qayıdandan bir müddət sonra yenidən həbs olunmuş Aşıq Camalın yaradıcılığı da həyatı qədər zəngin olması ilə seçilirdi. Zəyəm kənd müəllimi Bəsti Səfər qızı Ruşanovanın verdiyi məlumatlara görə, hələ 1983-cü ildə dünyasını dəyişmiş Nəsimov Zəkəriyyə (1898-1993) israr edirmiş ki, Aşıq Camal məşhur Molla Cümənin ustadı olmuşdur. Bunun nə dərəcədə həqiqətə uyğun olduğunu müəyyən edə bilməsək də, Molla Cümə yaradıcılığında ingiloy yaşayış məntəqələrinin, küçə adlarının və hətta ayrı-ayrı ingiloy gözəllərinin adlarının qeyd olunması, onun ingiloylarla yaxın münasibətlərini üzə çıxır.

Aşağıda Aşıq Camal yaradıcılığından seçdiyimiz bəzi nümunələrə diqqət yetirək:

Qoşma: Gedin deyün mənim mələk yarım,
Bir zəhmət çəkibən buraya gəlsin.
Siyah zülfün qabağından götürsün,
Hilal qaşlar çəkib araya gəlsin.

* * *

Eşq əlindən canım yan ha yandadı,
Həsretin çıxmayı şirin candadı.
Dərdlənmişəm dərdə dərman ondadı,
Təbibdir baxmağa haraya gəlsin.

* * *

Bülbül qəfəsdədi meyli güldədi,
Nə zamandı mənim gözüm yoldadı.
Aşıq Camal bu gün öl ha öldədi,
Tez deyün Şahbaza haraya gəlsin.

Gəraylı: Dünən bir gözəl görmüşəm,
Adı Gülxanım, Gülxanım.
Təzədən dərdə düşmüşəm,
Dərdim bil xanım, bil xanım.

* * *

Gedib ollam ona nöker, Aşıq Camal neylər nazı,
Nöker olan cəfa çəkər. Əlinə götürməz sazı,
Dişi inci, dili şəkər, Allahım yazaydı yazı,
Dodaq bal xanım, bal xanım. Mənim ol, xanım, ol xanım.

Təcnis: Sən misləndə gözəl olmaz, əzizim,
Sürməni çəkmisən göz didarına.
Qorxuram gələsən bir bəd nəzərə,
Pərdəni salgınen tez didarına.

Könlüm üçün sən qibləyə nisbətən,
Gözəllikdə Züleyxaya nisbətən.
Göydə çadırlanan aya nisbətən,
Qüdrətdən nur yağmış üz didarına.

Mən Camalam eşqin dindirdi məni,
Günbəgün dərdlərin sındırdı məni,
Gözəllik şöləsi yandırdı məni,
Gəl sığal ver bari az didarına.

Zəyəm kəndində Aşıq Camalla yanaşı, Aşıq İsmayıl, Aşıq Ömər kimi tanınmış aşıqlar yazıb yaratmışlar. Lakin onların əlyazmaları hələlik aşkar olunmamışdır. Qeyd etmək lazımdır ki, Aşıq İsmayılın dəfn günü onun şagirdi Əliabadlı Hüseyn, şəriət baxımından istisna hal kimi, sazda "əvvəl-axır" tapşırmasını (bu aşıq ağsıdır) oxuya-oxuya ustadını son

mənzilə yola salmışdır. Ənənəyə görə adətən, ustad aşiq əvvəlcədən kimin onun üçün "əvvəl-axır" oxuyacağını layiqli davamçılardan birinə tapşırırdı.

İngiloy aşiq yaradıcılığında Əliabad aşiqləri özünəməxsus yer tutur. Əliabad aşiqlərinin bizə məlum olan ilk nümayəndəsi Aşiq İbrahim Qurban oğludur (XIX-XX əsrin əvvəlləri). Lakin "dastanlar ustası" ləqəbi daşmasına baxmayaraq, onun yaradıcılığı ilə bağlı materialları əldə etmək mümkün olmamışdı. Əliabad aşiqlərinin ən görkəmli nümayəndəsi Aşiq Hüseyn olmuşdur. O, Zəyəmli Aşiq İsmayılın şagirdi olub və onun ölümünə "əvvəl-axır" tapşırmasını oxumuşdur. Yaşlı nəslin nümayəndələrinin verdiyi məlumata görə, Aşiq Hüseynin sağlığında Əliabadın mərkəzində xüsusi "aşiq meydanı" var imiş və bu meydanda çox aşiqlər sazını qoyub getmişdir. Meydana toplaşanlar qarşısında Aşiq Hüseyn nağaraçı Məhəmmədlə birlikdə bir çox gəlmə aşiqləri "bağlamışdı"¹.

Etnoqrafik çöl materiallarından anlaşıldığı kimi, Aşiq Hüseynin həyatı təlatümlər içərisində keçmiş, sovet hakimiyyətinin ilk illərində, o, qaçaqlara qoşularaq hökumətə qarşı illərlə mübarizə aparmış, sonra kö-nüllü silahı yerə qoyduğundan həbs olunmamışdır. Oğlu Nəzirin vaxtsız vəfatı aşığı sarsıtmış, qəddini öymüşdür. Otuz yeddinci ilin "qara yelləri" Aşiq Hüseynə də yan keçməmiş, həbs olunaraq Sibirə sürgün edilmişdir. Aşiq Hüseynin sonrakı taleyi məlum deyildir.

Aşiq Hüseyn yaradıcılığını digər ingiloy aşiqlərindən fərqləndirən başlıca cəhət, onun həm Azərbaycan, həm də ingiloy dilində yazıb yaratması idi. Ümumiyyətlə, Aşiq Hüseyn yaradıcılığında eyni zamanda hər iki dildən geniş surətdə istifadə olunmuşdur. Təəssüflər olsun ki, Aşiq Hüseynə məxsus əlyazmaları it-bata düşmüşdür. Tədqiqat zamanı Aşiq Hüseynə məxsus ağızdan-ağıza keçərək dillərdə yaşayan şerlərdən bəziləri qeydə alınmışdır:

Onun "Döndüm" rədifli qoşması indi də dillər əzbəridir.

On beş yaşa çatdı canım,
Bir cavan oğlana döndüm,
Hər yandan çıxdı müştərim,
Pərvanə sultana döndüm.

Otuz yaşa var ha vara,
Xəbər getdi hər diyara,

İyirmi yaşa yetişdim,
Qılınc, qalxana sataşdım,
Bəziranlarla savaşdım,
Cavahir, mərcanə döndüm.

Xilaf olmadım özümə,
Qorxu gəlmədi gözümə,

Neçələrin çəkdim dara,
Bir bəbir aslana döndüm.

Ağ tük göründü üzümə,
Pozulub peşmana döndüm.

Əliabadlı Hüseynəm necə,
Cavan ömrüm keçdi vecə,
Görənlər deyirlər: "qoca",
Nə vaxtsız pünhana döndüm.

Azərbaycan və ingiloy dillərinin sözlərini qarışıq tərkibdə qafiyələndirən Aşiq Hüseynin "Bozi"si (ixtisarla) bu cəhətdən xüsusi maraq doğurur.

Düdrüyan dərdebəşivar djer,
[Böyük dərldərdəyəm hələ],
Aşiq adamamam tanı, gör,
Tsodvavar nu damicer me,
[Yazığam tutma məni]
Kim bağlar yarami bozi

Dar günündə qalana var,
Aliabadlı Hüseynavar,
[Əliabadlı Hüseynəm necə]
Er ǧaribats satsqal Qatsivar,
[Bir qərib faǧır kişiyəm]
Talani-zevrani bozi.

Aşığın "Bir gün" (ixtisarla) rədifli qoşması təkcə lirizmi ilə deyil, həm də dil qarşılaşması baxımından diqqəti cəlb edir.

Qıza elçi gəlməsələr,
Sirr əhvalı bilməsələr,
Layiq görüb verməsələr,
Qoşuluban qaçar bir gün.

Aşiq Hüseynəm cəngi,
Sazda çallam yüz min həngi,
Bli qriלושי çrel peranqi,
[Gilas kölgəsində ala-bəzək köynəyi]
Aşna-yara biçər bir gün.

Aşiq Hüseyn bir sıra aşiq havalarının yaradıcısı kimi də tanınmışdır: Baş və orta "Hüseyn gözəlləməsi", "Hüseyn həngi", "Hüseyn cəngi" və s. həm ingiloy, həm də zona aşiqlərinin tez-tez müraciət etdiyi aşiq havalarından idi. Adətən, aşiqlərin repertuarında 72 hava (həng) olur. Aşiq Hüseynin bilavasitə özünəməxsus 12 həngi vardı. Zona aşiqlərinin oxuduğu "Novruz bəy" dastanı isə məhz "Hüseyn cəngi" ilə müşayiət olunurdu.

Aşiq Hüseyn irsini onun şagirdləri Aşiq Cəlil, Aşiq Dərçin, Aşiq Abdulla, Aşiq Hero davam etdirmişlər. Aşiq Hüseynin sazını onun sonuncu şagirdi Aşiq Hero gəzdirirdi. Aşiq Heronun şagirdi olan Aşiq Camal isə hazırda Əliabad aşiqlərinin son nümayəndəsi hesab olunur. Aşiq Camal ustası Aşiq Heronun ölümünə "əvvəl-axır" yazmışdır. Aşiq Hüseyn-

¹ Cumayev Ənvər Zahir oğlu, 1911-ci il təv. Zaqatala rayonu Əliabad qəsəbəsi.

dən sonra "əvvəl-axır" yazılmadığından, Aşıq Camal ustadı Hero ilə yanaşı özündən əvvəlki digər aşıqları da yad edir və özündən sonra bu sənəti davam etdirməyi gənc Aşıq Abbasa tapşırır. Aşağıda gətirdiyimiz şer parçası ingiloy aşıqlarına məxsus "əvvəl-axır"lardan əldə edilmiş yeganə nümunədir:

(ixtisarla)

Aşıq Camal "əvvəl-axır"ı

.....
Ey dünya, səndən çox narazıyam,
Hero tək ustadımı neylədin, dünya!
Oruc tək sirdaşımı əlimdən aldın,
Öluncə çəkərəm vərəmi, dünya!

Ey dünya, görmədim sən tək yamanı,
Neylədin Aşıq Hüseyni, Cəlili, Salamı,
Öldürdün Dərçimi, quyuladın Abdullanı,
O Aşıq İsa tək cavanı neylədin, dünya!

Ey dünya, dolanırsan bahar yazımı,
Viran qoydun neçə aşığın tavar sazımı,
Varxianlı Cahangir Dağlımı, Yengianlı Şair Əzimi,
Mosullu Əli tək şairi neylədin, dünya!

Ey dünya, dili ləl olan, sözləri zülal,
Bağlamalardan, qıfıl-bənddən, "əvvəl-axır"dan deyən,
Elmin dəryası, ismi-ə'zan duasını mükəmməl bilən,
Molla Cümə tək şairi neylədin, dünya!

Ey dünya, bütün şairləri çağırıram köməyə,
Gecə-gündüz yalvarıram bizi yaradan pənaha,
Əliabada, el-obaya saz çalib söz deməyi,
Tapşırıram sənə o Aşıq Abbas tək cavanı, dünya!

Ey dünya, Camalın da canından can içəcəksən,
Yaxşıları yamandan, yamanları yaxşıdan seçəcəksən,
Bir gün bütün insanların canını içəcəksən,
Axırda qalacaqsan tək, viranə, dünya!

60-cı illərdən etibarən aşıq sənətinə olan maraqların azalması nəticəsində ingiloy aşıq yaradıcılığı tənəzzülə uğramışdı.

РЕЗЮМЕ

Ингилойское народное творчество наряду с отражением местных территориальных особенностей обращает на себя внимание оригинальными чертами. Ингилойское устное народное творчество – сказки, предания, анекдоты, баяты, ашугское творчество – формировалось и развивалось под влиянием азербайджанского языка и фольклора.

У ингилойцев широко был распространен такой фольклорный жанр, как баяты. Баяты, возникшие на азербайджанском языке, были разными по содержанию. Большинство баяты посвящались любви, жалобам, семейному и хозяйственному быту.

Ашугское творчество составляло основную часть устного народного творчества. Ингилойские ашуги играли и пели на девятиструнном и пятиструнном сазах «чонгури». Кроме этого саза, они пользовались двухструнным «танбури» как музыкальным инструментом.

Обращает на себя внимание, что некоторые из ингилойских ашугов, творивших в основном на азербайджанском языке, рифмовали азербайджанские и ингилойские слова.

SUMMARY

Though folk arts of Ingiloy, which are one of the most ancient nationalities in Azerbaijan has features peculiar to northwestern part of Azerbaijan, there are some specific properties as well. Ingiloy folk arts which includes fairy tales, legends, sagas, jokes, riddles, lullabies, bayaties (quatrain) as well as ashug (Caucasian folk poet and singer) arts has been shaped and developed under the influence of Azeri folk-lore.

AXISQA-GÜRCÜ DİL KONTAKTLARINA DAİR

90-cı illərdə, yəni SSRİ dağılından sonra BMT çərçivəsində azsaylı və dəfələrlə deportasiyalara məruz qalmış türk xalqlarının siyasi və etnik tarixinin, mədəniyyəti və folklorunun, həmçinin dil xüsusiyyətlərinin öyrənilməsinə xüsusi diqqət yetirilmişdir.

Axisqa türkləri də iki dəfə deportasiya olunmuş kiçik xalqlardandır; nələ də öz əzəli torpaqlarına qayıda bilməmişlər. Onların qat-qat çox olan problemlərinin bütün mürəkkəb kompleksini öyrənilib dərk etmək üçün həmin toplumun dilinin indiki vəziyyətini də dərinlən təhlil edib öyrənmək lazım gəlir. Təəssüf ki, keçən dövr ərzində bu sahədə əsaslı tədqiqatlar aparılmamış, bu xalqa və onun dilinə maraq göstərilməmişdir.

Sovet dövründə axisqalıların dilinin araşdırılmasına imkan və şərait yaradılmamış, həmin mövzu bir növ yasaq olmuşdur. Yalnız 1989-cu ildə Özbəkistanın Fərqanə vilayətində qanlı toqquşmadan sonra Axisqa türklərinin varlığı yada düşmüşdür.

Bu gün Axisqa türkləri öz tarixi torpaqlarında yaşayan və siyasi təşəkkülə olan bir xalq deyildir. Axisqa türkləri kimi tanınan həmin xalqın bu gün öz əzəli bölgəsində, demək olar ki, heç bir təmsilçisi yoxdur. Axisqadan Orta Asiyaya sürgün edildikdən sonra mədəniyyət, dil və siyasi yöndən bir azlıq təşkil edərək, təbii ki, tamamən məchul və unudulmuş bir vəziyyətə düşmüşlər.

Müxtəlif ərazilərdə məskunlaşmasına, müxtəlif sistemli dillərin əhatə və təsiri altında olmasına baxmayaraq, bu xalqın dili milli və orijinal xüsusiyyətlərini qorumuş, uzun bir mübarizə yolu keçərək başqa dillərin assimilyativ təsirindən özünü xilas edə bilməmişdir. Əksəriyyət etibarilə öz varlığını qorumaqla bəzi yad dillərin təsirlərinə də məruz qalmışdır.

Axisqa türkləri tarixən gürcülərlə kontaktda olmuş, bir-birinə söz verib söz almışlar. Bu xalqların dilləri arasında da leksik əlaqələr formalaşmışdır. **Dil əlaqələrinin müəyyənləşməsində substrat leksemlər mühüm rol oynamışdır:**

A) GÜRCÜ SUBSTRATLARI

«Substrat» sözü fəlsəfi bir termin olub dilçilikdə də "əsas" mənasında işlədilir.¹

¹ Rusca-Azərbaycanca lüğət, III cild, R-Ə, Bakı, Elm, 1978, s. 284.

Substrat leksemlər alınmalarla bəzən qarışıq salınır, belə leksik-terminoloji vahidlər alınma sözlər deyil. Çox qədim dövrlərdən qarşılıqlı əlaqələr nəticəsində, qaynayıb-qarışma nəticəsində bir dildən digər dilə keçən sözlərdir.

İndi Axisqa türklərinin dilində işlədilən xeyli gürcü sözləri tədqiqatçıların göstərdiyinə görə, XVI yüzilliyə aid edilir¹. Həmin substrat leksemlərin tarixi çox qədimlərə gedib çıxır və həmin dil vahidləri ümumi-kartvel epoxasını özündə əks etdirir.

Müşahidə olunan substrat² leksemləri ayrı-ayrılıqda nəzərdən keçirək:

Kuç «mədə»<gürcüce kuçi. Axisqa türklərinin dilində kuç sözü ilə paralel olaraq mədə/məddə sözü də işlədilir. İndi kuç sözünün işlənmə sahəsi daralmışdır. Hazırda bu söz heyvandarlıq təsərrüfatında istifadə olunur. Bu söz həmçinin kuçitar sözünün bir komponenti kimi işlədilməkdədir. Həmin sözün mənası «zəlzələ», «qorxmaq», «ağciyər» anlamlarına uyğun gəlir. Bu fakt göstərir ki, həmin söz keçmiş dövrlərdə söz yaradıcılığı elementi kimi aktiv olmuşdur.

Tuç «dodaq»<tuçi. Bu leksik substratın da işlənmə sahəsi indi məhdudlaşmış, yalnız heyvandarlıq təsərrüfatında istifadə olunmaqdadır. Tuç sözü indi tuçları sözünün ilkin komponenti kimi Axisqa türklərinin dilində geniş dairədə işlənməkdədir. Bu söz insanlara da aid edilə bilər. Məsələn, tuçlarıni büzmax (dodaqlarını büzmək-mənasında).

Tün «beyin»<tvin twin> gürcüce twini.

Qeyd: Gürcü kompleksi olan Wi türk dilindəki üfi saitinə uyğun gəlir. Müqayisə et: twin>tün.

Hazırda axisqalıların dilində tün sözü tüniboş mürəkkəb sözünün tərkibində işlədilir, yəni, «beyni boş», «ağılsız» mənasında. «Tünsüz» sözü də dildə işləkliyini saxlamaqdadır.

Naxülə «öd, səfra», «öd kisəsi», <gürcüce navwela/najweli. Göründüyü kimi, axisqalıların dilindəki naxülə sözü gürcü dilindəki najweli sözünün fonetik cəhətdən dəyişdirilmiş şəklidir. Gürcü dilindəki və kompleksi axisqalıların dilindəki ö refleksinə uyğun gəlir.

Naxülə sözünün semantik çalarları Axisqa türklərinin dilində zənginləşmişdir. Gürcü dilində navwela təkcə «öd kisəsi» mənasında işlə-

¹ Климов Г. Я. Этимологический словарь картвельских языков. М., Изд-во Академии наук СССР, 1964, с. 50.

² Substratların müəyyənləşdirilməsində və izahında mənə yaxından kömək etmiş axisqalı dostum Sabircan Cəlilova öz minnətdarlığımı bildirirəm - **müəllif**.

diyi halda, axisqalıların dilində bir neçə mənada istifadə olunmaqdadır: 1. Jelçny puzırğ; 2. Jelçğ, əd (v perenosnom smisle).

Nümulərə diqqət yetirək:

1. Na *ş*ülam a *ş*yrijerdi da kurota gettim.

2. Corbaya o qətən pirpila qatmış ki, na *ş*ülaja dönmüş.

Axisqalıların dilində na *ş*üla sözü ilə paralel olaraq *öd*, *öd kisəsi*, *zəhər sözləri* də işlənəkdədir.

Kud «quyruq» <* kud (gürcücə); çan dilində: kudel; meqr kydel; cban-hakwad; haked, akwed. Kud sözü ümumkartvel mənşəli əsasdır. Gürcü dilinin ən qədim dövrlərində işlənmişdir. Lakin kudi şəklində bəzi gürcü dialektlərində istifadə olunmaqdadır.

Axisqalıların dilində bu substrat leksemlə yanaşı qujruş sözü də işənir.

Kud sözü axisqalıların dilində iki sözün tərkibində hazırda müşahidə olunur: 1) kudijan; 2) kuda. Kudijan (kudiani) həm gürcü, həm də axisqalıların dilində: 1. Quyruqlu; 2. Küpəgiren qarı, cadugər qarı, əcinnə mənalarında istifadə olunmaqdadır. Hiss olunur ki, zaman keçdikcə, bu cür leksik substratlar əvvəlki mənasını da itirmək üzrədir. Əlavə mənalar kəsb etməyə meyillidir.

Kuda sözü indi axisqalıların və gürcülərin dilində heyvandarlıq sahəsində (1. Quyruqsuz, 2. Qısa quyruq mənalarında) işlənir.

Gürcü dilində kudian «quyruqlu» deməkdir. Həmin söz məcazilik kəsb edərək «hər bir şeyin biləni» mənasında da istifadə olunmaqdadır. Aşağıdakı nümunələrə diqqət yetirək:

1. Ban na bilejdim, kudum joxdur ki, bilejdim san golazaxsun.

2. Kudijan: nanain kudu varimis da oninan sazijermis ki, na olazax.

3. Atyn qujruşuni ki, kesarsun olur kuda.

Zuk (donqar-beldə, burunda) < gürcücə: zurki «bel, dal, kürək». Zuk sözü axisqalıların dilinə gürcü dilindəki zurki sözündən keçmişdir. Həmin söz axisqalıların dilində forma və mənasını dəyişmişdir.

Axisqa türklərinin dilində bu söz zuk formasına düşmüş, sözün tərkibində olan «r» səsi düşmüşdür: Müq. et. zurki > zuki.

Formal cəhətdən olduğu kimi, həmin leksik substrat mənə baxımından da diferensiasiyaya uğramışdır. Belə ki, gürcü dilində yuxarıda qeyd olunduğu kimi bel, dal, kürək mənasında işlənən bu söz zaman keçdikcə, Axisqa türklərinin dilində yeni mənə, yuxarıdakı mənə ilə bir az da olsa səsleşən donqar, qozbel semantikasına sahib çıxmışdır. Sonuncu

mənə aşağıdakı kontekstdə də ehtiva olunmuşdur: Ayduş tayının arxasında zuku vardır. Zuk sözünün keçid mənalarından biri də «şəxsi yük» mənəsidir. Məs.: Gendim gedamiyerdim sani da arxama zuk ettim. Gendan niya zuk etmissin? Zuk sözü gürcü şəkilçisi jan morfoloji göstəricisini qəbul edib zukijan sözünü əmələ gətirir: zukijan sözü «qozbel», «donqar» (adam) mənəsidir: Ayduş tajijnan Asma xalaj zukijandurlar.

Pexi < pexi (gürcücə - ayaq). Gürcü dilində «ayaq» mənəsində işlənən bu substrat axisqalıların dilində nida kimi fəaliyyət göstərir. İş, fəaliyyət vaxtı Axisqa türkləri bu nidadan inəyin ayaqlarının qalxıb-enməsi prosesində istifadə edirlər. Məs.: pexi! pexi! (noqa! noqa!). Qeyd: Mənə məlumat verən informator Sabircan Cəlilov belə bir izah verdi:... pexi, pexi, diyerux ki, inək ayaxlarını aralasan.

Menz «omba, bud» < gürcü dilində menze.

Turkmel «böyrək» < gürcücə - tirkmeli «böyrək». Bəzi axisqalıların dilində bu sözlə yanaşı, onun sinonimi bökrək sözü də işlədilir, lakin yaşlı adamlar təkcə turkmel sözündən istifadə edirlər.

Tot «ləpir, iz» <*tot - gürcü dilində «budaq», «qol».

Tət «pəncə», «ayaq» (heyvanlarda) < tati «pəncə», «ayaq» - gürcü dilində. Axisqa türklərinin dilində bu söz pişiyin ayağı, pəncəsi birləşmələri daxilində işlədilir. Axisqalıların pişiyə müraciətlə tət!, ətət də deyirlər (pişiyi qovan zaman). Aydın görünür ki, bu sözlər arasında məntiqi cəhətdən bağlılıq vardır.

Nikor «ağ xallı, ləkəli tük» < gürcü dilində nikor. Hər iki dildə bu söz eyni formalı və eyni mənəlidir. Həm gürcü, həm də Axisqa türklərinin dilində ağ xallı heyvanları nikora adlandırırlar. Məs.: Bir nikora öküzüm var idi, yaman güləşxan idi.

Kututo «göz qapağı» < gürcü dilində kututo «göz qapağı». Hər iki dildə bu söz eyni mənəlidir. Lakin axisqalıların dilində sözün tərkibində abruptiv (nəfəsli) səslər iştirak etmişdir.

Elenta/ələntə «dalaq» < gürcü dilində elenta «dalaq». Zeqan şivəsində gürcü dilində işlənən forma (elenta) qalmışdır.

Savel və digər şivələrdə isə e, a>ə fonetik dəyişənliyi müşahidə olunur.

Bu sözün sinonimi kimi türk mənşəli talax (<dalak) sözü də işlənilməkdədir.

Bibilo/biblo «pipik» <*bibil; gürcü dilində bibilo «quşun pipiyi», çan dilində bibil - xoruzun saqqalı mənəsində (GSKƏ, 54).

Axısqa türklərinin dilində biblio şəklində işlənən bu sözdə i səsi düşmüşdür.

Ziğel - diş əti <* jrili «diş əti», gürcü dilində: jrzil, meqr. Zirgil; çan. Jizgil.

Müasir gürcü ədəbi dilində bu söz jrzili şəklində işlədilir. Gürcü və Axısqa türklərinin dilində bu söz epenteza və metateza hadisələrinə uğrayır: jizili - jzili; j~z (jizil>zijel).

Gürcü dilinin inqloy dialektində bu söz jrqli formasındadır.

Kakal - türk dilində göz karası «göz qarası». Bu mənə gürcü ədəbi dilində dida «zeniüa oka» sözü ilə ifadə olunur. İnqloy dialektində isə kakalay şəklində müşahidə olunur. Bu, kakal sözünün gürcü mənşəli olduğunu təsdiq edir.

Nikart - «dimdik» <* ni-kart «dimdik»> gürcü dilində, ni(s) Kart, cban. Nikart-nikrat (GSKƏ, 148). Qeyd etmək lazımdır ki, Axısqa türklərinin dilində bu leksik substratın qədim forması saxlanmışdır.

Bu leksik substrat * krt-wn-i «klevat» - dimdikləmək sadə felindən törəmişdir. * ni və * ni-kap «niqab»-«podborodok» həmin kök əsasında formalaşmışdır. «Nikap»-«üz» mənasında bir sıra türk dillərində, o cümlədən axısqaqların dilində işlənməkdədir¹.

Axısqaqların dilində nikart sözünə - an şəkilçisini artırmaqla sözün mənası da dəyişir. «Nikartani»-«üz» mənasında. «Nikartani töküləcax» jarqonunun - feli birləşməsinin tərkibində də bu söz hazırda işlədilir.

Kocor «ləçək» < gürcü dilində kocori «ləçək». Forma və mənada heç bir dəyişkənlik yoxdur.

Xeco «boyun ardı», gürcü dilində keco. k > x dəyişkənliyi bu formalarda özünü göstərir. Mənə cəhətdən heç bir dəyişiklik görünür.

Xurxi «boğaz» * < xorx «boğaz», gürcü dilində: xorxi «boğaz». * o>u əvəzetməsi bu formalarda özünü göstərir.

Kiko «çinədan», «boğaz uru» < gürcü dilində kikvi «çinədan». Mənə dəyişkənliyi bu formalarda müşahidə olunmasa da, hər bir dilin daxili qayda-qanunlarına uyğun olaraq sözün formasında interferensiya hadisəsi baş vermişdir.

Maraqlıdır ki, bu dilin Artvin şivəsində kiki «boğaz uru» forması ilə qarşılaşmaq olur.

Puş «qarın» < gürcü dilində paşvi (paswi) eyni mənada.

Zizkol «şiş», «boğazın şişməsi», < zirqvali: gürcü dilində. Qeyd edilən mənə gürcü dilində zirqvali sözü ilə də ifadə edilir. Bu formalar

¹ Klimov Q. Göstərilən əsəri. s. 148.

arasında z>r və wa>o əvəzlənməsi özünü göstərir.

Çercul «bağırmaq». Bu mənə gürcü dilində celi forması ilə ifadə olunur. Axısqaqların dilində işlənən çercul sözü gürcü dilindəki çeli sözünün əsasında formalaşmışdır. Burada türk dillərində müşahidə olunan reduplikasiya, yəni qoşalaşma, təkrarlanma əsas rol oynamışdır. Çercyl-i (çox bağırmaq).

Ehtimal etmək olar ki, Axısqa toponimi olan Qorqul da bu prinsip əsasında yaranmışdır: gor-gor-i > gorguli.

Çip «göz zəifliyi», < gürcü dilində çirpli «göz zəifliyi».

Çunçuxo «mədə» (quşun mədəsi). Gürcü dilində buna oxşar mənə çinçaxvi leksik vahidi ilə öz ifadəsini tapır.

Sulukun «hıçqırmaq» < * slok «hıçqırmaq»; gürcü dilində slokin, meqr sikin; çan: sikin.

Beləliklə, biz tədqiqatda axısqaqların dilində indi də qalmış gürcü substratların struktur-semantik inkişafı ilə tanış olduq. Maraqlıdır ki, bu leksemlərin əksəriyyəti insan və heyvanların orqanları ilə bilavasitə əlaqəlidir. Belə sözlər, həqiqətən də, bu toplumun dilində çoxdur. Belə leksik vahidlər müasir gürcü dilindən keçmə deyil. Tədqiqatda göstəriləyi kimi, bu sözlər - bədən üzvləri adları hər iki xalqın birgə heyvandarlıq, quşçuluq təsərrüfatında çalışmaları, birgə ünsiyyət prosesində tarixən belə leksemləri mənismələri ilə bağlıdır. Bunlar indiki dövrdə alınma sözlər yox, leksik substratlar kimi başa düşülməli və öyrənilməlidir. Fikrimizcə, bu kimi substratlar gələcəkdə türk-gürcü dil əlaqələrinin hərtərəfli şəkildə öyrənilməsi üçün böyük əhəmiyyət daşıyacaq. Həmin substratların hər iki dildə izahlı lüğətini yaratmaq türkologiya üçün də faydalı ola bilər.

B) GÜRCÜ DİLİNDƏ AXISQA TÜRK LƏRİNİN DİLİNİN ELEMENTLƏRİ

Gürcüstan Qafqaz sıra dağlarının güneyində yerləşir. Türkiyə-Ermənistan - Azərbaycan-Dağıstan - Kabartay-Arkazeli və Qaradəniz arasında yerləşən Gürcüstan coğrafi baxımdan, təqədimdən iki hissəyə ayrılaraq tanınır. Doğu Gürcüstan və Sağ Gürcüstan.

Təqədimdən bu yerlərdə türklər yerləşmiş və uzun sürən hakimiyyətə sahib olmuşlar. Türk dili bu ölkədə dərin izlər buraxmışdır. Bir az tarixə baxmamız gərəkdir. Tiflis və Çıldır gölü arasında və Xram çayı hövzəsində yerləşən Tıryal/Tıryalet bölgəsi kurqanlarında Saka (Skuth) atlı köçərilərinə aid çoxlu gümüşdən düzəldilmiş əşyalar əldə olunmuşdur.

Tarixi mənbələr göstərir ki, Saka adı ilə tanınan bu tayfalar Kür çayı boyunca yuxarı hərəkət edib (28000 ailə - 28 oymaq) Karteldə yer-

ləşərək farsları bu ölkədən qovdular və Sarkinet (Sarkın yurdu) adlı şəhər saldılar. Bu zaman həmin ərazilərdə 6 dildə (kartvelcə-gürcücə, xəzərcə, asurca, yahudicə, yunanca, ermənicə) danışırtdılar. Filipp oğlu Aleksandr b. e. 320-ci ildə Kartelə gələndə Kür çayı və onun qolları boylarında yəni, «Sağ Gürcüstan» (Tərəkəmə-Gürcüstan kəsiyində) yerləşmiş qorxunc dərəcədə yabani tayfalardan sayılan Bun-türk (Bön) Saf-oğuzlar kimi yalan və hiylə bilməyən türk və qırçaqlar ilə qarşılaşır. Bunların qoruduqları istehkam: Göruh boyunda və Şavşat quzeyindəki Viran-şəhir yerində yerləşən Tukharis (Tukhari), (Xram çayı boyunda, qədimdən Qartal yurdu mənasında «Orbet» deyilən və Çenastan) ortasaylı türklərin ölkədə Ocaqlı Başkumandan xanədanı «Orbeliyan»ların mərkəzi və «Üç-ök» anlamına gələn), «Şam-Şvilde» («Kitabi-Dədə Qorqud» kitabındakı «Şor» boyundan «Şamsoldın» adlı xanədanın malikanəsi) və Kür çayı ilə Xram çayı qovuşduğu torpaq hasar («Kunan»)–Hunlar adlı qalaları bu türklərin şiddətlə müdafiə etdikləri «Kartlis-Skovreba»da anladılır¹.

M. Brossetin fikrincə, qırçaq şəhəri Sarkinet üçün «Türk orbeliyanlar yapısı» və «Sam-Şvilde» //–Sami-solge (Üs-Ok) istehkam mərkəzində oturan Başkumandalar xanədanı içində, haqlı olaraq «Orbelyanlar Gürcüstanda yerləşən türklərdir», bir yurdları da (İmeretdə və Kutayis) Arquetdə (Arqu yurdu) idi².

A. Zəki və V. Toğan Türkiyə tarixindən bəhs edən əsərlərində yazırlar ki, Sarkinet adını verən türk tayfasının Orta Asiyada qalan qolunun torunları-nəvələri bu gün «Sarık» və «Sarıq» adları ilə qırğızlar və təkə türkmənləri arasında yaşamaqdadırlar. «Sarkın» adı qırçaq dillərində «Sarıklar» deməkdir³.

Azqur (Axısqa quzeyində qala, Oğuzların «Yazqur»/ Yazır boyundan). Arquet (Kutayisin güneyində bölgə, «Arqu»lardan). Şoraqet (-Şor çayı, Borçalıda Şor / Şor boyundan). Xalxal (Kürün solunda, Şırak - Kızıq - düzü kəsimində Alban/Aran hökmdarlar qışlağı). Xoni (Hun, Kutayis elində). Xunan (Hunlar mənasında, Kür-Xram qovuşuğunda torpaq hasarlı alınmaz sayılan yer). Kankark (erməni dilində - «Kankarlar» mənasında, gürcücə, «Kanqarni» - Kanqarlar güclü qırçaq boylarındadır, Çıldır gölü sahillərində sancaq adıdır). Kasak (646-cı ildə islam fəthində anılır, Kürün sağında və Tiflis-Gəncə arasında). On-Oğuri 550-ci ildə Fars-Bizans müharibəsində, Şərqi Gürcüstanda Fas/Riyon imzağı boyun-

da qədim Çanar-Laz bölgəsində yerləşən Türk uruğu adıyla, təhrif olunmuş şəkildə «Onur-Kurisi»də deyirlər). Sıgnak - Alazan çayının sağında ölkə, mərkəz. Taşırık (Taşırılar, mərkəzi Loru (Lore şəhəri olan Borçalı kəsiyində, Ptolemeydə Tosaren). Tukhark (Tukharlar, «Kartlis Skhovreba»da «Tukharisi» - Tukharlı, Şavşat quzeyində qədim istehkam qala, Batı Türkiyəstanda Tokhar tayfasının qolu var, Ağqoyunlulardan «Duharlı Yusif bəy». «Kitabi-Dədə Qorqud»da adı çəkilən və bu gün Gürcüstan ərazisində qalan bölgələr aşağıdakılardır: Ak-sıka qalası (Akhıska); Başıaçuk; Karaçuk; Kökcə-tağ; Tokuz-tümen; Tumanın (Tumanlar qalası).

Gürcüstanda xalq arasında yaşayan qədim oğuzlardan qalma sözlər: Cildo - ödül, mükafat mənasında. «KDQ»-da «culdu» şəklində. Bani - yüksək, çatı, dam mənasında. «KDQ»-da «Ban-ey» - yüksək otaq. Qosani - ozan, saz şairi. Xel-Osani - usta, mahir adam, kişi mənasında. Qosan - sözlərdə sonralar «q» səsi düşmüş, söz «osan-ozan» şəklində sabitləşmişdir.

Gürcü dilinə keçən türk sözləri. Belə sözlər təkə türk mənşəli deyil, həmçinin ərəb, fars, rum, yunan mənşəlidir. Gürcü dilinə keçən bu cür sözlər bəzi fonetik dəyişikliklərə uğramışdır.

Gürcü dili (bu dilə kartuli də deyirlər - İ. K.) belə sözləri qəbul edərkən M. Fəhrettin Kırzioğlunun göstərdiyi kimi «səsli ilə bitən adların və sözlərin sonuna bir A və çoxluqla bir İ eklenerek işlənir»¹.

Məsələn:

A) Türkçə sözlər: adati (adət), alması (almas/elmas taşı), amağı (yemək), arxi (arıq), bayraqı (bayraq), bağı (bağ-bağça), batmani (batman), bulbuli (bülbül), qutani (kotan, pulluk), kabakhi (kabak, nişangah), ocaki (hocak, aile), soloqa (solak), torula (torul, toğrul, toyard kuşu), yal-kani (yelgen), yataqi (yatak), yerışı (yeriş, hucum).

B) Xüsusi adlar: Acara (Acar, qədim eger əvəzinə), Kura (Kür çayı), Batumi (Batumi şəhəri), Korkuta (kişi adı-Korkut), Mamuka (kişi adı-Mamuk), Tatarı (Tatar), Turki (Türk).

V) Alınma sözlər. Gürcü dilində işlənən belə sözlərdə leksik vahidin ilk və ya ikinci hecasının saiti düşür. Məs.: Rakhsi (Araks, Aras), Rani (Aran), Rat (Arat - qırçaqlarda kişi adı), Şota (Aşot, Aşut - kişi adı), çraki (çırak, yağkandili), dram (dirhem, direm), Ksani (Kasan-Kür çayının bir qolu), Karçokh (Karaçuk - «KDQ»-da «Karaçuk-Çoban»), Terqi (Terek çayı) və s.

¹ Bax: Kartlis Üxovreba. T. 1. Tblisi. 1955, s. 82.

² Brosset M. Historie de la Georgie. II, Partie, 1851, s. 57.

³ Zeki A., Togan V. Türkiyə-Türkiyə tarixi. 1942-1947. İstanbul, s. 71, 73, 75, 233, 234.

¹ Kırzioğlu Fəhretin. Gürcüstan'da Eski-Türk inanç və Gələnlərin izləri. I Uluslararası Türk Folklor Kongresi Vildirileri. İstanbul, 23-30, VI. 1975, s. 150.

Q) Gürcü dilində «f» səsi olmadığı üçün onun yerinə «p» və ya «v» səslərindən biri işlənir. Məs.: Pineti (Finet-Fin yurdu, Finlandiya), peranqi (firengi, fireng kömleqi), Sapranqeti) Fireng eli, ölkəsi, Fransa), alapı (alaf, heyvan yemi), davtari (defter, hesap kitabı), dapi (def, tef çalğısı) və s.

Gürcü dili şəkilçilərini qəbul etmiş türk soyadları

Gürcüstanda XIX yüzilliyin ortalarında türk bəy ailələrinin soyadlarında gürcü dilinə məxsus aşağıdakı morfoloji göstəricilər işlənmişdir.

Şvili - oğlu.

Dze - fars dilində keçən «zadə», ən çox bəy ailələrində işlənmişdir.

İya və ya

Türk dilində nisbət bildirən

Eli

- li, -li, -lu, -lü şəkilçisi mənasında.

Yani. Türk dillərindəki gil/lər şəkilçilərinin qarşılığı kimi işlənir.

Həmin şəkilçiləri qəbul etmiş 44 bəy ailəsinin soyadları M.Brossetin «Wakhuşt Coğrafiya»sında və «Tavadlar Listesi»nin sənədlərində qeydə alınmışdır¹.

Camakuryan (Can - Bakuryan (Orbelyan qolu); Yaralış-şvili. Dolenocis-şvili. Barata-şvili (Orbelyan qolundan Barat-Eli böyləri). Solaqa-şvili. Arquta-şvili. Amilakhori. Xidir-Beqis-şvili. Cavaxis-şvili. Tumanis-şvili (Orbelyan qolu, Amerikadakı Tarix professoru Prens Tumanov bunlardandır). (A)Ratis-şvili. Tarxanis-şvili (Tarkhan oğlu). Amir-Ecibi (Emir-hacib-saray naziri). Şahka-şvili. Şolaka-şvili. Turkistanis-şvili (Turkistanlı oğlu). Korkana-şvili. Qarakani-dze. Karaqozis-şvili. Tur(A) Manis-şvili. Urkmazas-şvili (Urkmaz oğlu). Tukhar-Eli. Tazis-şvili. Kadqis-şvili (Kadaklı-Yasaklı oğlu). Lala-dze (Lalazadə). Tula-şvili. Çubini-şvili (Horasan-sakalı «Bəhrəm-Çubin» nəslindəndir). Tatis-şvili (Tat (Tatlı oğlu). Kobyakhi-dze (Kobyakzadə). Ali-Beqis-şvili (Ali-Beqli oğlu). Budukh-avuri. Şaka-şvili. Ali-Kula-şvili (Şiə müsəlmanı olmuş Ali-Kuli oğlu). Becanis-şvili (oymak Bəcanlı oğlu). Alkahazis-şvili (Alkasin oğlu). Çaşita-şvili (Çaşit-Devlet-Casusu oğlu). Çaçika-şvili. Kay (I) Tmaza-şvili (Kayıtmaz oğlu). Kabak-şvili (Kabak oğlu). Tarulis-şvili. Kar (A) Khana-şvili. Kodala-şvili (Orta-Toroslardakı Bulqar-Karsak oymağı «Kodallı» adı ilə də tanınan Qırçaq oymağı qolundan «Kodal oğlu». Uqana-dze (Uqanzadə). Ağa-şvili (Ağa oğlu)².

¹ Brosset M. Göstərilən əsəri. s. 487-493.

² Kirzioğlu Fahrctin. Göstərilən əsəri. s. 151-152.

Gürcülər Axısqa türklərinə məxsus olan sözləri də aşağıdakı formalarda işlətmislər: Ayasi (ayaz, şafak aydınlığı), bağı (bağ, bağçe), bağa (beğe, hayvan yemliqi), palakhi (palak, kıraç yerdə bitən incə yarpaqlı ot), baykuşi (baykuş), bayraqi (bayrak), bokhça, buqa, bukhari, burqi (burqu), burquli (bulqur), çapa (çapa, emek), cari (çeri, asker), ceyrani (ceyran, ceylan), cilağo (cidağu, atın omuzbaşı), cildavo (çağatay-qırçaq şivələrində cilqava, bir soy tilki), ciridi (cirid oyunu, atlı takım sporu, İstanbul ağızlarında «cirib»), cirid-oba (ciritçilik, cirit oynama), cuca (cüce, çox ufak gövdeli kişi), çanari (canar balığı), çanqali (çengel, yaba), güli (gül), dağ (dağma, damğa), dinçi (dinc, rahat, hüzurlu), doşaki (döşək), dudquna (tutkun burunla danışan), duşaki (KDQ-da tuşak-at və insan ayağına vurulan göstək), qazli (qazil, yun-iplik), qutani (kotan, 6-12 cift öküz və ya manda ilə çəkilən ağır yerli pulluk), xali (hali), xav (tüq, incə dəri), xizani (göçkün), kada (kete, su katılmadan yoğurt və ya süd ilə yoğrulmuş yufkalar yağlanaraq yapılan və «iç» denilən yağla umaqlanmış kismi ilə çox dayanıqlı yolçu çörəyi (yağ ketesi, tava ketesi, paşa ketesi, şeker ketesi kimi növləri var), kalaki (kalak, şəhər) qazax, qırğızlarda da var. «KDQ»-da Oğuz eli çifte başkəndindən «Ağça Kala» adı sonundakı «k» səsi düşmüşdür, kağalki (kağıt, kuru, türkçə - «kakıt»), keça (keçe, fərt), köpaki (köpək), kaçağı (qaçaq), kaçaq-oba (kaçaklıq, kazaklıq), kadağa (qırçaqlarda-yasak), karaçi (karaçi, çox yağız, esmer kimse), karavuli (karağul, karavul), karavi (karaev, kıl-çadır), karkumi (kakum-çöl hayvanı), koçağı (koçak, yigit), koçi (koç), komrali (kumral), korqani (korqan, kurqan, tümsek və ya dikmetaş), kuti (kutu), marağı (merek, yem və ot, saman anbarı), noxi (Şəki-Nuxa halvası), nokari (monqol dilində nöker, başqasının işçisi və ya malını satan), oda (ev), ocaxi (oçak, ailə), tasma, tati (tetik, ot yeyən məməlilərin en ayağı, pəncə), tav (baş, qırçaq dillərində «tav»-dağ mənasında, tepe (Eristav - Er başı), tavani (tavan (tavan), teni (ten, islah, nemli), tuçi (tuç, tunc), tuniki (tənəkə), tusaqi (tutsaq, əsir), tusaq-oba (tutsaklıq), urdo (ordu, qadilə), yağunti (yakut taşı), yalkani (yelkən), yataki (yatak), yonca (ot adı).

Geyim adlarında türklüyün izləri: çuxa, vezneli (fişeklili), çepken, arkalıq, kuşak, serhadlıq (enli kayış kəmər), sallama-kemer (incə və gümüşlü), matara (kayırdan bıçaq və başqa əşyalar asılır), şalvar, görüklü-Ziqva, çizme (çarık), kabalak (papak), xevsu (kaftan), süslü corap, peştəmal (önlük), boncuk (mercan şüşəli), cura (sədəfli saz), abruşumi (ebrüşüm, ipek, ipekli), arxaluki (arkalıq, kişilərin geydiyi uzun cübbə), atlası (atlas, kumaş), bamba/pamba (farsca - pambık, pam uklu), bambazi (pamuklu, kutnu), başliğı (başlık), boxça, bur/ka (bürük,

bürüncək), cibe (sep), ciğa (cığa, sorğuc), çanta, çekme (ayaqqabı), me-
çekme (çekmeçi), çoxa (çuka, kişi çekmeçi), çuli (çul, bərk qumaşdan
hazırlanmış geyim), dambaça/tambaça (tabanca), dolbandi (dölbend, tül-
bend), dukme/tokma (düğme), eleqi (yelek), qazli (qazil, corablıq yun
ipliği), xalati (ərəbcə - «xilat», xalat, kaftan), xançali (Xançari-hançer),
kaba (kaba, cübbe, kaftan), kabalaxi (kabalak, iki yandan başa sarıq kimi
dolanən şal - başlıq), kamari (kemer), kavuxi (kavuk), kondaxi (kundak,
tüfek), kürki (kürk), me-küke (kürkçü), kürk-oba (kürkçülük), kürtaki
(kürdek, qısaqollu qadın kaftanı), kuti (kutu, koynunda və ya kəmərdə-
kuşakda daşınır), leçaki (leçək, tül-dən qadın başörtüyü), matara, matraxi
(matrak, kamçı), mesti (mest, mes), pambuli (pamuklu), papaxi (papak),
peranqi (firəngi gömlek, beyaz və dönmə yaxalı gömlek), partle (partal,
naltar, kumaş), me-partle (partalçı, kumaşçı, manifaturacı), sima (Sirmə-
sırma, kaytan, ipeklili şerit), şali (şal), şalvari/şarvali (şalvar), tasma, tardzi
(terdzi-terzi), yaraqi (yarağ, kesici silah).

Çalğılarda və oyunlarda türklüyün izləri: lek-uri (lek/ilek/Lezgi oy-
unu), mezure (zurnaçı), medole (davulçu), vurmali, doli («tovlu», «da-
vul»), diplipito, «daura» (dayra, daire), zilli-def (tef), çonquri (çonqür/çe-
qur, qopuz, bağlama saz), çıyanuri (üç telli kemençe).

Nəfəsli çalğı alətləri: duduki (düdük), mey/meyi/- meydan çalğısı,
(zumadan kiçik çalğı aləti), zazandari/tulumi/- tulum/tulum-zurna, sala-
muri (əndən altı, arxadan bir deşiyi olan kaval), zurna (kamışlı, kiskan-
çalı və tablalı türk zurnası), Ar-La (türküsü), Horovel (xalq şarkısı), dav-
luri/davli/dağluri (oyun adı), xorumi (oyun adı), dağlıların dansı (oyun
adı), davli oyununu, «Koroğlu» oyunu (kılıç və ya kama ilə iki erkek oyun-
nu), «kılıç-kalkan» oyunu, şorani oyunu, xançer-barı oyunu, bıçak oyunu,
Kazbek dansı, qoça-oba (-koç oyunu, qoç döyüşdürülür), çida-oba (-
çida/karğı oyunu), cirit-oba (-çirit oyunu), genc kızların ağır dansı, tere-
keme, «Karabağ», «Camış Girdi Bağa», Ceyrani, Partsa (parça- qıpçaq-
larda- barça- bütün- birlikdə oynamaq), khorum oyunu (Dünya yansa, bir
xorum otu yanmaz); Ağzını, bir xorum ot tutmaz (tükümaz)- deyimləri
də axisqalılarda geniş yayılıb. Şavşat-Artvində yaşayan axisqalılar deyir-
lər ki, «Xorum, bir çeşid oyun» (xalq oyunudur).

Gürçülərdə «xorumu» şəklində söylənməkdədir.

Yemək adları və onlarla bağlı digər sözlər.

Yemək alınan yerlərin adları: bazar (pazar, çarşı), bostani (bostan),
dukani (dükkan), me-dukane (dükkançı), xabazi (ərəbcə-xabbaz - ekmək-
çi), xabaz-oba (ekmekçilik), kasapi (kasap), purni (furun).

Qab-qacaq adları: badya (badiya, çanak), cami (cam, ağzı geniş tas,
su və şarap içməyə yarar), çanaxi (çanak), çanqali (çengel, yemek çatalı),
kobi (küp), kalyani (kalyan, nargile), kapkuri/kapkiri (kefçir, kevgir),
pincani (fincan), supça/supri (sofra), şuşa (şişə, şişə kap), tabaxi (tabak),
taxta, tapa (tava), tasi (tas), tepşi (tepsi), tolça (tolça-dolça), tulumu (tu-
lum, yağ, bal, pekmez, şarap kibi nesnelər için), tuci (tuç/tunç, dökme
demir tençere), tunqi (tünqü, şarap və su için ufak tulum, tavşan tulumu).

Yemək və içki adları: abi (hap), badrican/patricani (badıncan/patli-
can), banqi (bend, afyon, esrar), birinci (pirinc), bozbaşi (bozbaş, pirinc-
soğan və bibərli haşlama), burquli (bulqur), burnuti (burunoti, enfiye),
cadi (çadi-mısır etmeqi/ekmeqi), çixitma (çiklutma- çikıtma- sirke, etli-
yumurtalı- sirkeli çorba), dombaki (tömbeki, nargile tütünü), komi (kum
danısı, darı), halva (helva), xaşi (xaşil, kotan xaşılı), xinkali (xingel, bol
yoğurt və yağla bişirilən «tatar böreqi»; etli-xingel- mantı- bu da axis-
qalılarda sultani yeməklərdən sayılır), kada (kete), kandi (kand, kelle-
şeker), karaki (kerek yağı tereyağ) azərbaycanca - kərəyağ, karapapak-
lar və dağstanlılar «kere/kereğ» deyirlər,¹ kava (kahve), me-kava (kah-
veçi), kavurma, lavaşi (lavaş, incə və uzun ekmeqi). Ərzurumda «ecem-
ekmeqi» deyirlər; muraba (mürebba, reçel), plapi (pilav), şarbatı (şerbet),
tarkhuni (tarxun- güzel kokulu bostan otu), taro (taru, darı), tutumi (tütün),
zaprani (za'feran).

Ölçü adları:

1. Ağırliq ölçüləri: batmani (batman- 6 okka), çağurdağı (çekir-
dek, kuyumçu tartısı), dramı (dirhəm), kankari (qıpçaqlarda «Kan-
kar»ların adı ilə), miskhali (4 miskal), nuki (nüqü), oka (okka - 400 dir-
həm), tukhti (tukht- 3 yumurta);

2. Taxıl ölçüləri: Çanakhi (çanak- yarım kod), kharvari (khar-
va/xalvar- 12, 5 kod), kila (kile), kodi (kod- buğdası 20, arpası 16 kq. gə-
lir), somari (somar- 16 kod), tağari (tağar- 3 kod);

3. Sulu yemək ölçüləri: koka (koqa/kova- 12 tünqü), sitil/1/2
tünqü, «Koroğlu» dastanında belə bir cümlə var: «Koroğlu bir oturuşda
üç tünqü şarap içər, bir qızarmış qoyun yeyirdi»;

4. Uzunluq ölçüləri: ağaçi (ağaç, fersax, 5000 m. ə. yaxın yol
ölçüsü. «KDQ»-da belə bir ölçü adımdan istifadə olunmuşdur), andaza
(əndazə, terzi, və kumaşçı arşını), arşuni (arşın- 67 santım);

5. Pul (para) ölçüləri: abazi (abbasi- 200 dinar- 20 köpük), altuni
(altın- 1 dinar, 5 altun- 1 pul), denqa (tenqe- 1 pul- 5 dinar), min-altuni

¹ Kirziöglü Fahretin. Göstərilən əsəri. s. 165.

(bin- altın- 5 abazi (Abbasi- 1 altın), Uz-Altunı (yüz altın- 100 dinar- 10 qəpik- 1 tanqiri (tanqir), Puli (pul- 5 dinar- 1 denqa- yarım qəpik), tumani (tümən- onbin- 10 bin dinar- 20 altın ruble).

Bu və ya digər dil fakları göstərir ki, Axısqa türklərinin gürcülərlə kontaktları nəticəsində gürcü dilinə türk dilindən qeyd edilən sahələrlə bağlı xeyli sözlər keçmişdir. Gürcü dilində - məişətdə belə sözlər daha çox -i- və -a- şəkilçilərini qəbul edib işlənməmişdir.

РЕЗЮМЕ

В статье на передний план выдвинут вопрос об ахысго-грузинских языковых связях. Исследовано структурно-семантическое развитие грузинских субстратов (kuç – желудок, tüç – губа, tün – мозг, naхülə – желчь, kud – хвост, pexi – нога, tot – след и др.), проявленных в ахысском языке. Такие субстраты в дальнейшем будут иметь большое значение при всестороннем изучении тюрко-грузинских языковых связей. Создание толкового словаря таких субстратов может быть полезно для тюркской лексикографии.

В статье также проясняются, взятые из исторических источников, богатейшие факты присутствия в ахысском языке слов, оставшихся от древних огузов, кипчаков, прослеживается связь с тюрками в названиях одежды, игр, музыкальных инструментов, посуды, блюд, напитков, единиц измерения и т.д. В грузинском языке слова тюркского происхождения употребляются чаще всего присоединением окончания (-i) и (-a).

SUMMARY

The article deals with the question of Akhisga Georgian languages relations. The structural-semantic development of Georgian substrata (kuç – stomach, tüç – lip, tün – brain, naхülə – bile, kud – tail, pexi – leg, tot – footstep and so on) which were arreared in Akhisga language were examined in the article. These substrata will be very important for the future comprehensive study of turkic Georgian languages relations. The creation of explanatory dictionary including such substrata can be useful for turkic lexicography. Also it is shown a lot of facts of presence in language of

Akhisga Georgian the words lest by the accent oguz, kipchak. The light is thrown on the relation with turkic in the names of clothes, games, musical instruments, crockery, dishes, drinks, units of measure and so on. In Georgian language the words of turkic origin are used more of ten by the addition of endings (-i) and (-a).

З. В. КАНАНЧЕВ

*Институт истории Национальной
академии наук Азербайджана*

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР И КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ

Завоевания Александра стали отправной точкой возникновения конкретно-исторического явления, каким в общественную жизнь того времени вошел эллинизм.

К моменту смерти Александра Македонского его держава охватывала Балканский полуостров, Эгейское море, Малую Азию, Египет, всю Переднюю Азию, южные районы Средней Азии и часть Центральной Азии до нижнего течения Инда. Впервые в истории такая огромная территория оказалась в рамках одной политической структуры.

Как Запад, так и Восток нуждались в новой политической организации, в развитой форме рабовладения, торговле, обмену, в военно-административной системе. Именно походы Александра создали политический строй, сплотивший в себе город-государство и монархию, ставшей предпосылкой эллинизма, синтеза греческих и восточных начал (17, с.339). Вся деятельность Александра Македонского, его неумный характер гениального полководца, стремление к постижению нового, расширение границ познаний, попытка создать огромную мировую державу, объединив разные культуры, позволяют думать, что он опередил свое время почти на целое столетие (46, с.335).

После смерти Александра, в результате непродолжительной борьбы между отдельными частями его некогда могущественной армии было достигнуто соглашение, по которому держава сохранялась как единое целое, а наследниками были провозглашены его брат Ар-

ридей и родившийся спустя некоторое время после его смерти сын Александр IV. Фактически же власть оказалась в руках небольшой группы знатных македонян, занимавших при Александре высшие военные и придворные должности. Регентом, по существу, оказался Пердикка, так как Кратер, назначенный правителем, сопровождал ветеранов в Грецию. Управление Грецией и Македонией было оставлено за Антипатром. Фракия была передана Лисимаху. В Малой Азии самое влиятельное положение занимал Антигон, сатрап Великой Фригии, получивший к тому же Ликию и Панфилию; секретарю Александра Эвмену достались Пафлагония и Каппадокия, которую по существу предстояло завоевать. Египет был передан в управление Птолемею Лагу, а Мидия – Пифону (38, с.81).

Пердикка, стремясь сохранить целостность державы Александра, сурово подавлял все попытки отдельных сатрапов получить самостоятельность. Во время похода против коалиции сатрапов (Антипатр, Антигон, Птолемей) Пердикка был убит (321 г. до н.э.) (38, с.83-84). После гибели Пердикки верховным правителем на совещании в Трипарадесе, что в Сирии, был избран Антипатр, а сатрапии снова были перераспределены. Антигон, сатрап Фригии, был назначен главнокомандующим в Азии, Пифон получил командование в «верхних сатрапиях», Селевк, один из самых способных военачальников, – Вавилон (25, с. 161-162).

В 318 г. до н.э. разгорелась серьезная борьба между Пифоном, сатрапом Мидии, желавшим подчинить себе весь Иран, и коалицией остальных восточных сатрапов, отстаивавших свою самостоятельность. Пифон был оттеснен обратно в Мидию и обратился за помощью к Селевку, сатрапу Вавилона. В это время на Востоке появился Эвмен, который действовал от имени обеих царей (Арридея и Александра IV). Селевк и Пифон выступили против Эвмена и призывали на помощь Антигона, самого значительного из всех претендентов на власть в Азии и заклятого врага Эвмена. Осенью 317 г. до н.э. Эвмен разбил Антигона в Паретакене, но уже зимой Антигон взял реванш. В 316 г. до н.э. Антигон произвел новые назначения в восточных сатрапиях, убил Пифона, Селевк вынудил бежать в Египет под защиту Птолемея. Испугавшись усиления Антигона, сатрапы создали против него сильную коалицию. В нее вошли не только восточные сатрапы, но и Птолемей, и Кассандр, правивший в Греции и Македонии, и Лисимах, сидевший в западной Малой Азии (15, с.120-

121). Основную борьбу Антигон вел в Восточном Средиземноморье против Кассандра и Птолемея. Она окончилась миром, заключенным в 311 г. до н.э., так как ни одна из сторон не могла получить решительного превосходства. По этому договору Кассандр получил европейские владения, кроме Фракии, которая досталась Лисимаху, Птолемей остался хозяином Египта, а Антигон – Азии (15, с.122). Сложная борьба Антигона с его противниками, длившаяся с небольшими перерывами до 301 г. до н.э., когда Антигон был разгромлен в битве при Ипсе и убит, не давала ему возможности осуществлять должный контроль над сатрапами, сидевшими за Евфратом. Реальная власть в Иране и Сирии все больше переходит в руки Селевка (25, с.163). Борьба за Малую Азию и Восточное Средиземноморье продолжалась и после битвы при Ипсе в течение еще 20 лет.

Первым и наиболее важным политическим результатом длительной сорокалетней войны диодохов был окончательный распад империи Александра Македонского. Тщетными оказались как попытки Пердикки и Эвмена спасти политическое единство многоплеменного конгломерата, восстановить его после распада. К 280 г. до н.э. образовались три крупные монархии: Македония, Египет и царство Селевкидов. В период диодохов и их преемников эпигонов сложилась новая форма государства и управления им, зарождались новые элементы общественных отношений, создавались условия для расширения экономическим путем ограниченных замкнутых территорий и втягивание их в более или менее единую систему хозяйства. При этом происходила как эллинизация Востока, так и ориентализация Запада (39, с.103-106).

Кавказская Албания с эпохи Ахеменидов принимала активное участие в процессах общемирового масштаба. Основным моментом участия в этом процессе после крушения Ахеменидской державы стали более тесные культурно-экономические связи со странами эллинистического мира.

С древнейших времен международные связи различного рода играли важную роль во взаимообогащении народов. Главным образом, эти связи оказывали существенное воздействие на экономику, социальную и культурную, а также политическую жизнь народов.

Выгодное географическое положение Восточного Кавказа, близкое расположение этого региона от центров древневосточной культуры, способствовали различным контактам местного населения

с высокоразвитыми странами древности (12, с.165-166). С середины III тысячелетия до н.э. территория исторической Албании вовлекалась в тесные контакты Ближнего Востока, о чем свидетельствуют кинжалы переднеазиатского типа (7, с. 186-188). Наиболее интенсивный характер связей Кавказа, в том числе Азербайджана, со странами Передней Азии носит в эпоху поздней бронзы и раннего железа (24, с.65-82; 28, с.27-37). Интересно сообщение И.И.Мецанинова о тесных связях древнего Азербайджана с Египтом по данным «Книги Мертвых» (33, с.34-43). О связях Северного Азербайджана с Египтом могут свидетельствовать также два фаянсовых египетских амулета в форме глаза - «уджа», выявленных в результате археологических раскопок в Мингечауре в погребении VI в. до н.э. (37, с.21). Однако, если раньше эти связи носили непостоянный характер, то в эллинистическую эпоху эти культурно-экономические связи приобретают постоянный характер. Важным вопросом в определении этих контактов является определение торговых путей, которые проходили по территории Кавказской Албании и играли значительную роль в международных отношениях эллинистической эпохи.

О торговле каспийцев Клавдий Элиан писал: «Каспии ловят их (рыбу), посыпают солью и готовят соленые или сушат, затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатан» (Клавдий Элиан, ХУЛ, 32). Это свидетельствует как о тесных торговых связях населения Кавказской Албании со странами Передней Азии, так и о существовании хорошо отлаженного торгового пути вдоль каспийского побережья. Страбон также упоминает о караванном пути, шедшем вдоль западного побережья Каспийского моря: «(Живущие в северном Прикаспии аорсы)... везли караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен...» (Страбон XI, 5, 8). Страбон писал и о водном пути, соединявшем Среднюю Азию с Причерноморьем: «Через Гирканию протекают реки Ох и Оке до впадения в море. Из этих рек Ох течет также через Несею, но, по словам некоторых, Ох впадает в Оке. Аристул даже объявляет Оке самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла), и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; отсюда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующее затем местность доставляют в Бакинский Понт» (Страбон XI, 7, 3). Схожие сведения имеются и у Плиния: «Варрон прибавляет также,

что во время похода Помпея было исследовано, что из Индии можно в семь дней прийти в Бактрию к реке Бактру, впадающей в Оке, и с этой реки по Каспийскому морю проехать до реки Кира, и что индийские товары не более как в 5 дней могут быть доставлены сухим путем в Понт к Фасису» (Плиний VI, 52). Сообщения Страбона и Плиния, которые пользовались различными информаторами, что свидетельствует о верности этих данных, свидетельствуют о прохождении через территорию Кавказской Албании одной из важных торговых артерий эллинистического мира.

Однако В.Н.Тарн считал, что известия античных авторов мало достоверны, а путешествие по Оксу, сопряженное с трудностями, не имело большого значения (41, с.220). К.В.Тревер считала, что данные Страбона и Плиния являются всего лишь отголосками обсуждения о возможности такой перевозки, а не с фактом ее осуществления (42, с.44). По ее мнению, в IV-II вв. до н.э. Кавказская Албания находилась в стороне от основных центров международных торговых путей (42, с.61, 83). Я.А.Манандян считал, что основной артерией был не водный путь по Каспию, а сухопутный - через Экбатану и Атропатенский Ганзак, и что транзитная роль водного пути через Каспийское море сильно преувеличена (31, с.57-60). И.Бабаев, не отрицая возможность функционирования этого пути, считал, что им пользовались спорадически (11, с.23). Другие исследователи считают, что этот путь не только существовал, но и имел большое значение (30, с.377-383; 8, с.155; и др.).

Как нам кажется, существуют все основания считать, что данный путь функционировал на всем протяжении эллинистической эпохи. О том, что этот путь существовал в глубокой древности, могут свидетельствовать наскальные рисунки Гобустана, где на г. Беюкдаш (Верхняя терраса), на камне 29 изображена лодка с солнцем в носовой части. На корпусе этой лодки имеются схематичные изображения людей. Особый интерес представляет композиция, изображенная на камне 8 (Нижняя терраса), где выгравированы лодки, на борту люди, вооруженные луками. Эти наскальные изображения датируются сер. VII тыс. до н.э. и V тыс. до н.э. (23, с.147, 262). Тур Хейердал считал, что именно на таких лодках население древнего Азербайджана плавало по Каспийскому морю и даже по Волге (48, с.60-61). Не исключено, что об этом морском пути через Каспий было известно еще Геродоту, который сообщает, что ширина моря в самом широком месте составляет

восемь дней плавания на гребном судне (Геродот I, 203). Дополнением к сведениям Страбона и Плиния можно привести свидетельство китайской хроники Шицзи о том, что в Аньси (Парфия) «по реке Гуйшуй (Аму-Дарья) живут торговцы и кунцы, которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям - даже за несколько тысяч ли» (16, с.103).

Подтверждением тому, что еще задолго до упоминания в античных источниках функционирования транзитного пути по Каспию это море было освоено населением Кавказской Албании, можно найти в арамейских источниках. В них говорится о том, что в V в. до н.э. в Египте каспии выполняли роль кораблестроителей (32, с.74-76). Как отмечал И.Алиев, традиции кораблестроения у каспиев уходят своими корнями в древность, и будучи кораблестроителями, они наверняка были прекрасными мореплавателями (9, с.10). Естественно, что албаны, как и каспии, были знакомы как с кораблестроением, так и с мореплаванием. Интересно сообщение Страбона о наличии на территории Албании кораблестроительного леса (Страбон XI, 2, 15), что может свидетельствовать о широком распространении здесь кораблестроения.

О тесных связях народов Средней Азии с населением Кавказа говорится у Арриана: «... пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенами колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвкинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска» (Арриан IV, 15, 4). Возможно, здесь речь идет именно о пути по Каспию. Необходимо отметить и то, что данный путь являлся основной торговой магистралью на территории Средней Азии, а его функционирование было вызвано следствием объективной необходимости социально-экономического и культурного развития древнего населения этого региона (34, с.19). Подтверждением тесных связей территории Албании со Средней Азией могут служить обнаруженные при раскопках в Средней Азии (Торпаккала) пиалы, характерные для Южного Кавказа и Албании. Эта находка также доказывает существование торгового пути по Каспию (35, с.15). Во время археологических раскопок в Уфе также найдена стеклянная пиала закавказского типа, которая попала туда по Каспийско-Волжскому пути.

Важным свидетельством функционирования Каспийского пути являются греко-бактрийские монеты Диодота I и Евкратиды, обнаруженные в составе Кабалинского клада (13, с.18; 19, с.106-108). Интересно и то, что тетрадрахма Агафохла Бактрийского была обнаружена в Польше (29, с.215). Возможно, эта монета попала по данному торговому пути в Северное Причерноморье, а оттуда далее на север. Есть все основания полагать, что торговый путь из Средней Азии по Каспийскому морю, через Кавказскую Албанию и далее к побережью Черного моря, утрачивает свое прежнее значение к середине I в. до н.э. Об этом свидетельствуют сообщения Страбона, который почерпнул их у Феофана Мителенского: «Река Кир, протекающая через Албанию, и остальные реки, наполняющие ее, увеличивают плодородие земли, но зато отдалают ее от моря. Действительно, речные наносы, попадая туда в большом количестве засоряют проход... В самом деле, устья реки, говорят, делятся на 12 выходов: одни из них глухие, другие же вполне доступны прибою и лишены корабельных стоянок» (Страбон XI, 4, 2). Таким образом, античные источники, а также данные нумизматики свидетельствуют о функционировании этого пути с IV в. до н.э. по I в. до н.э. включительно. В этот период Кавказская Албания и в целом Южный Кавказ становятся "перекрестком цивилизаций", перекрестком интенсивных разносторонних и разнохарактерных связей Востока и Запада, Севера и Юга. Активизация международной торговли вдоль западного побережья Каспия стимулировала вовлечение местного, как равнинного, так и горного населения в международный товарообмен, появление и расширение местных рынков сбыта, новых поселений, способствовала формированию и развитию ранних городов, становившихся торговыми и ремесленными центрами.

Как отмечалось нами выше, еще Александр Македонский предпринимал попытку исследовать Каспийский бассейн. Возможно, что данный интерес был продиктован желанием установить отношения со скифами, жившими на реке Танаис (Курций Руф VII, 6, II). Однако смерть помешала ему осуществить задуманное (Арриан VII, 16, 2). Следующим, кто предпринял попытку исследовать Каспийское море, был Селевк Никатор (312-280 гг. до н.э.). Он задумал соединить посредством канала Каспийское море с Меотидой (26, с.126; 47, с.146). Для этого он поручил своему наварху Патроклу составить описание Каспийского бассейна. Селевкиды уделяли большое значение своим

эскадрам, действовавшим на Каспии (14, с.94). Эта экспедиция продолжалась между 285 и 282 гг. до н.э., отправившись в путешествие от устья Кызыл Узена (10, с.56). Идея прорытия канала между Каспийским морем и Меотидой вряд ли может быть принята. Патрокл намеревался привести в повиновение прибрежные южно-каспийские племена, навести порядок на одном из важных торговых путей из Индии в Малую Азию, который шел по впадающим в Каспийское море среднеазиатским рекам, а затем вдоль его южного побережья до устья рек Аракса и Куры, вдоль которых он продолжался через Кавказский хребет в Колхиду (26, с.126-128). Вероятнее всего, Каспийское море было им оследовано не далее Апшеронского полуострова. Об этом свидетельствует и перечень известных ему племен (Страбон XI, 8, 8), так и соотношение ширины и длины Каспийского моря, выраженное цифрами 5000 и 6000 стадий. Расположение к северу от Апшеронского полуострова и расширяющееся к западу море Патрокл вероятнее всего, принял за Северный океан (26, с.130). Официальное положение делало его описание авторитетным, и Каспийский «залив» был принят как доказанный факт, в результате чего в течение долгого времени искажалась вся карта Азии (43, с.192). Кроме Селевкидов, этим регионом интересовались и греки, сведения о присутствии которых в Кавказской Албании мы находим у античных авторов. Так, Страбон пишет о строительстве греками в области утиев укрепленного города: «...энианы же построили в области витиев укрепленный город, который называется Энианой; здесь показывают греческое оружие, медные сосуды и могилы...» и далее: «Передают также, что некоторая часть энианов поселилась в Витии...» (Страбон XI, 7, 1; XI, 14, 14). На рубеже нашей эры в погребениях Албании засвидетельствован обычай положения в рот или под голову покойника монетки. Этот обычай считается специфически греческим.

Яркой иллюстрацией культурно-экономических связей Кавказской Албании с эллинистическим миром может служить нумизматический материал. С IV в. до н.э. в денежном обращении Кавказской Албании широкое распространение получили монеты Александра Македонского. Начиная с III в. до н.э. в денежном обращении Кавказской Албании наряду с местной монетой появляются и Селевкидские в небольшом количестве, а со II в. до н.э. встречаются уже целыми группами. Так, в Кабалинском кладе представлены тетрадрахмы всех Селевкидских царей, правивших с 222 до 129 г. до н.э., т.е.

от Селевка II до Антиоха VII (8, с.161, прим.82). Обращает также на себя внимание и факт обнаружения на территории Кавказской Албании монет Вифинских царей, Никомеда II (149-91 гг. до н.э.) и Никомеда III (91-71 гг. до н.э.), а также Афинские тетрадрахмы (27, с.319). Наибольший интерес представляют собой монеты Антиоха IV Эпифана (22, с.95-99). Изучение монет эллинистического времени, найденных на территории Азербайджана, установление мест чеканки, позволяет говорить о том, что с середины II в. до н.э. приблизительно до 120 г. до н.э., происходит известная переориентация экономических связей Кавказской Албании. К действующему ранее торговому пути в Сирию добавляются путь в Месопотамию, а позднее - в Экбатану (40, с.20). С конца II в. до н.э. начинается экспансия парфянских культурных традиций в Албании, выражавшаяся в появлении в зоне Молансаклы погребений в керамических гробах (21, с.39), и непрерывном поступлении монет парфянских Аршакидов на территорию Южного Кавказа (20; с.75-76).

Важнейшим свидетельством культурно-экономических связей Кавказской Албании с эллинистическим миром является богатый археологический материал. Судя по обнаруженным в Кабале буллам, население Кавказской Албании имело тесные контакты с греческим миром. Сюжеты оттисков привозных греческих печатей на кабалинских буллах ничем не отличаются от сюжетов эллинистической глиптики (12, с.171), что свидетельствует о прочных культурных традициях с эллинистическим миром. Анализ же стеклянных сосудов, выявленных в результате археологических изысканий, дает возможность говорить, что они поступали главным образом из Сирии (44, с.30). Свидетельством тесных контактов с Египтом в эллинистическое время служат обнаруженные в Мингечауре в ранних кувшинных погребениях скоробеи (12, с.171). Найденные бусы из кораллов, стеклянные предметы, раковины каури, подтверждают импорт продукции производства Египта, Финикии, Индии (18, с.18). Культурные связи подтверждаются также и некоторыми общими чертами глиняных сосудов, статуэток, памятниками глиптики и торевтики (36, с.17). Особенно интенсивную торговлю Кавказская Албания вела с Боспором. Товары из Албании в Боспор и обратно шли по северной дороге, через Дербентский проход на Северный Кавказ (45, с.187).

Исследованиями доказано, что в изучаемое время Кавказская Албания вывозила сельскохозяйственные, рыбные продукты и не-

которые ремесленные изделия. Экспортным товаром можно считать вино и маслины, а также полудрагоценные камни и минералы (45, с.184-185).

Таким образом, с IV в. до н.э. по I в. до н.э. Кавказская Албания наряду с крупнейшими государствами Востока и Запада, участвовала в процессах общемирового характера. Внешнеэкономические связи Кавказской Албании с эллинистическим миром обогащали местную культуру, оказывая благоприятное влияние на все сферы жизни местного населения. Влияние эллинистического мира на основе археологических материалов прослеживается повсеместно: в строительном искусстве, широком употреблении печатей, денежном обращении, чеканке монет, производстве керамики, в том числе новых, характерных для античного мира глиняных сосудов.

Таким образом, следует отметить, что на протяжении всего эллинистического периода Кавказская Албания была равноправным участником международных отношений и выступала в качестве стратегического партнера и союзника крупных государств этой эпохи. Хотелось бы отметить, что стратегическое положение определяло роль и значение Кавказской Албании в системе геополитики рассматриваемого периода. Важные торговые пути, проходящие по ее территории, свидетельствуют об огромном значении этого региона в системе экономических взаимоотношений эллинистического времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Арриан. Поход Александра. М.-Л., 1962.
2. Геродот. История. Л., 1972.
3. Гай Плиний Секунд. Естественная история // ВДИ, 1949, №2.
4. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963.
5. Страбон. География. Л., 1964.
6. Клавдий Эллиан. О животных // ВДИ, 1948, 2.

Исследования

7. В.Г.Алиев. Культура эпохи средней бронзы Азербайджана. Баку, «Элм», 1991.
8. И.Г.Алиев. К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона // ВДИ, 1975, 3.
9. И.Г.Алиев. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989.
10. К.Г.Алиев. К вопросу о Каспии и Арале в античных источниках // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., Наука, 1980.
11. И.А.Бабаев. Великий Шелковый путь и Азербайджан // Великий Шелковый путь и Азербайджан: вчера, сегодня, завтра. Баку, 1998.
12. И.А.Бабаев. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. - III в. н.э. Баку, «Элм». 1990.
13. И.А.Бабаев, С.М.Казиев. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. НЭ, 1971, т.IX.
14. Э.Бикерман. Государство Селевкидов. М., 1985.
15. А.Г.Бокщанин. Парфия и Рим // Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. 4.1. М., 1960.
16. М.С.Гаджиев. Между Европой и Азией. Махачкала, 1997.
17. Б.Г.Гафуров, Д.И.Цибукидис. Александр Македонский и Восток. М., 1980.
18. Т.И.Голубкина. Материалы к истории албанских племен Кавказа по данным кувшинных погребений Азербайджана (II в. до н.э. - III в. н.э.): Автореф.дисс.канд.ист.наук. Тбилиси, 1962.
19. С.А.Дадашева. Греко-Бактрийские монеты, найденные на территории Кавказской Албании // Бактрийские древности. Л., 1976.
20. С.А.Дадашева. Клад Парфянских монет из Али-Байрамлинского района // Доклады АН АзССР, 1976, т.XXXII, №2.
21. С.А.Дадашева. К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании // Нумизматический сборник, посвященный памяти Д.Г.Капанадзе. Тбилиси, 1977.
22. С.А.Дадашева. Монеты Селевкидского царя Антиоха IV Эпифана, найденные в Азербайджане // ВДИ, 1972, №4.
23. И.Джафарзаде. Гобустан. Баку, 1973.

24. Г.Ф.Джафаров. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). Баку, 1984.
25. М.М.Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
26. Л.А.Ельницкий. Знания древних о северных странах. М., 1961.
27. С.М.Казиев, И.А.Бабаев. Раскопки древней Кабалы // АО, 1967, М., 1968.
28. К.Х.Кушнарева. Обмен и торговля в Закавказье в древности // КСИА, 1973, вып. 138.
29. Пьер Левек. Эллинистический мир. М., 1989.
30. О.Д.Лордкипанидзе. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. САН ГССР, 1957, т.ХЕХ, №3.
31. Я.А.Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. - XV в. н.э.) Ереван, 1954.
32. Р.С.Меликов. Каспии - воины и кораблестроители // Доклады АН Азерб.ССР, 1988, г. XLIV, №5.
33. И.И.Мещанинов. Египет и Кавказ. Отдельный оттиск из «Известий Общества Обследования и изучения Азербайджана». Баку, 1927.
34. Р.Р.Мукашева. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности // Древний Восток и Античный мир. М., 1972.
35. А.Б.Нуриев. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку, 1966.
36. Ф.Л.Османов. Материальная культура Кавказской Албании III в. до н.э. - III в. н.э.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку, 1968.
37. Б.Б.Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА, 1958, №1.
38. А.Б.Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950.
39. А.Б.Ранович. Эллинизм и его социально-экономические основы // ВИ, 1945, №2.
40. М.М.Расулова. Нумизматические находки как источник изучения связей Кавказской Албании с эллинистическим миром // Учен. Зал. АГУ, серия история и философия, 1971, №7.
41. В.Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
42. К.В.Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV до н.э. - VII в. н.э. М.-Л., 1959.

43. Дж.О.Томсон. История древней географии. М., 1953.
44. Дж.А.Халилов. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. - III в. н.э.): Автореф. дисс. докт. ист. наук. Баку, 1974.
45. Дж.А.Халилов. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. - III в. н.э.). Баку, "Элм", 1985.
46. Ф.Шахермайр. Александр Македонский. М., 1986.
47. А.С.Шофман. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
48. Thor Heyerdahl. The Azerbaijan Connection. Challenging Euro-Centric Theories of Migration // Azerbaijan International. 1995, №5.

XÜLASƏ

Z.Kanaçevın «Ellinizm dünyası və Qafqaz Albaniyası» adlı məqaləsində ellinizm dövründə Qafqaz Albaniyasının əhəmiyyətindən bəhs edilir. Makedoniyalı İskəndərin istilaları nəticəsində yaranmış siyasi quruluş şəhər-dövləti və monarxiyanı, yunan və Şərqi əlamətlərini birləşdirib, ellinizmin bünövrəsini qoymuşdur. Araşdırmalar Qafqaz Albaniyasının eramızdan əvvəl IV-I əsrlərdə Şərqi və Qərbi böyük dövlətləri ilə bərabər ümumdünya xarakterli proseslərdə iştirakını sübut edir.

Ellinizmin təsiri arxeoloji materialların əsasında, hər yerdə izlənir; tikinti sənətində, pul dövriyyəsində, saxsı qabların istehsalında və s. Qafqaz Albaniyası kənd təsərrüfatı, balıq məhsullarını və bəzi sənət məmulatlarını ixrac edirdi.

Ellinizm dövrü boyu Qafqaz Albaniyası beynəlxalq münasibətlərin bərabər hüquqlu iştirakçısı olmuşdur.

Onun ərazisindən keçən vacib ticarət yolları bu regionun böyük əhəmiyyətindən xəbər verir.

SUMMARY

Kananchev's article "Hellenistic world and Caucasian Albania" speaks about the significance of this country in the age of Hellenism. Aleksandr Macedonian's conquests formed a political system which joined state-city and monarchy, created Hellenism - combination of Greek and Oriental principles.

It is proven by the researchers that since IV cent. B.C. by I cent. B.C. Caucasian Albania equally with the biggest states of East and West took part in the processes of world importance. The influence of Hellenistic world is observed every where on the basis of archaeological materials: in the building art, in the money circulation and so on. Caucasian Albania exported agricultural, fish products and some handicraft make.

Important trade ways which lie through its territory were evidence of great significance of the region.

А. М. МАМЕДЛИ

Бакинский славянский университет

ЧЕРКЕСЫ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

О черкесах в русских источниках написано много, наверно, больше, чем о каком-либо другом кавказском народе. В русской литературе, овеянной романтическим кавказским ореолом, черкесы становятся символом Кавказа и Кавказцев. Черкесы в период завоевания Кавказа до конца сражались с захватчиками. Некоторые племена были стерты с лица земли. Например, убыхи. Некоторые, не сложив оружия, ушли в Турцию, или в арабские страны. История черкесов полна трагизма. Но этот трагизм, как ни парадоксально, не заставляет нас жалеть этих людей. В этом трагизме судьбы величие народа, ментальность которого не знала, что такое измена, слабодушие, трусость. История черкесов – это памятник страстному желанию погибнуть с оружием в руках.

В этой небольшой статье мы рассмотрим лишь один источник. Речь идет о знаменитой энциклопедии Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. Статья о черкесах помещена в 38-А Томе Словаря (С.-Петербург, 1903 год), мы имеем в виду 43-томное издание, в котором два последних тома являются дополнительными. Это так называемое издание полных томов. Как известно, существует также издание полуметров, в которое входит соответственно 86 томов.

С самого начала отметим, что, анализируя данную статью о черкесах, мы хотим обратить внимание на несоответствие истории взаимоотношений черкесов и русских характеру коннотации текста. Каза-

лось бы, история непримиримой борьбы русских и черкесов на протяжении долгих столетий обязательно должна была найти совершенно однозначное отражение в Энциклопедии. Коннотация текста, следовательно, должна была быть отрицательной. Однако чисто лингвистический анализ текста совершенно четко свидетельствует о положительной коннотации. Для сравнения можно вспомнить современный российский дискурс о чеченцах, носящий откровенно сниженный характер. Статья о черкесах из Словаря Брокгауза и Ефрона формирует в сознании читателя положительный образ не только этого народа, но и авторов Словаря, сумевших преодолеть шовинистические предрассудки и написать текст, проникнутый высоким пафосом.

К черкесам относили исторически различные племена, общность которых так и осталась недоказанной. Но три народа, кабардинцы, адыгейцы и собственно черкесы, считаются близкородственными вне всякого сомнения. Нам представляется, что это один народ, но поскольку в энциклопедических источниках им посвящены различные статьи, остается назвать их близкородственными. Так, в Советском энциклопедическом словаре читаем: «Адыгейцы (самоназв.- адыге), народ в Адыг. АО (86,4 т.ч.). Всего в СССР – 100 т.ч. (1979). Яз. адыгейский» (стр. 24); «Кабардинцы (самоназв. – адыге), народ в Каб.-Балк. АССР (304 т.ч.). Всего в СССР 322 т.ч. (1979). Яз. кабардино-черкесский» (стр. 517); «Черкесы (самоназв. – адыге), народ в Карачаево-Черкесской АО (34,4 т.ч.); всего в СССР 46 т.ч. (1979). Живут также в Турции и др. странах Передней Азии. Яз. кабардино-черкесский» (стр. 1480). Есть также статья на слово Адыги: «Адыги, общее название многочисленных в прошлом родственных племен Сев. Кавказа; в европейской и восточной литературе со времен средневековья называются черкесами. К А. принадлежат современные адыгейцы, кабардинцы и черкесы» (стр. 24).¹

Ясно, что речь идет об одном и том же народе, имеющем общее происхождение, один язык. Судя по приведенным статьям, разделение его на кабардинцев, адыгейцев и черкесов было искусственным. Возможно, оно преследовало политические цели.

Обращает на себя внимание начало статьи из Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Черкесы. – Этим именем обозначается группа

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

разноплеменных, но родственных по языку и культуре, западногорских народностей Кавказа, занимавших (до выселения своего из России) большую половину Кабардинской плоскости, значительную часть обоих склонов Кавказского хребта и вост. берег Черного моря, т.е. всю южную часть нынешней Кубанской обл. и зап. часть Терской Ч. делят на три большие группы: собственно Ч. или адыге, как они сами себя называют, кабардинцев и абхазцев (родственность языка последних с языком Ч. научно, впрочем, еще не установлена)» (38-А, с. 580).

Интересно, что здесь не упоминаются адыгейцы. С другой стороны, к черкесам относят и абхазцев.

Обращает на себя внимание и нейтральное с идеологической точки зрения указание на то, что черкесы были выселены из России. Ясно, что имеются в виду исконно черкесские земли, историческая родина черкесов, с которой они были изгнаны. Это подтверждается и самим автором статьи: «Ч. жили на Кавказе почти на тех же самых местах с древнейших времен: первые исторические сведения о них восходят к началу VI в. до Р.Хр.» (стр.580).

В Статье указывается также, что «В древности территория Ч., кроме зап. Кавказа, простиралась и на Крымский полуостров. Еще в 1502 г. они занимали весь вост. Берег Азовского моря до Босфора Киммерийского, откуда были вытеснены русскими и татарами» (с.580).

Мы не ставим своей задачей подробный лингвистический анализ всей Статьи. Поскольку речь о положительной коннотации, характерной для данного текста, то будут рассмотрены только те фрагменты, которые представляют эту коннотацию. Сведения об истории, быте, культуре, носящие нейтральный характер, не будут привлекаться к анализу.

«Их храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славилась, как красота и грация их мужчин и женщин» (с.580, 2-й ст.).

Предложение однозначно свидетельствует о том, что в сознании русского человека существовал образ черкеса как человека, обладающего как внутренней, так и внешней красотой. Говоря о внешности черкесов, авторы не ограничиваются указанием на их красоту, особо отмечается грация. Если исходить из того, что понятие «красота», будучи наиболее отвлеченным обозначением внешней привлека-

тельности, включает в себя все конкретные номинации, конкретизирующие эту отвлеченную характеристику, то упоминание грации на первый взгляд выглядит излишним. На самом же деле это слово выполняет серьезную эмотивную функцию. Сопровождая общее и отвлеченное характеризующее слово *красота*, слово *грация* выступает более экспрессивным; имплицитно представлена здесь информация о необычности этой грации, ее экстраординарности, являющейся причиной ее упоминания рядом с красотой, оказывающейся недостаточной в данном контексте.

Черкесы с древнейших времен прославились на весь мир своей незаурядной храбростью. Это знают все, этим никого не удивишь. Но в Энциклопедии говорится о великодушии как характернейшей национальной особенности черкесов. Обратим внимание еще раз на то, что только семь признаков обозначены в рассматриваемом предложении: храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство, красота, грация. Четыре признака, храбрость, рыцарство, великодушие, гостеприимство, могут быть отнесены к особенностям нравственного облика. Три признака, лихое наездничество, красота, грация, - к внешним.

Таким образом, великодушие оказывается одним из четырех характерных признаков нравственного облика черкесов. Что же такое великодушие? В Словаре Д.Н.Ушакова значение этого слова определяется следующим образом: «Великодушие. Свойство характера, выражающееся в бескорыстной уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства, в способности жертвовать своими интересами».¹

Необходимо отметить, что сами по себе такие особенности внутреннего мира, как бескорыстная уступчивость, снисходительность, способность жертвовать своими интересами и отсутствие злопамятства, прекрасно характеризуют человека, одновременно не являются чем-то необычным. Однако здесь совершенно необходимо учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, речь идет не об отдельных людях, а о национальных особенностях. Во-вторых, речь идет о воинственном народе, о горцах, о людях, которые ничего кроме войны не знали. Исключительным и совершенно необычным является сочетание воинственности, необычайной храбрости, строгого

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Том I. М.: Вече. Мир книги, 2001, с.120.

соблюдения законов кровной мести и снисходительности, отсутствия злопамятства, бескорыстной уступчивости.

Интересно, что на фоне такого качества, как великодушие не производят сильного впечатления храбрость и гостеприимство. Однако следует помнить, что черкесская храбрость это нечто незаурядное, это не совсем то, что обычно принято понимать под военной храбростью. В этой храбрости не было отчаяния, не было бесшабашности. Храбрость черкеса в его восприятии была обычным достоинством, именно в этом состоит необычность этого достоинства. Приведем только один пример из книги С.Броневского: «Смелые наездники в Кабарде приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоты оных. Сей отчаянный навык, подвергающий всякой раз жизнь седока вместе с лошадью видимой опасности, не редко спасает от опасности попасться в руки неприятеля при случае близкой погони».¹ Характерно также, что это написано в главе «Забавы». Смертельно опасная тренировка лошадей, ставящая под угрозу жизнь наездника, обычное дело.

Гостеприимство черкесов также было не совсем обычным. В этой области с ними могли сравниться разве что чеченцы, о которых П.Г.Бутков, выдающийся русский ученый и общественный деятель, писал, что «Гостеприимство наблюдается у них гораздо строже, чем у других кавказцев».²

Правда, есть и другое замечание относительно черкесского гостеприимства, принадлежащее великому А.С.Пушкину. В примечаниях к «Кавказскому пленнику» поэт пишет: «Черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священной особою. Предать его или не защищать почитается меж ними за величайшее бесчестие. Кунак (т.е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор».³ Таким образом, такое отличие черкесов от русских, как гостеприимство, Пушкин связывает с дикостью.

¹ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Москва, 1825, с.147.

² Из архивных материалов П.Г.Буткова. В кн.: Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб, 2001, с.10.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 4. Ленинград: Наука, 1977, с.105.

Надо сказать, что и такое качество национального характера, как рыцарство, в чем-то совпадая с великодушием, увеличивает экспрессию словарной статьи. Так, в Словаре Д.Н.Ушакова читаем: «Рыцарство...3.перен. Самоотверженность, великодушие, благородство в поступках».¹

Вот как описывается внешность черкесов в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Собственно Ч.-адиге стройны и широкоплечи. Их волосы, чаще всего темнорусые, обрамляют лицо с прекрасным овалом, с блестящими глазами, почти всегда темными. Их внешность дышит достоинством и внушает симпатию. Они с гордостью говорят: «sse adighe – я адиге» (Шантр)» (стр.581, 1-й ст.). Говоря о жилищах черкесов, автор Статьи отмечает, что «Каменные постройки редки и только на вершинах гор: воинственный черкес считал постыдным искать защиты за каменными оградами» (стр.581, 2-й ст.).

Таким образом, лингвистический анализ Статьи о черкесах из Словаря Брокгауза и Ефрона позволяет выделить следующие семы, структурирующие образ черкеса в русской ментальности: «отсутствие страха», «мужество», «решительность», «самоотверженность», «великодушие», «благородство», «бескорыстие», «уступчивость», «снисходительность», «отсутствие злопамятства», «жертвенность», «радушные», «любезность», «приветливость», «поражающий правильностью очертаний», «гармоничность», «симпатия», «одухотворенность», «изящество», «красота движений» и т.д.

Можно продолжить семантический анализ и дополнить характеристику черкесов, представленную в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Но нам представляется, что сказанного достаточно. Важно отметить, что тональность дискурса не соответствует предназначению энциклопедического источника. Описание в такого рода источниках должно быть нейтральным. В Энциклопедии оно оказывается стилистически возвышенным. Автор пишет, что черкесы вызывают симпатию, статья действительно написана с симпатией. При этом она объективна, отмечается, что черкесы жили на своих землях с древнейших времен и были изгнаны. Необычность статьи проявляется, таким образом, и в удивительном сочетании ее семантики и стилистики.

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Том 3. М.: Вече. Мир книги., 2001, с.127.

Статья о черкесах из Энциклопедии Брокгауза и Ефрона вполне может рассматриваться как фрагмент старорусского интеллигентского дискурса о Кавказе, для которого было характерно уважительное и, более того, трепетное отношение ко всему знаковому в поликультурном пространстве русского мира.

XÜLASƏ

Müəllif məhşur Brokqauz və Efron ensiklopediyasında çərkəzlər haqqında olan məqaləni təhlil edir. Çərkəzlərlə ruslar arasındakı çox-əsrlik qarşıdurmaya baxmayaraq, məqalə yüksək pafosla yazılmışdır. Müəllif bu ensiklopedik məqaləni inqilabdan əvvəlki rus ziyalı diskursunun parlaq bir nümunəsi kimi qəbul edir.

RESUME

Author analyses the article about the Circassians from famous encyclopaedia Brokgaуз and Efron. The article's pathos on the face of it contradicts centuries-old opposition of the Russians and the Circassians. Author affirms that the article is a striking specimen of stylistics of Russian pre-revolutionary intellectual discurs.

A. K. TINAYEVA

*Dağıstan Dövlət Universitetinin
Bakı filiali*

AVAR DİLİNİN LEKSİK TƏRKİBİ. AVAR DİLİ HAQQINDA ÜMUMİ MƏLUMAT (FORMALAŞMA TARİXİ VƏ ÖYRƏNİLMƏSİ)

Dağıstanda geniş yayılmış dillərdən biri də avar dilidir. O, Dağıstan dillər ailəsinin avar-andi-sez yarımqrupuna aiddir.

Avar dili əvəzinə bəzən «maqarul-мац» ifadəsi işlənir ki, bunun mənası avarca (meqver- «dağ»/ «dağlı dili» deməkdir.

Avar dili ifadəsini dərinlən anlamaq üçün digər qonşu xalqların bu dili tarixən necə adlandırmasına fikir verək. Gürcülər avar dilinə «xundzeri ера»/ yəni «xunz dili» - «xunzax əhlinin dili»/, laklar isə «yaru maz»/ «yaru» - yuxarı, «maz» - «dil»/adlandırırlar.

Laklar avarları «yarusa» adlandırırlar. Bunun da mənşəyi «avar» sözünün mənşəyi kimi «ər», «igid» mənalarını ifadə edir.

«Avar» sözünün mənşəyi ilə bağlı müxtəlif məlumatlar vardır.

Bir sıra şərq dillərində bu etnonim «naraxat, davakar» mənalarını bildirir. Dağıstan dillərini, folklorunu mükəmməl şəkildə tədqiq edən görkəmli rus alimi P.K.Uslar yazır: «Avar adı yerlilərin özləri üçün yadırdır, bu adı daha çox ruslar, daqinlər, kumıklar işlədirlər. Bu söz türk sözüdür, «naraxat», «davakar» mənalarını bildirir».¹

Digər bir mənbədə belə bir fərziyyə irəli sürülür ki, X əsrdə yaşamış İbn Rüştün məlumatına əsasən bu etnonim orta əsrlərin ilkin dövrlərində yaşamış dağlı Sərir (İrxan) padşahlığının çarı Avarın adı ilə bağlıdır.²

Avarların özlərini adlandırdıqları «maarula» sözünü tarixçi-alim S.Süleymanova «mağara» sözü ilə əlaqələndirir, mifologiyada da dağ-mağara obrazının eyniləşdiyini (məsələn, əfsanəvi Kaf dağı və s. («kəhf»- mağara və ya Meru – «mağara»- boğaz samiti düşə və ya «q» səsinə çevrilə bilər) göstərir.

1989-cu ilin siyahıya alınmasına görə, Dağıstanda sayca üstünlüyə malik olan avarların sayı 496,1 min nəfər, Türkiyədə 10 min nəfər, Azərbaycanada isə 44,1 min nəfərdir.

Həl-hazırda Dağıstanda avar ədəbi dilində qəzetlər, jurnallar, elmi və bədii ədəbiyyat çap olunur.

Avar ədəbi dili əsasən XVII-XIX əsrlərdə şimal dialektləri (burada xunzax dialekti nəzərdə tutulur) əsasında «bolmas» («bo»- avarca ordu, icma, xalq deməkdir, yiyəlik halda «bol», «bodul») formalaşır. Həmin dövrlərdə yazıb-yaradan şair-nəğməkarlar (Anxil Marin, Batlaicli Çanka, Kahabrosulu Mahmud, Eldarilav) bu ədəbi dili inkişaf etdirmişlər. Avar dilinin tədqiqinə hələ XVIII əsrdən başlanılmış, bu dil ilk əvvəl əcnəbi tədqiqatçılarının tədqiqat obyektinə çevrilmişdir.

Avar dili haqqında ilkin məlumatı Qərb alimlərindən İ.A.Qüldenşted (1745-1781) «Bütün dillərin və ləhcələrin müqayisəli lüğəti»ndə ver-

¹ П.К.Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. III Аварский язык. Тифлис. 1989.VII. стр.4.

² Агаларов М.А. К изучению аварских этнонимов // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала. 1989. стр.129-134.

mişdir, burada müəllif «ansux», «car», «xunzax dialektlərinin müqayisəli təhlilini vermişdir.

XIX əsrin başlanğıcında avar dilinin öyrənilməsi ilə İ.Klaprot, XIX əsrin sonunda isə R.Erkert öz əsərlərində avar dilinin müxtəlif dialektlərinin müqayisəli təhlilini vermişdir. Avar dili ilə bağlı bu tədqiqatlarda müəyyən səhvlərə yol verilmişdir, fonemlər, səsələr düzgün yazılmamışdır.

Avar dili ilə bağlı dəyərli tədqiqat işi Qərb alimlərindən Anton Şifnerə məxsusdur. Müəllif özünün «Avar dilinin öyrənilmə təcrübəsi» kitabında bu dilin fonetika, qrammatikası haqqında öçerki, mətnləri və müqayisəli lüğəti vermişdir.

Şifnerin bu tədqiqatını P.K.Uslar yüksək qiymətləndirmişdir. O, Şifnerə göndərdiyi məktubda yazır: «Sizin avar dili ilə bağlı təcrübənizdə mən heç bir səhvə rast gəlmədim, əksinə, bu təcrübənizi genişləndirmək lazımdır».¹

Avar dilinin öyrənilməsi ilə məşğul olan Qərb tədqiqatçı-alimlər arasında ingilis tədqiqatçısı Siril Qrexem xüsusilə diqqəti cəlb edir. O, Adolf Berjenin materialları əsasında işləmiş, ingilis-avarca lüğət tərtib etmişdir. Avar mətnlərini yazarkən müəllif ərəb əlifbasından və latın transkripsiyasından istifadə etmişdir.

Qərb tədqiqatçıların avar dili ilə bağlı təcrübələrini yüksək qiymətləndirmək lazımdır, çünki bu təcrübələr sonralar avar dilinin tədqiqi ilə dərindən məşğul olan digər tədqiqatçılar üçün bir mənbə oldu. Alman alimləri K.Bouda və İ.Bexert avar dilində sadə cümlə problemini, digər alman alimi E.Levi özünün «Avar dili xarakteristikası təcrübəsi» (1953) işini, çex alimi V.Çerni «Avar felinin sintaksis və morfologiyasını» (1971) tədqiq etməklə, fransız alimi C.Şarasidze «Türkiyə avarlarının danışıq»ını öyrənməklə (1981), ingilis linqvisti Saymon Krisp «Avar dilinin orfoqrafiya normaları» ilə məşğul olmaqla (1984), avar dilinin öyrənilmə təcrübəsini daha da genişləndirdilər.

Avar dilinin öyrənilməsində rus alimi P.K.Usların «Avar dili» monoqrafiyası mühüm əhəmiyyətə malikdir. Tədqiqatçı-alim avar dilini əsasən xunzax dialekti əsasında öyrənmişdir. O, bu bərdə yazır: «Mən xunzax dialekti ilə ona görə məşğul oldum ki, bu dialekti öyrənmək digərlərinə nisbətən asandır və bu dialektde danışan adamlar arasında rus, ərəb, kumık dillərini mükəmməl bilənlərə rast gəlinir».

Tədqiqatçı-alimin fikirləri ilə razılaşmaqla bərabər, onu da qeyd etmək istərdik ki, ədəbi dilin şimal (əsasən xunzax) dialektləri əsasında yaranmasının səbəbi təkcə bu dialektin asanlıqından irəli gəlmirdi, bu

¹ P.K.Uslar. Этнография Кавказа. Языкознание. IV Тифлис 1890.

həm də Xunzaxın Avaristanın mərkəzi olması və elm, təhsilin burada güclü inkişaf etməsi ilə bağlı idi.

Öz qrammatik öçerkində P.K.Uslar avar dilinin dialektlərinin müqayisəli təhlilini vermiş, şimal dialektlərinin (Xunzax), cənub dialektlərindən (andalal, ansux, batlux, zaqatala-Balakən və s.) fərqləndiyini göstərmişdir. «Ansux dialekti xunzax dialektindən fərqlənir, ansuxlu xunzaxlımı birbaşa başa düşmür. Bir neçə gündən onlar bir-birlərinə uyğunlaşırlar».

P.K.Usların bu fikrinə əsasən həmin dialektlərin misallarla necə fərqləndiyinə diqqət yetirək: **baş** sözü şimal dialektlərində (xunzax) **be-ter**, cənub (əsasən ansux d.) **bekler**, **tülkü** sözü şimal dialektində **uep**, ansux dialektində isə **ser** kimi işlənir.

P.K.Usların monoqrafiyasında müəyyən nöqsanlara rast gəlinə də, o, sovet dövründə avar qrammatikasını öyrənən avar, gürcü, rus alimləri üçün dəyərli bir mənbə oldu.

Bu gün avar dili ətraflı şəkildə öyrənilmiş, Dağıstanda bu dillə bağlı dəyərli tədqiqat əsərləri meydana çıxmışdır.

Q.İ.Madieval¹ fonetika, morfologiya və sintaksislə, Ş.İ. Mikailov² avar dilinin dialektologiyası, D.S.Səmədov³ avar dilində mürəkkəb cümlə, M.M.Mağamedxanov⁴ avar dilinin frazeologiyası, K.Ş.Mikailov⁵ avar dilinin morfologiyası, Q.K.Kaziyeva⁶ avar dilinin leksikası, X.Q.Mağamedov⁷ avar dilinin onomastikası, S.Z.Alixanov⁸ avar dilinin sözdüzəltmə üsulları ilə bağlı olaraq mükəmməl tədqiqat işləri ortaya çıxarmışlar.

Avar dilinin leksik tərkibi – alınma sözlər

Məlumdur ki, hər bir dil yalnız milli sözlərin hesabına deyil, həm də alınma sözlərin hesabına zənginləşir. Avar dili də müəyyən tarixi şəraitlə bağlı olaraq, ərəb-fars, türk, rus-avropa mənşəli sözlərin hesabına xeyli zənginləşmişdir.

¹ Мадиева Г.И. Аварский язык/Ч, II,III. Махачкала.1965/1967/1980/.

² Микайлов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. Махачкала, АНСССР, 1959.

³ Самедов Д.С.Сложное предложение в аварском языке в сопоставлении с русским. Махачкала.Афтореферат диссертации доктора филологических наук, 1996.

⁴ Магамедханов М.М.Очерки по фразеологии аварского языка. Махачкала, 1972.

⁵ Микайлов К.Ш.Русско-аварский терминологический словарь. Махачкала, 1991.

⁶ Казиев Г.К. Лексика аварского языка. Махачкала. Дагучнедгиз, 1969.

⁷ Магамедов Х.Г. Оронимы Юго-Западного Дагестана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

⁸ Алиханов С.З. Словообразование в аварском языке. Автореферат диссертации кандидата филологических наук. Махачкала, 1994.

Ərəb mənşəli sözlər

İslam dini Dağıstanda VII əsrdə qəbul olunsa da, ərəb dili, mədəniyyəti XI-XV əsrlərdə yayılmış, XVII-XIX əsrlərdə isə bu proses daha geniş vüsət almışdır. Avarların bir qismi Ərəbistanda təhsil almış, vətənə qayıtdıqdan sonra Dağıstanda dini məktəblər, mədrəsələr açmış, bu da avar dilinin leksikasının ərəb sözləri ilə zənginləşməsinə xeyli təsir göstərmişdir. Bu sözlərin əksəriyyəti dinlə, islamla, elm, təhsillə bağlı sözlərdir ki, artıq onlar avar dilində vətəndaşlıq hüququ qazanıblar: аллагъ (allah), aslu (əsas), maktab (məktəb), qvelmu (elmu) və s.

Fars mənşəli sözlər

Avar dilinin leksikasındakı fars mənşəli sözlər bu dilə əsasən türk dili vasitəsilə keçmişdir. Məsələn, çinari (çinar), pалугъан (pəhlivan) падишагъ (padşah), тушман (düşmən), шагъар (şəhər) və s.

Türk mənşəli sözlər

Avar dilinə türk mənşəli sözlər əsasən kumik dilindən keçmişdir, lakin Azərbaycan dilindən də avar dilinə keçən çoxlu sözlər vardır.¹ Məsələn, долма (dolma), бахча (bağça), буюрухъ (buyruq) və s.

Avar dilində türkiizmləri Dağıstan alimlərindən T.M.Aytberov, Q.M. Orazayev, M. Q.İsayev, N.S.Cidalave, S.Z. Əlixanov tədqiq etmişlər. T.M. Aytberov və Orazayev Q.M-R öz tədqiqatlarında belə bir qənaətə gəlirlər ki, avar türkiizmləri hələ XVII əsrdən öyrənilmişdir.²

N.S.Cidalav və S.Z.Əlixanovun tədqiqində avar dilindəki «-çi» sözdüzəldici elementinin genezisi verilmiş, bu şəkilçinin türk dilli sözlərlə birgə avar dilinə keçdiyi göstərilmişdir.³

«-çi» şəkilçisi türk dillərində olduğu kimi avar dilində də əsasən sənət, peşə, qohumluq bildirən sözlərdə işlənir: məsələn, илчи (elçi), къасабчи (qəssab), чакмачи (çəkməçi), гъалайчи (qalayıçı), тукенчи (satıcı) və s.

Bəzi ev əşyaları, musiqi və əmək alətləri (чахъма (çaxmaq), аргъан (qarmon), гъармахъ (qarmaq); paltar, бəзək əşyaları (явлухъ (yaılıq), башмакъ (başmaq), юргъан (yorg'an), башлихъ (başlıq); bitki

¹ Исаев М.Г. Азербайджанские заимствования в танадинском говоре аварского языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению Иберско-Кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, стр.178-182.

² Айтберов Т.М., Оразев М.-Р. Туркизмы в аварском языке XVII в. (По данным перечня имущества Кпачину Кихилей) // Тюркско-дагестанские языковые контакты. (Исследования и материалы) Махачкала, 1982, стр. 48-61.

³ Джидалаев Н.С., Алиханов С.З. Генезис аварского словообразовательного элемента -чи // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1985, стр. 43-53.

və heyvan adları (ябу (yabı), айгъир (ayğır), гъаплан (pələng), хъабакъ (qabaq); бəзи мүcərrədlik bildirən sözlər (хъулухъ (qulluq), гъалмагъир (qalmaqal), sifət və digər nitq hissələrini bildirən sözlər (янгъиз (yalqız), эркен (ab)(azad), гуч (ab) (güclü) və s. türk mənşəli sözlərdir.

Avar dilindəki бəзи fellər də türk mənşəlidir. Məsələn, бажаризе (bacarmaq), башлайизе (başlamaq), гочинизе (köçmək) və s.

Топонимика – Avar toponimikasının özünəməxsus xarakterik xüsusiyyətləri vardır. Bu xüsusiyyətlərdən biri də yer adlarının yerli hallarda işlənməsidir. **Бацлага, Гъарада, Гъонода, Гюбода** (lokativ seriya №1, пəyinсə harada yerləşdiyini göstərir, harada? sualıна cavab olur).

Гъагъкаль, Гъоцваль, Гъогъоль (lokativ II), Бакълухъ, Болгъихъ, Гъолохъ, Хунзахъ (lokativ III), Ахакъ, Байикъ, Бусукъ, Гъолокъ (lokativ IV), Гъулиб, Гъидиб, Кутлаб (lokativ V).

(Qeyd. Yerli hallar №1. Lok.№1 şəkilçi – да, лан²- уль, lok. №3-ухъ, lok.№4- укъ, lok.№4-уль (b) олуp).

Zakatala-Balakən ərazisində yerləşən Мицихъ (Matsex), Кутихъ (Katex) kənd adlarındakı **-ихъ** şəkilçisi yerli hallardan olan lok. №3-ün şəkilçisidir.

Zaqatala-Balakən toponimiyasının özünəməxsus xarakterik xüsusiyyətləri vardır. Burada yer adlarının bir çoxunda «Tala» sözünə rast gəlinir: Tala, xalatala, Çederovtala, Püştətala, Zakatala, Kortala və s.

«Tala» - sözünün avarca mənası «düzən, meşədə salınmış kənd» deməkdir. Bundan başqa «Tlalu» (daş yayla – «каменное плото» «qaya» sözü də buna yaxın mənanı ifadə edir.

Xalatala («xala(b)»-«uzun»), Чведеровтала (cheder (ab) – «енсиз») (Balakən r-nu)

Bəzi kənd adları müəyyən nəsilərin adları ilə bağlıdır. Paşan, Мақов, Kebeloba, (Лъебелоба), Охохдərə (Ахъахъдара) (Zaqatala r-nu) həmin nəslə mənsub ailələr tərəfindən salınmışdır. Bu kəndlərin bəziləri Dağıstandan gəlmələr tərəfindən salınmışdır. Məsələn: Çardaxlar (Dağ. Çardax k.), Muxax (Dağ. Rutul r-n) Dağıstandan gəlmələr tərəfindən salınmışdır. Къехъ (Balakən r-n). Dağıstanın Къахиб кəndindən gəlmələr tərəfindən salınmışdır.

Avar yaşayış məskənləri bu ərazidə Qafqaz dağlarının cənub ətəkləri boyunca qərbdən şərqə doğru düzülmüşdür. Balakən, Car, Zaqatala, Tala, Muxax, Çardaxlar.

XVII əsrin əvvəlindən isə avar yaşayış məskənləri Alazan sahilı boyu yayılır (Paşan, Мақов, Danaçı və s.). Bu yaşayış məskənləri yuxa-

rıda adlarını çəkdiyimiz (Tala, Muxax, Çardaxlar və s.) kəndlərin əhəlisinin ancaq yay aylarında təsərrüfatla əlaqədar yaşadıkları binələr olmuşdur. Bunu Danaçı sözündən (Danaçı-Tanaçı – avarca təyin olunmuş adam, yəni yay aylarında təsərrüfat işlərini aparmaq üçün təyin olunmuş adam) görmək olur. Digər mənəbdə isə bu söz «tinçi» («balaca» adam kimi göstərilir. (avarca tin(av)-«balaca», «çi»- adam, kişi deməkdir).

Bu ərazidə «katsi» (кваци) sözü ilə bağlı olan yer adları da vardır. Кіацилбіня («киацил» - «кечид», «ашырым», «бина» - «binə» sözümdəndir).

«Кіацикь» («кь»-körpü) (Balakən r-n)

Balakən rayonunda Qabaxçöl adlı avarlar yaşayan qəsəbə vardır. «Qabaqçöl» sözü ilə bağlı müxtəlif fərziyyələr vardır. Bəziləri bu sözü müxtəlif hissələrə parçalayaraq (məs: «кь» «бахъ»- avarca xəncər mənasında) onun mənasını izah etməyə çalışırlar. Bu sözü sadə anlamda başa düşmək lazımdır. Düzdür, bu ərazidə çox döyüşlər baş vermişdir, lakin nisbətən yeni ərazi, yaşayış məskəni bu cür izah etmək doğru olmazdı. Qabaxçöl – «qovax» - «çöl» - yəni qovaq ağaclarının çox olduğu yer deməkdir. «Çoli» sözü avarca çöl, kimsəsiz yer mənasını daşıyır. Avar dilində olan bəzi oronimlərdə onların xarici və ya digər əlamətlərində oxşarlıq müşahidə olunur.

Klirekab qoxl (hərfi tərcüməsi iki yüksəklikli təpə), Çlabtil nox (hərfi tərcüməsi «kükdürlü mağara»), «Кьили-meeler» (hərfi tərcüməsi yəhər-dağ), «Beqer şob» (hərfi tərcüməsi «iti silsilə») (Dağlıq respublika) «Tapaçoli» (Balakən r-nu. Deyilən ərazidə düzənlik bir yerdə təpə ucalır. Deyilənə görə, həmin təpə Nadir şahın əmri ilə qoşundakı hər bir əsgərin atdığı bir ovuc torpaq vasitəsilə yaranmışdır («Tapaçoli» - yəni təpəli çöl deməkdir).

Hidronimlər. Zaqatala-Balakən rayonları ərazisindəki çay, bulaq, su hövzələri adları öz leksik tərkiblərinə görə fərqlənir. Çleqer qlor («qara» - çleqer, «qlor» - «çay»), Kutiçlarab («ицц» - bulaq, купи çлази – eşələyib çıxarılan bulaq) Гьутурицц (гьутур-qotur, «ицц» - bulaq – xalq arasında bu bulaqdan qoturluğun dərmanı kimi istifadə olunur).

Antroponimika. Genetik cəhətdən qədim olan avar şəxs adları ümumi isimlərdən götürülmüşdür. Məsələn, Цебехъан (hərfi tərcüməsi başçı), Манарша (hərfi tərcüməsi bənövşə), Гьалбацц (hərfi tərcüməsi şir), Хьургьу (hərfi tərcüməsi qırğı), Тиавуц (hərfi tərcüməsi tovuz quşu) və s.

İslamaqədərki avar adları həm qədim avar, həm də alınma sözlərdən götürülmüşdür.

I. Əsil avar sözlərindən ibarət şəxs adları bunlardır.

a) semantikasından dildə hələ saxlanılan, mənşəyi təyin edilə bilən sözlər;

Məsələn: **Berav** («ber» - göz), Гьелун (qləy bəs olmaq, azərbaycan Bəsti adı kimi) və s.

b) bura həm də elə adlar daxildir ki, onların mənalari çətin izah olunur: Məsələn, Бекьар, Инкбар, Quldaq (kişi adları)

Qadın adları – Ваху, Zalmu, Манаху, Арайçu, Ватуç, Нуцалай, Ари, Шамадай və s.

İslamaqədərki avar adları Avaristanın cənubunda indi də işlənməkdədir: Гьоццо (hərfi tərcüməsi bal), Хьаху (hərfi tərcüməsi ağ) və s. Xunzaxda isə islamaqədərki dövrdə aşağıdakı adlar mövcud olub. Царалаб (цар-tülkü), Цварльики (цар-аь, льики-уахşı), Царберцин (шар-аğ, берцин gözəl) və s.

II. Əsasən ərəb və türk sözlərindən götürülmüş avar şəxs adları.

Ərəb dilindən götürülmüş adlar əsasən islam dini ilə bağlı adlardır.

Kişi adları: Muxlamad, Axlmad, Кьурбан, Кьадир, Majid, Murad, Muxtar, Xlasan, Xlaji, Гьабдуллагь, Гьабдулмажид, Qlumar, Qlali, Rasul və s.

Qadın adları: Патимат, Асият, Сагладат, Салихат, Салимат, Зулпат, Аминат, Раисат, Загьидат və s.

Türk dillərindən avar dilinə aşağıdakı şəxs adları keçmişdir: Бика, Пари, Бахтика, Аймесид, Темирбулат, Жанбулат, Асланхан, Мирза, Байхан və s.

Elə adlara da rast gəlinir ki, onlar gürcü və rus mənşəlidir. Клушк-ламли (Konstantin), Гьидури (Fedor), Мамия, Тамари, Ивани, Мантам və s.

İslam dini ilə birgə bibliyadakı şəxs adları da avar dilinə keçmişdir: Nuxl (Nuh), Ибрагьим, Исхиакь (İsa), Ягькьуб (Yaqub), Юсуп (Yusif), Даниел, Жабраил, Ильяс və s.

Ərəb mənşəli adlar içərisində fonetik cəhətdən uyğunlaşmış adlar da vardır (məsələn, Muxlu, Maxlam və s. adlar ərəb adı olan Məhəmməd adına uyğunlaşdırılıb, avar dilində bu adın 100-ə yaxın variantı vardır. Fatimə adının variantları çoxdur: Fatma, Fatimə, Patimat, Pitli, Patli, Patlaç, Pitlint və s. Əhməd adının da bir neçə variantı vardır: Axlmad, Axlama, Axlmadov.

Axlmadov adındakı – ov şəkilçisi heç də fəmiya bildirmir. (Bəzən Əhmədov, Насигов yazılанда fəmiya kimi başa düşülür, məsələn,

Süleymanova Fatimə Əhmədov qızı, yaxud Heybullah Hacıyov oğlu Herayev və s.)

Avar adlarının bəziləri sifətlərə, sifətdüzəldən – av şəkilçi artırmaqla yaranır. – av şəkilçisi avar dilində ad, nəsil, mənsubiyyət bildirən xüsusi isimlərə əlavə olunur. Axlmad+av.

Sifətlərə sifətdüzəldən –av şəkilçisi əlavə olunaraq yaranan şəxs adları öz leksik tərkibinə görə maraqlıdır: məsələn: Љикл-ав («љикл») – yaxşı Av – burada kişi cinsini göstərir) Хялильай (Хялим – sakit. ай burada qadın cinsini göstərir) Тин – ай («Тин» - «balaca» deməkdir).

Rəng bildirən sifətlərdən yaranan şəxs adlarına həm Zaqatala-Balakəndə, həm də Dağıstanda geniş yayılmışdır.

«Чегер(аб)»- («qara») – Çегер-av; Вақар(аб) – («qırmızı») – «Вақар-av»; Маçı(аб) (sarı) – Маçbab; «Хчaxл(аб)» (ağ) – Хчaxbab kimi kişi adlarına Чегерай, маçай kimi qadın adlarına rast gəlinir.

Mürəkkəb tərkibli avar adları içərisində bir tərəfi avar, bir tərəfi alınma sözlərdən ibarət adlara rast gəlinir. Məsələn, Пари-Меседо, Аймеседо («пари» - «ay») – türk sözləridir, «mesedo» - avarca «qızıl» deməkdir.

Avar fəmiliaları əsasən - ob(yev), -ova(-yeva) rus şəkilçisinin köməyiylə düzəlir.

Bu fəmilialar əsasən nəsilə, köklə bağlı (məsələn: Herayev – «Xleral» - nəsil, hərfi tərcüməsi «qoca» deməkdir), yaxud babaların adları ilə bağlı olur. (məsələn: Maqamedov və s.)

Klassik avar şairləri fəmiya olaraq doğulduqları kənd adlarından istifadə etmişlər. Məsələn: Хъахябросульа Махимуд («хъахяб»-аь, «росу»- «kənd» - Ağkəndli Mahmud) Цядаса Хямзат («Цяда» kənd adı –ca şəkilçidir, Sadalı Hənzət) və s.

РЕЗЮМЕ

В статье «Лексический состав аварского языка» были затронуты следующие вопросы: аварский язык отличается своими сложными грамматическими особенностями.

Аварский язык относится к иберо-кавказской языковой группе. Исследование аварского языка было начато в XVIII веке. Тогда же и в последующие века изучение аварского языка привлекло пристальное внимание иностранных исследователей. Велики заслуги в этой области П.К.Услара, А.Шифнера, Клапрота и др. В последнее время

исследованием аварского языка занимаются такие аварские ученые, как Мадиева, Хангеров, Б.Атаев и др. Другой вопрос, затронутый в статье – топонимика в аварском языке. Здесь наблюдаются характерные особенности, т.е. употребление названия мест в местном значении. Название отвечает на вопрос – где? Очень богата антропонимика в аварском языке. Встречаются арабские, местные аварские, русские и европейские имена.

SUMMARY

In the article “Lexical structure of the Avarian language” was touched upon following problems. The Avarian language is notable for its complex grammatical features. The language refers to Iberian-Caucasian language group. The research of the Avarian language began in the 18th cent. In that time and afterwards the research attracted the intent attention of foreign scientists. P.K.Uslar, A.Shitner, Klaprot and others have performed great services in this area. Lately Avarian scientists Madiyeva, Khangerov, Atayev and others study the language. Another question opened in the article is the toponymy in the Avarian. The characteristic feature is shown, that is to say use of names of places in local meaning. Names of places answer for the question “where”. Anthroponymy is very rich in the Avarian. There’re a lot of Arabian, local Avarian, Russian and European names.

В. С. ХИДИРОВ

Бакинский славянский университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ИМЕННЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВАХ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопросы словообразования имен существительных в крызском языке ранее рассмотрены не были. Особый интерес представляет изучение проблемы, связанной со словообразованием, и ее непосредственное отношение к категории грамматических классов. Не ста-

вился вопрос о взаимоотношении способов словообразования имен существительных и категории грамматических классов.

Для освещения общих вопросов структуры дагестанских языков определенным интерес представляет изучение взаимосвязей словообразования имен существительных и категории грамматических классов. Такой подход объясняется и способами образования имен существительных и всеохватывающим характером категории грамматических классов в системе частей речи. Значительное место в структуре кумыкского языка занимают классные показатели в системе парадигм глагольного словообразования. В отличие от словообразования имен существительных в глагольной парадигме, помимо классных *показателей*, выступают также глагольные *превербы*. В кумыкском языке в односложных словах в глагольной парадигме как словообразующие элементы выступают либо классные показатели, либо глагольные превербы.

Что касается двусложных и слов с тремя слогами в системе глагольного словообразования или же одновременное функционирование в них превербов и классных показателей, то в таких случаях значительное место занимают в словообразовании отрицательная и запретительная частицы *д-*, *м-*. Например: существительные: *д-ар* (I кл.), *даб* (II кл.), *д-аьд* (IV кл.) «нет его», «нет её», «нет вещи»; *лып* «скажи» - *муьу* «не говори», *в-аьт* «дай» - *муциу* «не отдавай».

То, что категория грамматических классов исчезла из числа основных грамматических категорий лезгинского глагола, в целом свидетельствует об отсутствии этой категории не только в лезгинском, но и в агульском и удинском языках. Это подтверждается реликтами классно-личных спряжений.

Рассматривая превербы как особое средство развития глагольных парадигм, следует дать их функциональную и структурную характеристику. Это в известной степени даст глубокое представление о развитии семантики, функциональной значимости и структурных особенностей кумыкского глагола в частности.

Почти во всех дагестанских языках глагольные превербы в основном употребляются в локальном значении. Они указывают на движение предмета в определенном направлении (приближение, удаление по плоскости, по подъему и т.д.) и на нахождение предмета в горизонтальном или вертикальном положении. Помимо этого, глагольные превербы указывают на нахождение одного предмета внутри или вне другого.

В зависимости от специфики языка и современного состояния грамматического строя функциональная направленность глагольных превербов охватывает разные аспекты в сфере их структурных соотношений.

Например, в кумыкском языке продуктивно употребляются глагольные превербы, обозначающие повеление, просьбу или приказание.

Таким образом, в кумыкском языке, как во многих дагестанских языках, в настоящее время функционируют четыре семантически обособленно выраженных разряда глагольных превербов. Так, в кумыкском языке существует префикс *с*, который употребляется только в повелительном наклонении. Он выступает в составе большого количества *основ*. *Саьхь* "будь", *саькь* "умри", *саьшил* "вяжи" и т.д. Такое явление – падение преверба "с" в системе парадигм глагольного словообразования в других дагестанских языках отсутствует.

Определение типов взаимоотношений между глагольными основами зависит от того, представлен ли глагол только классным показателем, или глагольным превербом, или же одновременно обоими типами грамматических компонентов.

а) Основы с префиксальными классными показателями:

-иш (I класс) *в-иш* (II класс) "плачь"

-аьт (I класс) *в-аьт* (II класс) "бей"

-аьз (I класс) *в-аьз* (II класс) "дои"

б) *кьит* "положи на ..."/ основы с глагольными превербами:

гяьт "положи в ..."/ кьи-гяь-

в) Основы с глагольными превербами и классными показателями:

IV класс III класс

кьаь-й-цӀ *кьаь-в-цӀ* "высыпать"

гяь-й-цӀ *гяь-в-цӀ* "всыпать"

г) Основы с окаменелыми и утратившимися классными показателями.

ваьтух "отдай", *ваьпаьр* "подмети" и т.д.

Для полной характеристики процесса развития и образования аналогичных типов производных основ крайне необходимо разработать особую схему, отражающую их типологическое тождество на богатом фактическом материале дагестанских языков. Благодаря наличию фактического материала данная работа приобретет должное содержание.

Крызский	хиналугский	лезгинский	табасаранский	лакский
Вуч	<i>-хав</i>	<i>вач</i> "иди"	<i>аг</i> "найди"	<i>чан</i> "идти" (бачин)
Лып	<i>чик</i>	<i>лагь</i>	<i>лип</i> "скажи"	
Йер	<i>куй</i>	<i>ая</i>	<i>-ин</i> (ап-ин)	<i>бан</i> "делай"
Ваьт	<i>таь</i>	<i>цечча</i>	<i>булун</i> "дай"	
Тугь	<i>чкар</i>	<i>твах</i>	<i>зь-а</i>	<i>букьан</i> "не-си"
Къет	<i>йети</i>	<i>яги</i>	<i>бищ</i> "бей"	

Почти от всех приведенных выше глагольных основ производные формы образуются супплетивно.

В крызском языке инфинитив и недавнопрошедшее время от глагола *вуч* "иди" образуются следующим путем:

Повелительное наклонение *вуч* "иди" → *ихьидж* "идти" → *ихь-джи* "пошел". Таким же путем образуются производные формы от лезгинского *вач* "иди" → *фин*, "идти" *фена* "пошел" или *физава* "пойдет". Такова судьба и хиналугского *хав* "иди". Настоящее и будущее время от глагола *хав* "иди" образуются следующим образом: *хав ккватмаь* "идет", *квайтмаь*, *ккуидаьмаь* "пойдет".

Супплетивная форма является одним из продуктивных способов словообразования и словоизменения в системе простых глагольных основ всех дагестанских языков.

Что касается *производных* основ, то они образуются при помощи классных показателей, превербов и прочих частиц, которые либо предшествуют корневому элементу, либо же следуют за корнем.

При образовании производных основ в системе аффиксальных элементов особую роль играют глагольные превербы

В дагестанских языках превербы занимают особое место в системе основообразующих элементов. Система превербов в дагестанских языках развита не в одинаковой степени. Для сравнительной характеристики представленных в них превербов в качестве отправной точки используем превербы крызского языка, в котором система превербов относительно развита.

В крызском и будухском языках имеются почти одинаковые превербы, выражающие направительные и пространственные отношения.

Наиболее регулярные функциональные соответствия превербов обнаруживаются в крызском, будухском и рутульском языках.

Лексико-грамматическое значение превербов можно определить **двумя** путями.

С одной стороны, каждый преверб, сочетаясь с разными глагольными корнями, образует регулярный оппозиционный ряд, который позволяет типологически выделить систему развития значений данного разряда превербов.

Другой тип производных основ образуется от корня слова при помощи глагольных превербов и классных показателей. Как обычно, в производных основах сначала выступают превербы, за превербами следуют классные показатели, а затем моноконсонантный корень, который предшествует показателю соответствующей формы.

I класс	<i>гавь-р-гьул</i>	"загоняй во внутрь"
II и III класс	<i>гавь-б-гьул</i>	"_ "_ "_ "_"
IV класс	<i>гавьд-гьул</i>	"проглотит застрявший в горле кусок чего-либо"
IV класс	<i>гавь-дж-гьул</i>	"загоняй цыплят (во внутрь)"

Соответственно:

<i>кьа</i> -(-р,-б,-д,-дж) – <i>гьул</i>	"выкопай"
<i>чаь</i> -(-р,-б,-д,-дж) – <i>гьул</i>	"закопай"
<i>каь</i> -(-р,-б,-д,-дж) – <i>гьул</i>	"подкопай"
<i>саь</i> -(-р,-б,-д,-дж) – <i>гьул</i>	"раскопай"

В производных формах глагольные превербы могут отсутствовать, а классные показатели во всех случаях сохраняются. Они могут выступать и в начале глагольной формы. Например, в форме настоящего времени – "видит".

Единственное число

I класс	<i>ир-хьи-ри</i>
II, III классы	<i>ип-хьи-ру-в</i>
IV класс	<i>ит-хьи-ри</i>

Множественное число

<i>би-р-хьи-ри-б</i>	"их видят". Глагол переходный
<i>би- шаь-ри-б</i>	"они плачут". Глагол непереходный
а) глаголы	
<i>кьи-т</i>	"положи на"

ки-т "положи под ..."
чи-т "положи (во что-нибудь в массу)"
гиаб-т "положи (во что-нибудь)".

Здесь как словообразующие элементы выступают глагольные превербы **кьи-, чи-, гиаб-, ки-**

б) **кьи-м-абсу** / выступают глагольные/
ки-м-абсу / превербы и / не положи
чи-м-абсу / запретительная /
гиаб-м-абсу / частица **-м-** /

в) **кьи-й-абдж** "положить на ..." I класс
кьи-в-абдж "___" "___" "___" II класс
кьи-т-ух "___" "___" "___" IV класс

ки-й-абдж "___" "___" "___" под ..." I класс
ки-в-абдж "___" "___" "___" II класс
ки-т-ух "___" "___" "___" IV класс

чи-й-абдж "___" "___" "___" в массу" I класс
чи-в-абдж "___" "___" "___" в массу" II класс
чи-т-ух "___" "___" "___" IV класс

гиаб-й-абдж "___" "___" "___" в пустую тару I класс
гиаб-в-абдж "___" "___" "___" II класс
гиаб-т-ух "___" "___" "___" IV класс

Здесь же одновременно выступают в качестве словообразующих элементов превербы **кьи-, ки-, чи-, гиаб-** и классные показатели **-й-**, (I класс), **-в-** (II класс), **-т-** (IV класс). В глаголах: **-аьт** (I класс), **в-аьт** (II класс) "бей его", "бей ее"; **-иш** (I класс), **в-иш** (II класс) "заплачь" (он), "заплачь" (она) корреляция образуется за счет живого префиксального показателя II класса **-в-** и нулевого классного префикса **(-)** I класса.

В глагольном словообразовании запретительная частица **"м"** и отрицательная частица **"д"** могут выступать и в начале и в середине глагольной словоформы.

Крызский	будухский	рутульский	
Къаь-хь-р-аьс	къаь-шхь-ара-ви	лаь-ру-ус	"идти снизу"
Къаь-чи-ис	къа-чи-и	лаь-чи-ус	"выйти"
Къа-р-ф-ыс	къа-ра-хь-ор	лаь-йа-хь-ус	"бежать снизу"
Къу-з-раьс	къу-р-з-ур	ли-з-ус	"встать"
Гиаьхь-р-аьс	гиаь-шхь-ара-ви	саь-руь-ус	"идти снизу"
Гиаь-чи-ис	гиаь-чи-и	саь-чи-ус	"входить"
Ги-р-ф-ыс	га-ра-хь-ор	саь-йа-хь-ус	"бежать сверху"

С другой стороны, сочетание разных превербов с одним и тем же корнем также образует оппозиционный ряд, позволяющий уточнить систему их значения:

Крызский	будухский	рутульский	
Къу-х-ус	къа-л-п-и	лаь-ас	"налить"
Къиь-й-ис	къо-с-и	ли-хь-ас	"положить на..."
Ги-х-ус	га-л-т-у	саь-ас	"вливать в..."
Ги-й-ис	га-с-у	си-хь-ас	"положить в..."

Кроме того, если в крызском и будухском языках частотность выражения направительных, пространственных отношений одинакова, то в рутульском языке пространственные превербы имеют заметное преобладание. Почти все пространственные превербы рутульского языка функционально соответствуют аналогичным превербам крызского и будухского языков.

Отметим, что наличие окаменелых классных показателей во многих приводимых ниже именах в дагестанских языках, а также общность соответствующих им лексем отмечены многими исследователями (П.К.Услар, Н.Трубецкой, Арнольд Чикобава, Варлам Топуриа, Анатолий Алексеевич Бокарев, Евгений Алексеевич Бокарев, М.М.Гаджиев, Ш.И.Микаилов, Е.Гудава, А.А.Магомедов, И.И.Церцвадзе, У.А.Мейланова, Б.Б.Талибов, М.Е.Алексеев и др.). В подтверждение высказанных выше рассуждений имеется обширная сравнительная таблица, указывающая на общность происхождения дагестанских языков (1, 63).

«Лак-**б-ак** "голова", "вершина", "начало" во многих дагестанских языках соответствующие этому слову лексемы представлены без начального классного элемента, ср. лезг.-**кьыл**, крыз.-**кьыл**, будух.-**къаьл**, рут.-**кьул**, агул.-**кьыл**, в других же языках имеет префикс-

сальный классный элемент в окаменевшем виде, ср. авар. *б-етер*, хиналуг. *м-икер*, цахур. *в-укьул* и т.д.

Лак. *б-аргъ* "солнце", ср. авар. *б-акъ*, дарг. *б-ерхи*, лезг. *р-агъ*, табас. *р-игъ*, агул. *р-агъ*, цахур. *вирагъ*, рут. *в-ирегъ*, арч. *б-архъ*, крыз. *в-ирагъ*, будух. *в-ирагъ*, удин. *б-егъ*, дидой. *б-ухъ*, бежет. *б-охъ*, чечен. *м-алх*.

Лак. *б-арз* "луна", ср. авар. *м-оцици*, дарг. *б-адз*, лезг. *в-арз*, табас. *в-аз*, арч. *б-ацц*, рут. *в-аз*, цахур. *в-аз*, крыз. *в-абз*, будух. *в-абз*, дидой. *б-уци*, бежет. *б-оцо*, чечен. *б-утт*, адыг. *м-азе*, абазин. *м-зы*.

Лак. *б-уш* "девушка", ср. авар. *й-ас*, дарг. *р-урси*, андий. *йа-ши*, батлих. *й-еши*, багвалин. *й-аши*, чамалин. *йагъ*, лезг. *р-уш*, крыз. *р-иш*, будух. *р-иж*, хиналуг. *р-иши*, бацбий. *й-охъ*, чечен. *й-оъ*, ингуш. *й-оъ*.

Лак. *м-аз* "язык", ср. авар. *м-ацци*, дарг. *м-едз*, андий. *мици*, батлих. *м-ицици*, багвалин. *м-ицици*, дидой. *м-еци*, лезг. *м-ез*, агул. *м-ез*, крыз. *м-ез*, будух. *м-ез*, рутул. *м-из*, абазин. *б-зы* и т.д. (2, 55).

Кроме представленных здесь структурных типов глагольных основ имеются и основы, в составе которых обнаруживаются застывшие классные показатели, а также и основы с двумя однородными или разнородными фактически действующими классными показателями. Для изучения столь большого количества возможных типов взаимоотношений мы привлекаем дополнительный материал из диалектов крызского языка. Диалектные данные подтверждают наши выводы о продуктивности тех или иных типов взаимоотношений.

Определяя морфологический тип крызского языка, следует отметить, что грамматическое значение аффиксов и способы их слияния с корнями заслуживают особого внимания. Соединение аффиксов с корнями зависит в известной мере от их семантической и функциональной однородности. Например, с группой глагольных корней, выражающих движение, имеющих в своем составе согласные *цц*, *гг*, *тт*, *тт*, *чч*, сочетаются превербы *кь*, *гь*, *чь*, *йь*: *кьабьци*, *чьбьци* и т.д.

Особо выделяются глагольные основы восходящие к разным частям речи. В процессе дальнейшей трансформации составляющие их компоненты, прежде всего классные показатели, либо окаменевают, либо же утрачиваются.

Так, например, в лакском языке:

«*Б-ахчу* "помеха", "препятствие" восходит к классному глаголу *б-ахчин*, *д-ахчин* "споткнуться", "зацепиться"; *б-ахчу* "колдовство"; образовано от классного глагола *б-ахчин*, *д-ахчин* "связать", "привязать", "прикрепить"; *б-и-в-кчу* "смерть"; восходит к классному глаго-

лу *б-и-в-чан*, *ди-р-чан*, *ив-чан* "умереть", "убить".

Д-ву "работа" масдарная форма от классного глагола *д-ан*, *б-ан* "сделать".

Д-акру "кривизна" образовано от классного глагола *д-аккан* "искривиться".

Д-укра "еда" образовано от классного глагола *д-укан*, *б-укан* "есть", "кушать" и т.д. (3, 56).

В качестве окаменелых классных показателей в непроизводных именах в дагестанских языках встречаются префиксы *д*, *р*, *т*, *н*, *л*, а в ряде случаев и *б*. Все они в основах этих имен выступали в качестве показателей класса вещей. В литературе отмечалось, что фонетические изменения в окаменевших показателях (и процессы их утери) происходят легче, нежели в действующих, т.е. в тех случаях, когда эти показатели оторваны от своих прежних функций и значений.

"Эти показатели сохранились в большинстве дагестанских языков с более насыщенными типами значений в системе тематических глаголов.

Так же и показатели грамматических классов в дагестанских языках имеют много общего. Так, например, первый (мужской) класс почти во всех дагестанских языках обозначается нулевым показателем (например, в крызском языке — *иш* "заплачь" (он), *в-иш* "заплачь" (она). Общим показателем для дагестанских языков является также *б*; дополнительного изучения требуют показатели *й*, *р*, *д*, часто чередующиеся друг с другом" (4, 27).

Наконец, следует указать на то, что и глагольные категории в дагестанских языках часто обозначаются одними и теми же показателями. Так, например, прошедшее время часто обозначается показателями *на/ни* и *ра/ри*. Однако сравнительно-историческое изучение грамматического строя дагестанских языков в целом делает еще первые шаги.

"Таким образом, сравнительно-исторический метод дает нам возможность реконструировать с большей или меньшей точностью исходное состояние родственных языков, тот праязык, или язык-основу, который в результате исторического развития дал начало всей группе родственных языков" (5, 28).

Запретительная частица "м" используется только во II лице единственного и множественного числа.

Вав-т "отдай", *м-уцу* "не давай"

Лы-п "скажи", *м-уъу* "не говори"

-иш "плачь", *м-ишаь* "не плачь"

Примеры с отрицательной частицей:

I класс *да-р* "не есть его" т.е. "не находится он"

II класс *да-б* "не есть ее" т.е. "не находится она"

III класс *дав-д* "не есть вещи" т.е. "не находится вещь"

Здесь исторически корневой элемент, десемантизируясь, полностью утерян. Это свидетельствует о его сохранении в других дагестанских языках.

Например, лезгинский *а-в-ач* "нету..."

Так или иначе приходится признать, что простые основы состоят из моноконсонантных корней с предшествующим или последующим гласным типа крызского *авт* "бей", *иш* "плачь", *ух* "говори".

Простыми основами считаются также односложные корни, состоящие из согласного + гласный + согласный (*с+а+с*) типа: *вуч* "иди", *тузь* "отнеси", *лып* "говори" и т.д.

Это особенно ярко отражается при рассмотрении классно-личного спряжения вспомогательного глагола даргинского языка. Вопрос о дифференциации вспомогательных глаголов в системе диалектных разграничений в общелингвистическом плане заслуживает особого внимания. Как нам кажется, наряду с вспомогательными глаголами служебные слова в целом (предлоги, составные союзы, послелог и даже местоимения) должны были быть рассмотрены, функционально изучены именно в общелингвистическом аспекте.

Как известно, именно этот лексико-семантический разряд слов, более интенсивно модифицируясь, трансформируется из одного класса слов в другой и в дальнейшем, десемантизируясь, развивает либо глагольные аффиксы, либо же образует падежные окончания.

Одним словом, по нашему мнению, в формировании и развитии грамматического строя любого языка рассмотренный разряд слов занимает особое место и хронологически дает ясное представление об особенностях процесса развития грамматикализации и десемантизации компонентов непосредственно составляющих разных типов дистрибуций элементов.

Нам хотелось бы выразить свое отношение к вопросу трансформации вспомогательных глаголов и служебных слов, которые в дальнейшем так или иначе постепенно переходят в компоненты (аф-

фиксы или другие составные средства), развивающие грамматический строй в целом, и в результате преобразовываются либо в аналитическую форму, либо в синтетическую. Самым главным является то, что этот процесс касается всех языков без исключения.

Углубляясь в эволюцию, порождающую разные типы отношений в системе парадигматических оппозиций, крайне важно выявить типы основ, к которым присоединяются эти образовавшиеся ранее грамматические элементы. По нашему мнению, такой основой чаще всего является либо причастие, либо деепричастие, затем именные и глагольные основы.

Характеризуя процесс фонетических изменений и полной утраты лексического значения связки и других вспомогательных глаголов, профессор Ю.Д.Дешериев пишет: "В составном сказуемом глагольная связка остается самостоятельной лексически и фонетически, хотя и выступает исключительно в грамматическом значении. В дальнейшем она начинает утрачивать свою фонетическую самостоятельность, становясь энклитикой. Этот процесс сопровождается деформацией самой связки. Параллельно происходит затемнение ее лексического значения. В результате углубления данного процесса связка окончательно утрачивает свое лексическое значение и фонетическую самостоятельность, превращается в форматив причастия с грамматической функцией в системе временных форм» (6. 101).

Глагольная связка во многих дагестанских языках состоит из комплекса грамматических аффиксов. По отношению к полной форме связки составляющие ее компоненты семантически адекватны и функционально равнозначны. Поэтому употребляемые при ней локальные провербы, классные показатели и другие тематические гласные независимо от того, могут ли они составить грамматическую оппозицию или нет, помимо пространственных отношений и классного согласования, выражают общее временное значение. Следовательно, сумма компонентов, входящих в тот или иной комплекс морфемных конструкций, составляет единство трех логических факторов: действия, пространства и времени.

Единство трех логических факторов лучше всего проявляется в системе сложных и аналитических конструкций. Сложные и аналитические глагольные конструкции могут образоваться при помощи полной, усеченной и супплетивной формы связки.

Атрибутивные и предикативные частицы, входящие в состав

связки при дальнейшем ее наращивании становятся семантически адекватными, функционально равнозначными.

Сложные и аналитические типы основ

В системе глагола дагестанских языков вспомогательные глаголы занимают особое место. Их анализ позволяет выяснить способы образования как **сложных, так и аналитических** форм глагола. В системе глагольного словообразования вспомогательные глаголы способны выражать различные оттенки значений.

Изменение сложных форм глагола по временам, числам и их связь с другими грамматическими категориями обусловлены спряжением вспомогательных глаголов. Например, в крызском и будухском языках посредством вспомогательного глагола "делать" (*йеридж*-крыз., *сиги*-будух.) образуется новая глагольная форма, вместе с тем, непереходный глагол становится переходным: *ух* - говори-*ухри* "читает"- крыз., *хиарухъ* "говори"- *сухуци*, от сир. "делай" + супплетивная форма *хиарухъ* "читать" или "читающий".

Описательная форма глагола образуется путем сочетания именной основы в номинативе или глагольной основы в деепричастии прошедшего времени с вспомогательным глаголом *хыйидж*-крыз., *йихъаьр*-будух. "быть", "стать". Часто в качестве словообразовательного элемента в описательных формах выступают вспомогательные глаголы *вуйидж* и *икаьдж* – крыз., *йуци* и *иика* "дать" и "хотеть".

Помимо глагольных связок *йаьгивъ* "есть" и *хыйидж* "быть" и приведенных выше вспомогательных глаголов в крызском, языке значительную роль в системе глагольного словообразования играют и вспомогательные глаголы *делать йеридж*, *быть хыйидж*, *хотеть икаьдж*, *дать вуйидж* и т.д. Эти глаголы, принимая участие в образовании различных грамматических форм, зачастую сами становятся основой, от которых при помощи различных грамматических элементов формируется целый ряд производных основ, включенных в соответствующую парадигму.

Повелит. наклон.	Инфинит.	Отриц. форма	Запрет. форма	Желат. наклон.
<i>йер делай</i>	<i>йеридж</i>	<i>даъъаьдж</i>	<i>мийу</i>	<i>йиъу</i>
<i>саъхъ будь</i>	<i>хыйидж</i>	<i>дихъаьдж</i>	<i>маъшхъаь</i>	<i>шаъгъа</i>
<i>икаьр хоти</i>	<i>икаьдж</i>	<i>дикаьдж</i>	<i>ик мийу</i>	<i>ик шагъа</i>
<i>ваьт дай</i>	<i>вуйидж</i>	<i>дувудж</i>	<i>муцу</i>	<i>вуйу</i>
<i>лып скажи</i>	<i>лыпидж</i>	<i>дапыдж</i>	<i>муъу</i>	<i>луъу</i>

и т.д.

Здесь представлены отрицательная частица *д*, запретительная частица *м*, образующие отрицательную и запретительную формы.

В даргинском языке вспомогательные глаголы со значением "есть" и "имеется", "находится" дифференцированы: *са-би* "есть", *леб* "имеется", "находится", "есть".

Ср. аварский язык, где вспомогательный глагол *бу-го* означает "есть" и "имеется".

Если учесть, что в аварском глаголе *бу-го* "есть" –*го* является частицей и что в диалектах аварского языка может быть представлен вспомогательный глагол без частицы –*го*, т.е. в виде *ву*, *йу*, *бу*, *ру*, то вспомогательный глагол аварского языка идентичен вспомогательному глаголу *би* // *би* даргинского и *йи* крызского языков.

В аварском языке вспомогательный глагол усложнен частицей –*го*, в даргинском языке усложнение данного вспомогательного глагола в значении "есть", "имеется" происходит посредством указательных местоименных элементов. В аварском языке частица –*го* суффиксируется, поэтому во вспомогательном глаголе классный показатель сохраняется в анлауте, что вообще обычно для глагола; в даргинском языке же местоименные элементы префигируются к вспомогательному глаголу, поэтому классный экспонент теряет обычную анлаутную позицию.

Анализ вспомогательных глаголов в системе глагольного словообразования определяет типы непосредственно составляющих компонентов морфемных конструкций.

Спряжение глагола в даргинском языке не может быть понято без уяснения спряжения вспомогательного глагола, образующего аналитические формы. Естественно потому, что обзор глагола даргинского языка П.Услар начинается именно с разбора вспомогательно-

го глагола (7. 156). Уделено внимание вспомогательному глаголу в даргинском языке в грамматиках и у Л.Жиркова (8. 13), и у С.Абдуллаева (9. 88). «Даргинский язык, как известно, по диалектам сильно дифференцирован, в нем представлены диалекты более близкие и значительно различающиеся вплоть до того, что представителям одного диалекта непонятна речь другого диалекта» (5. 67).

Особенно интересно то, что диалектные различия отражены и во вспомогательном глаголе.

Сложные основы

Сложные основы, как обычно, образуются сочетанием основного глагола с вспомогательными глаголами типа: "есть", "быть", "делать" и т.д. Чаще всего сложные глагольные основы образуются глагольной связкой "есть" и ее супплетивной формой "быть".

Фактически в основе образования различных типов глагольных аналитических конструкций лежит связка "есть" (быть) в сочетании с основным глаголом.

Связка "есть" составляет типологическую основу многих типов аналитических конструкций в языках различных систем.

Такая типологическая основа возможна при однородных формах ее проявления в парадигматическом ряду:

а) во многих языках связка "есть" представляет супплетивную форму "быть";

б) глагольная связка "есть" не имеет в языках инфинитивной формы;

в) глагольная связка "есть" в дагестанских языках в разной степени образует форму недостаточного спряжения;

г) глагольная связка почти во всех языках используется при деепричастных и причастных формах как основной компонент сложных форм.

Анализ структуры вспомогательных глаголов в дагестанских языках позволит яснее выявить типологическую основу, определяющую специфику развития различных типов сложных, составных и аналитических глагольных конструкций.

Сложные образования с указанными выше компонентами с точки зрения структурных особенностей и специфики их функцио-

нирования в системе языка не являются адекватными. Они могут быть сложными свободными образованиями не морфологического, а синтаксического типа, или аналитическими формами глагола, то есть сложными единицами морфологического уровня, а наконец – фразеологическими единицами.

В данном случае мы ставим перед собой задачу определить критерии аналитических форм и разграничить их от других типов сложных образований.

В дагестанских языках форма настоящего времени почти во всех случаях образуется от основ деепричастий переходных глаголов с помощью вспомогательного глагола "делать". Изменение аналитических форм по временам и числам и их связь с другими грамматическими категориями обусловлены спряжением вспомогательных глаголов "делать", "быть" и др.

Вопрос о структуре глагольных основ является одним из сложных и интересных вопросов, всестороннее и глубокое изучение которого является первоочередной задачей лингвистического исследования каждого языка, имеет большое значение как в воссоздании его исторического прошлого, так и в сравнительно-историческом изучении родственных языков. Неоценима роль, которую играют подобные исследования и в решении прикладных задач. Многие аспекты, связанные со структурой глагольной основы в дагестанских языках, до сих пор не получили полного освещения, некоторые из них остаются во многих отношениях необобщенными или же вовсе нерассмотренными.

Для выявления существующих соответствий между структурными типами глагольных основ в крызском, хиналугском, лезгинском, табасаранском и во всех остальных дагестанских языках наиболее подходящей формой является повелительное наклонение.

Как было показано в приведенных выше примерах, повелительное наклонение в этих языках служит исходной формой для образования других глагольных форм. В этом отношении основы рассматриваемых глагольных форм в лезгинском языке имеют свои характерные особенности. Как известно, основы глагольных форм в лезгинском языке нередко совпадают с инфинитивом. Так или иначе в дагестанских языках в основном имеется большое количество глаголов, основы которых представлены в виде чистого корня без каких-либо наращений.

Обобщая сказанное выше об окаменелых классных показателях и о случаях их утери в именах существительных, отметим, что в качестве окаменелых классных показателей в именах существительных выступают: *д, р, т, л, н, б, рд, в*. В виде префикса выступают: *д, р, т, л, н, б*; в виде инфикса *р, д, в, р*.

Те имена существительные, в которых окаменелые классные показатели выступают в **анлауте** и **инлауте** одновременно, или же только в **инлауте** исторически возводимы к другим частям речи. Имена же существительные, в которых окаменелые классные показатели выступают в виде префиксов *д-, р-, т-, н-* обычно являются производными.

В языках различных систем по-разному реализуется связь между компонентами аналитических форм, при этом особенно важно учитывать их взаимное расположение, например, контактное или дистантное. И если такие типы связи обнаруживаются, то следует учесть специфику грамматического строя рассматриваемых языков.

Очень часто сочетающиеся между собою компоненты перемещаются, однако такие их формы перемещения не во всех языках возможны.

Проблема аналитических форм глагола непосредственно связана с вопросами выяснения структурных типов сложных основ. Такое сложное соотношение между ними в дагестанских языках почти не изучено. Не предприняты даже попытки отбора структурно сложных основ из огромного количества разрядов семантически обусловленных разрядов типов основ, которыми так богаты современные дагестанские языки. Как уже было сказано, в дагестанских языках особую роль в глагольном словообразовании играют вспомогательные глаголы. Они образуют как сложные, так и аналитические формы. Среди вспомогательных глаголов особо выделяется связка "есть", которая чаще всего присоединяется к деепричастию, образуя аналитическую форму настоящего времени: крызск. *ухраь + йаьгаь* (букв. "читая есть"). Ср. лезгинск. *келз + ава*, будухск. *чагара + ви* "идя есть", хиналугск. *лаки + йа*, цахурск. *йаишьги + вод (воб, вор)* и т.д. Связка "есть" очень часто присоединяется и к именным основам: крызск. *адми + йи, мяггим и* "является (есть) человеком, учителем", *фири + йи* "мужчиной". Ср. лезгинск. *адми + йа, иТем + йа, маьггим + йа*, будухск. *адми + ви, фури + ви, маьггим + ви*, цахурск. *инсан + ворна (вобна, водна)* и т.д.

Связка "есть" в дагестанских языках представляет супплетивные формы в рамках парадигматического ряда, которые выступают между собою в известные типы отношений:

крызск.	йаьгаь	"есть"	саьхь	"будь"	хыйидж	"быть"	шаьраь	"будет"
лезгин.	ава	"есть"	хьухь	"будь"	хьун	"быть"	жеда	"будет"
будух.	ви	"есть"	сохь	"будь"	йихьяьри	"быть"	шахья	"будет"
табасар.	ву (за)	"есть"	йихь	"будь"	хьис	"быть"	шул	"будет"
агульск.	ву	"есть"	ухь	"будь"	хас	"быть"		
цахур.	ворна	"есть"	йихье	"будь"	йихьяс	"быть"	йихасун	"будет"
	(вобна, водна)							
рутул.	ани'и	"есть"	йихь	"будь"	йишин	"быть"	ри'итти	"будет"

Приведенные выше классные формы глагольной связки развивают самостоятельные парадигматические ряды благодаря замещению грамматических экспонентов (классных показателей, глагольных превербов, чередование моноконсонантных корней, детерминантов, редуPLICATION и прочих элементов):

1. Связка "есть" прежде всего служит основой для образования сложных глагольных форм. В дагестанских языках от основы связки "есть" посредством соответствующих аффиксов образуются вопросительная, условная и реже отрицательная формы: крызск. *йагаь + м* "есть ли?" Ср.: лезг. *ава + ни*, цахурск. *ворна + не*, табасар. *вуи + м* и т.д. Крызск. *йаьги + чинаь* "если есть", будухск. *ви + з*, лезгинск. *ава + та*, табасар. *вуч + ни* и т.д.

2. Связка "есть" в дагестанских языках служит как грамматический формант настоящего времени. Крызск. *туьраьгиджэ* от *туьр+йаьгаь+джи* "несет", будухск. *чагара+ви* "идет" (букв. идя есть), лезгинск. *келз+ава* "читает" (читая есть), удинск. *бузакь+са* "хочу".

3. Связка «есть» во многих языках, образуя неполную форму спряжения, употребляется с локальными превербами и указывает на характер размещения вещей в пространстве: крызск. *гаьджи* "находится в...", табасаранск. *га* "находится между чем-нибудь", агульск. *ке+йа* "находится на чем-нибудь".

4. С точки зрения структурных особенностей анализ глагольной связки в дагестанских языках имеет чрезвычайно большое значение при определении исконных типов классных показателей и характеристики других составляющих ее компонентов в системе раз-

личных типов основ.

Во всех языках лезгинской группы употребляются две формы глагольной связки. Одна из них представлена сочетанием согласного с гласным (крызск. *йи*, лезгинск. *йа*) или же только с гласным (арчинск. *и*, рутульск. *а*, *ав*, табасаранск. *а*, агульск. *и* и т.д.). Другая форма в одних языках сильно осложнена компонентами конкретных форм (крызск. *йаг+ав*): *й*-окаменелым классным показателем в остальных же она характеризуется только окаменелым классным показателем *йа*, или двойным рядом классных показателей (цахурск. *вор*, *воб*, *вод*, хиналугск. *атдурмаб* и т.д.). Во всех языках между этими формами обнаруживается определенная генетическая связь. В одних языках обе формы представлены одними и теми же окаменелыми классными показателями (крызск. *йа*, *йавгав*, *йа/ава*, табасаранск. *йа/ву* и т.д.).

5. Среди вспомогательных глаголов связка "есть" особо выделяется и в лексико-семантическом отношении. Она входит в систему предикативов.

6. Структурный анализ рассматриваемых форм связки также дает возможность определить характерные для нее фонетические изменения, происходящие не только в составе самой связки, но и в структуре сочетаемых с нею знаменательных глаголов. Легко определяются типы фонетических процессов и принципы слогоделения.

7. Чрезвычайно интересным нам кажется то обстоятельство, что связка состоит из комплекса компонентов отдельных грамматических категорий. Поэтому по отношению к полной форме связки составляющие ее компоненты семантически адекватны и функционально равнозначны. Однако в лексико-грамматическом отношении все составляющие ее компоненты играют роль присвяточного элемента.

Употребляемые при связке локальные превербы сами по себе, помимо пространственных отношений, выражают также общее значение категории времени. В данном случае мы должны исходить из единства трех факторов действия, пространства и времени. Единство трех логических факторов лучше всего проявляется как в различных формах самой глагольной связки, так и в составляющих ее отдельных компонентах.

Каждый отдельный фактор, составляющий отмеченное выше единство, предопределяется известными лексико-грамматическими признаками. Представленные в составе связки локальные префиксы, выражая различные пространственные отношения в языках лезгин-

ской группы, восходят к одному из послелогов в системе местных падежей. Так, например, преверб *к* в недостаточном глаголе крызского и будухского языков *киджэ* "находится под чем-нибудь" и послелог *к* в существительном *кылик* "под ногой" выполняет одну и ту же функцию, выражая пространственное отношение. Часто они совпадают и по звуковому составу.

Многие превербы и послелогов по своей функциональной характеристике и звуковому составу генетически восходят к одному источнику. Послелог *к*, который выступает в крызском и будухском языках в роли глагольного преверба, происходит от наречия *кын* "низ".

Что касается факторов действия и времени, то в данном случае превербы могли приобрести эти категории только в сочетании с предикативными частицами и временными показателями, последующая утрата которых негативно не сказывается на сохранении выражаемых ими отношений.

Итак, для определения всех типов основ исключительно большое значение имеют классные показатели и глагольные превербы. Поэтому особо следует определить принципы размещения в составе глагольных основ и классных показателей, и глагольных превербов как важные компоненты в системе основообразования в рамках всех типов словоформ. С точки зрения структурных особенностей исконные глагольные основы в дагестанских языках подразделяются на две группы – классные и неклассные глаголы – эти же глаголы, в морфологический состав которых включаются классные показатели и образуют классное согласование. Неклассными глаголами принято называть те глаголы, в морфологический состав которых не включаются классные показатели.

8. Следует отметить, что в дагестанских языках, в которых имеется категория грамматических классов, в переходном предложении классный глагол-сказуемое согласуется в грамматическом классе с прямым дополнением, а в непереходном предложении классный глагол-сказуемое вступает в морфологически выраженную связь с подлежащим через посредство классных показателей.

Резюмируя, важно выделить следующие принципы размещения классных показателей в основе глагольных словоформ:

1. При определении принципов размещения классных показателей в составе глагольных основ прежде всего следует исходить из существующих типов классных показателей.

2. Процесс размещения классных показателей в составе глагольных основ в известной мере зависит от ряда синтаксических факторов.

Для раскрытия процесса формирования возможных типов синтаксических конструкций следует выявить причины и степень тяготения классных глаголов к соответствующему синтаксическому окружению. Процесс формирования специальных синтаксических конструкций способствует образованию типов морфемных конструкций, не лишенных классных показателей.

3. В основе распределения слов по грамматическим классам лежит семантический принцип.

Итак, для определения структурных особенностей всех типов основ исключительно большое значение имеют классные показатели и глагольные превербы. Поэтому особо следует определить принципы их размещения в составе глагольных основ как важные компоненты в системе основообразования в рамках всех типов словоформ.

Исходя из соотношений классных показателей по семантическим разрядам именных основ становится возможным представить следующую таблицу классных показателей в составе глагольных основ крызского языка как типологическую основу классификации данного разряда для всех дагестанских языков.

Единственное число

В начале				В середине				В конце			
I кл.	IV кл.	II кл.	III кл.	I кл.	IV кл.	II кл.	III кл.	I кл.	IV кл.	II кл.	III кл.
Ø		в	в	й, р, р, ф.	й, д, г, т, т (ф) дж (ф)	п, п, б, в	п, п, б, в.				

Множественное число

В начале		В середине		В конце	
I и II классы	III и IV классы	I и II классы	III и IV классы	I и II классы	III и IV Классы
б		б, п	й, д, т, т (ф) дж (ф)	б	

Из приведенной таблицы следует:

1. В дагестанских языках переходные глаголы-сказуемые согласуются через посредство классных показателей с прямым дополнением. Подлежащее в переходном предложении ставится в форме **эргативного** падежа.

2. Сказуемое в непереходном предложении согласуется с подлежащим, которое стоит в форме номинативного (именительного) падежа.

3. Следует отметить, что в дагестанских языках классные формы глагола лучше всего сохранились в недавнем прошлом времени изъявительного наклонения. Поэтому для характеристики структуры классных глаголов более показательными являются формы недавнего прошлого времени.

Следы грамматических классов в глаголе лезгинского языка и тенденция к сокращению классных показателей в табасаранском языке

Как известно, в иберийско-кавказских языках с действующей системой грамматических классов, наиболее яркое отражение эта категория находит в глаголе.

В лезгинском языке в глаголах, так же как и именах, выявляются окаменелые классные показатели. Наличие в близкородственном табасаранском языке картины постепенной утраты категории грамматических классов в глаголе, когда в северном диалекте представлены изменяющиеся экспоненты грамматических классов, а в

говорах южного диалекта классные показатели постепенно окаменевают, вначале в анлауте, а затем и в инлауте, - позволяет уяснить картину утраты категории грамматических классов и в глаголе лезгинского языка.

Ныне глаголы лезгинского языка в отношении категории грамматических классов подобны глаголам хивского говора табасаранского языка, где, в отличие от других говоров, показатели грамматических классов либо утрачены, либо окаменели. Да и в тех говорах, где эта категория еще сохранилась, в табасаранском языке в качестве показателя одного и того же класса в разных наречиях используются разные звуковые элементы (*б, в, д, п, л*), причем иногда эти элементы воспринимаются не как классные показатели, а как обычные звуки, входящие в состав глагольного корня.

Таким же образом, очевидно, шел процесс отмирания классных формантов и в глаголах лезгинского языка. Эта мысль подкрепляется сопоставлением параллельных форм ряда однокоренных глаголов из разных диалектов, в каждом из которых сохранился окаменелый формант одного из грамматических классов.

Приведем примеры.

Глаголу *в-угун* «дать (во временное пользование или с определенным назначением)» литературного языка, производному от *гун* «дать (вообще)», в некоторых диалектах соответствует *г-угун*, а в отдельных говорах (см. Хурюг, Микрах) ахтынского диалекта – *й-угун*, например: *за йгуза* «я дам», *абуру йгаганач* «они не дали».

В литературном языке *вахгун/вахкун* «отдать», в некоторых диалектах *гахгун/гахкун*, а в указанном говоре *йахгун*: *ма, кьацу*, - *лагьана йахгана* «на, возьми, - сказав отдал».

Глаголу литературного *жс-угьун/жс-агунь* «найти, достать», ахтынского диалекта *гакин/гакьун* соответствует *йакьун*.

Литературному *в-игьин/в-егьин* противостоит *й-егьин* «бросать», «кидать», «сваливать» и т.д.

Классные форманты появляются не только в начале или в середине глагола, но и в конце в некоторых форм (особенно причастных). В лезгинском языке также встречается и в этой позиции застывшие форманты *р*.

Второй формант мы находим в говоре селения Хурюг ахтынского диалекта и в говорах целого ряда аулов (Концил, Хпюг, Ялцугар, Мехкер и др.) так называемого, Ярkinского (Ярк/и) магала, а

также большинстве селений Кусарского района Азербайджана. Приведем примеры.

Форма ирреального условия (и к нему) от вспомогательного глагола *авун* «делать» в литературном языке имеет формант *авунагир-ила/авунчи-р-ила* «если бы не сделал», а в говорах Ярkinского магала и других указанных выше селений+II. Например, *бики вунь халкъ авуначий-т/ла, ччилер, цавар халкъ ийичи-й* «может, если бы не создал тебя, то и не создал бы и землю с небесами».

Форме прошедшего времени и причастия *авачи-р* 1) «не было», 2) «не существующий», «не имеющий» (от отрицательной формы недостаточного глагола *авач* «нет», «не существует», «не имеет») в указанных говорах соответствует *авачи-й*.

Собственно имеются также формы *ти-р* и *ти-й*: 1) «был», 2) «сущий», «являющийся»; *ругу-р/р-га-й* в литературном языке и *й-угур-р* в говорах Ярkinского магала «кипяченный», «варенный», *кьиникь/кьин* «умирать», «убивать», *кьена* «умер», «убил», но *й-икь* 1) «умри», «убей» и 2) «обрядовый плач», *р-екьида* «умрет», «убьет» и т.д.

Соответствия звуков *в/й* и *р/й* приведенных глагольных формах объясняется лишь в том случае, если считать их пережиточно сохранившимися, ныне не осознаваемыми классными формантами.

Северный диалект табасаранского языка сохранил изменяющиеся классные показатели, предшествующие корневному согласному. В хивском говоре они не сохранились. Здесь представлены префиксы, окаменелые классные показатели. Аналогичное хивскому говору табасаранского языка положение мы встречаем в некоторых случаях в глаголе лезгинского языка. В этом случае наряду с формантом *д*, встречаемом в хивском говоре табасаранского языка, встречаются и другие показатели, такие как *р*: *Т-к'ун* (орфографическое написание *тук'ун*) «резать» (<*д-к'ун*<*д-ук'ун*)¹, ср. рутульск. - *угун*.

Кьун «стыть, зябнуть», *р-екьиз* целевая форма от глагола *кьун*.

Во втором примере формант *р* мы встречаем не в инфинитиве, а в некоторых других формах.

Что касается первого примера, то в лезгинском языке префикс *т<д*, а корневой согласный соответствует агульскому и табасаранскому *кк*, в рутульском языке префикс, классный показатель не сохранился.

Значительное количество лезгинских глаголов не сохранило классных показателей, однако в соответствующих глаголах табасаранского языка часто выступают либо изменяющиеся классные показатели, либо окаменелый *б*, свидетельствующий об историческом наличии и последующей утрате в лезгинских глаголах классного форманта.

Лезг. *цихьин* (диалект.) «подметать», сравнивая табасаранский язык дюбединского говора *джа-в-кус* «подмести», «чистить» (объект кл. вещей), *джа-р-кус* (объект кл. чел.), *джакус* (объект множественного числа).

При объекте множественного числа в табасаранском глаголе *джакус* классный показатель отсутствует. Аналогичная форма без классного показателя представлена и в лезгинском языке.

Лезг. *ктунун* (орфографическое написание *кутунун*) «завязывать», «привязывать» (*твал* «узел»), сравнивая табасаранский язык дюб. говора *ди-в-тус*, *ди-р-тус*, хивского говора *ттит/уз* «<дит/уз>».

Лезг. *к/валяхун* «работать», сравнивая табасаранский язык ханагского говора *ли-в-хуз*, *лихуз*, хивского и дюб. говора *лихуз*.

В данном случае элементы *к* и *к/в*, предшествующие в приведенных глаголах лезгинского языка корневому элементу, следует отнести к окаменелым превербам. Превербы, как утверждает Б.Б.Талибов, в лезгинском языке проявили тенденцию к десемантизации и редукции (10. 173).

В табасаранском языке в ханагском говоре в данном глаголе («работать») сохранился показатель класса вещей, но утратился показатель *р*, а в дюбединском говоре, также как и в хивском говоре утрачены оба классных экспонента. Аналогично этому утрачен классный показатель и в лезгинском языке.

Другой пример:

Лезг. *ишнун* (*тумунун*) «месить (тесто)»; «мять (шкуру)», сравнивая табасаранский язык дюбединского говора *т/и-в-шус*, *т/и-р-мус*, хивского говора *т/иршус*.

Лезгинский язык не сохранил в этом глаголе классного показателя, в хивском говоре табасаранского языка сохранился окаменелый классный показатель, в говорах северного диалекта налицо изменяющийся классный показатель.

Рассмотрим другие примеры:

Лезг. *узуи* (диалектн.) «поджарить (зерна)», сравнивая табасаранский язык ханагского говора *йе-в-цуз*, *йе-р-цуз*, хивского говора *урцуз*, даргинского языка *б-ерциис*, *д-ерциис*.

В даргинском языке данный глагол имеет изменяющийся префикс, показатель грамматического класса. В ханагском говоре табасаранского языка в глаголе представлен изменяющийся классный показатель перед корневым согласным и окаменелый классный показатель *й* в префиксе. В хивском говоре выступает окаменелый классный показатель *р*, в лезгинском же языке показатель грамматического класса не сохранился.

Лезг. *атун* «срезать», «отрезать», сравнивая табасаранский язык дюбекского говора *да-в-тус*, *да-р-тус* *даттус* «порезать», агульск. *аттас*.

Табасаранский глагол оформлен изменяющимся классным показателем и префиксом, окаменелым классным показателем *д*. Во множественном числе изменяющийся классный показатель отсутствует. В лезгинском, агульском языках глагол *кроить. В табасаранском языке глагол, усложненный превербом, уточняющим место действия, в северных говорах сохраняет изменяющийся классный показатель, но утрачивает *р*, а в хивском говоре классный показатель вообще утрачивается:

Хан. говор: *гва-ра-тус*, *гва-ра-тус* «отрезать спереди»;

Дюб. говор: *гва-в-тус* (<*гва-ра-в-тус*), *гватус*;

Хив. говор: *гва-да-тус*;

Хан. говор: *ка-ра-в-тус*, *ка-ра-тус* «скроить»;

Дюб. говор: *ка-в-тус*, *к-каттус*;

Хив. говор (<*к-тта-тус да-тус* < *ка-да-тдус*).

Лезг. *цицун* «сеять», «пахать», сравнивая табасаранский язык хан. говора *у-в-дзус*, *удсуз*, хюр. говора *йу-в-дзус*, *йу-р-дзус*, дюб. говора *у-в-дзус*, *удсуз*, хив. говора *урзус*, аг. языка *узас*.

Лезгинский язык полностью утратил префиксальную часть, не сохранив, следовательно, и классного показателя. В хивском говоре табасаранского языка в глаголе представлен окаменелый показатель грамматического класса *р*, в дюбединском говоре сохранился изменяющийся классный показатель *в*, но утрачен *р*, в ханагском говоре табасаранского языка сохранились оба показателя *в* и *р*, а в хюр. говоре в глаголах выступают оба изменяющиеся классных по-

казателя и, кроме того, сохранился префикс, окаменелый классный показатель *й*.

Лезг. *ккун* «гореть», «сжигать», срв. таб. яз. хан. гов. *у-в-гуз*, *у-р-гуз*, хюр. гов. *йу-в-гуз*, *йу-р-гуз*, хив. гов. *ургуз*, аг.гов. *угвас* «гореть», «чесать(ть)».

В лезгинском языке в глаголе окаменелый классный показатель не сохранился, а в даргинском языке: *б-иквий* «сжечь», «сгореть», где представлен изменяющийся префикс, классный показатель. В агульском языке глагол *угвас* «гореть», «чесать(ся)» утратил префикс, не сохранив классного форманта.

Приведем еще несколько примеров:

Лезг. *хьун* «пить», срв. таб.яз. дюб.гов. *у-в-хьус*, *ухьус*, хан. гов. *у-в-гьуз*, *у-р-гьуз*, хив. гов. аг. яз. *ухас*.

Лезг. *алицумун* «измерить», «взвесить», срв. таб.яз.хан. гов. *йа-в-цуз*, *йа-р-цуз*, хив. гов. *йэрцуз*, аг.яз. *умицис* (//>*умиций*).

В ханагском говоре представлен показатель класса вещей *в*, но утрачен экспонент *р*; классный показатель полностью утрачен в хивском говоре, аналогично этому он утрачен и в лезгинском языке.

Некоторые глаголы лезгинского языка подверглись большим изменениям, утратив всю префиксальную часть, и начинаются с корневого согласного. Подобные глаголы встречаются и в других языках.

Лезг. *гьун* «принести», срв. таб. яз. дюб.гов. *хуз*, аг.яз. *хас*, дарг. яз. *акуш*, диал. *хес*.

В северных говорах табасаранского языка глагол имеет изменяющиеся классные показатели и окаменелые префиксы, классные показатели: *й* – в хаганском говоре и *д* – в дюбединском. Кроме того, в ханагском говоре глагол усложнен префиксом *гьа*. В хивском говоре также наблюдается подобное усложнение глагола, но здесь не сохранился классный показатель, и если не учитывать вторичного префикса *гьа-*, то хивская форма глагола будет аналогичной лезгинскому глаголу *гьун* «принести».

В лезгинском языке сохранился префикс, окаменелый классный показатель *д* в оглушенном варианте после утраты последующего гласного; префикс, изменяющийся классный показатель, представлен в даргинском глаголе *бухес* «отнести» (акуш. диал.), сравнение *хес* «принести».

Лезг. *гун* «дать», срв. таб. яз. дюб.гов. *дувус*, *дургус*, *дугус/гус*, хив. гов. *ттувус* (<дувус), аг.яз. *ис* дарг.яз.урах.диал. *гис*, ку-

бач.диал. *гьа-ччий* (I и II л.) *биччий* (III л.).

В дюбединском говоре наряду с формой, сохранившей префиксальную часть, параллельно употребляется без корня. В хивском говоре сохранилась форма с префиксом – окаменелым классным показателем.

Таким образом, в глаголах лезгинского языка представлены в качестве окаменелых классных показателей такие элементы как *в*, *з*, *й*, *р*, *т* (<*д*). В ряде глаголов выявляются два окаменелых классных показателя: классный показатель в анлауте и перед корневым согласным. Многие глаголы лезгинского языка утратили классные показатели. Картина оформления окаменелыми классными показателями глаголов лезгинского языка в принципе аналогична картине, представленной в хивском говоре близкородственного табасаранского языка. В данном говоре табасаранского языка мы становимся свидетелями того, как утрачиваются классные показатели. Аналогичный процесс, возможно, происходит и в глаголах лезгинского языка.

Итак, в целом у иберийско-кавказских языков основное деление лексем на классы происходит по принципу – класс людей, класс всех остальных существ и предметов. Эти же классы, в свою очередь, распадаются на соответствующие грамматические классы. Например, как в аварском, даргинском, крызском и других языках. В табасаранском языке мы встречаем положение, когда ни класс человека, ни класс вещей далее не распадаются. Лишь в некоторых языках иберийско-кавказской семьи в настоящее время не функционирует категория грамматических классов. Из лезгинской группы языков это собственно лезгинский, агульский, удинский языки. Однако следы грамматических классов встречаются и в этих языках. В лезгинском языке они представлены в виде окаменелых реликтов грамматических классов, сохранившихся в настоящее время, как видно из приведенных в работе примеров.

Основываясь на этом факте, а также на ряде исследований по данной проблеме, следует полагать, что категория грамматических классов исчезла из лезгинского языка небесследно.

Окаменелые классные показатели выявляются при сопоставлении с родственными языками, а в некоторых случаях и с диалектами самого лезгинского языка.

Материально окаменелые классные показатели совпадают с классными показателями в других дагестанских языках. Говорить о

количестве грамматических классов, существовавших в лезгинском языке довольно трудно. Например, показатель *в* характерен для многих дагестанских языков с тремя или четырьмя грамматическими классами (в лезгинском слове *в-ах* «сестра»). Как видно из примера, данный показатель сохранился в слове, которое семантически относится ко второму классу. Таким образом, сложно установить количество грамматических классов по сохранившимся окаменелым показателям.

Окаменелые следы грамматических классов, как показывают приведенные факты, обнаруживаются почти во всех частях речи, т.е. можно полагать, что система классификации имен находила отражение во всей морфологии лезгинского языка.

Интересен вопрос о причинах, вызвавших утрату категории грамматических классов в лезгинском языке. Имеется предположение о том, что грамматические классы из лезгинского, удинского, агульского исчезли под влиянием тюркских языков. Действительно, все три названных языка находятся в непосредственном контакте с азербайджанским языком, относящимся к тюркским языкам. Этот факт говорит о тесном взаимовлиянии этих языков. Однако, в не меньшем контакте с тюркскими языками находятся, например, еще три языка лезгинской группы. Это крызский, будухский и хиналугский, распространенные компактно исключительно на территории Азербайджана. А эти языки, как известно, имеют развитую систему классового согласования, что может служить фактом, опровергающим данную точку зрения. Более обоснованной кажется объяснение процесса исчезновения категории грамматических классов из лезгинского языка, связанной со стремлением лезгинского языка (как и большинства других) к наибольшему упрощению. Другими словами, причины надо искать среди внутриязыковых факторов, а не вне языка.

Теоретические основы аналитических конструкций как структурно сложные образования в системе глагольной парадигматики

Резюмируя содержание предлагаемой нами статьи, считаем необходимым высказать соображения по поводу некоторых основополагающих теоретических вопросов, находящихся в поле зрения многих исследователей, интерпретирующих вопросы, связанные с ана-

литической конструкцией как основой грамматического строя.

Типологический анализ словообразования и словоизменения разносистемных языков даст возможность выявить общие свойства морфологических структур, определить специфику различных особенностей в парадигматическом ряду, выяснить соотношения средств их выражения, последовательно и системно проанализировать принципы отбора критериев, лежащих в основе аналитических образований. "С точки зрения сравнительно-типологического изучения структуры слова в языках разных систем возникает вопрос: применимы ли это понятие, этот термин к языкам других лингвистических групп, а главное – других типов морфологической структуры – так называемых изолирующих, агглютинирующих, инкорпорирующих – и если "анализ" в этих языках существует, то каковы его типологические особенности" (11, 5).

Очень часто многие авторы, отбирая критерии для выделения аналитических форм, основываются на таких свойствах языка, которые являются лишь сопутствующими признаками аналитических образований.

"Так, например, противопоставление в рамках одной грамматической категории аналитическим формам собственно морфологических форм является критерием более узкого плана" (29, 90).

Безусловно, возможность включения аналитических форм в единую систему грамматических противопоставлений с синтетическими формами слова остается критерием желательным, но отнюдь не обязательным.

Перекрещивание аналитических форм с синтетическими в рамках одной грамматической категории даже в одном и том же языке прослеживается лишь в отдельных случаях.

Что касается дагестанских языков, то в них такого рода аналитические образования, регулярно соотносимые с простыми их формами в рамках одной грамматической категории отсутствуют. "Никто не станет отрицать того очевидного факта, что многие аналитические формы имеют во многих языках чисто словообразовательное назначение. Как известно, словообразовательные формы вне зависимости от своего строения не входят в число коррелирующих категорий..." (13, 24).

М.М.Гухман в своей обширной статье о глагольной аналитической конструкции выделяет критерии, в равной мере касающиеся

языков различных систем – устойчивую неразложимость сочетания частичного и полного слова. (14, 34-56). Неразложимость рассматривается автором в двух планах: лексическом и грамматическом.

Большое значение имеет грамматическая неразложимость, обусловленная процессом сцепления входящих в сочетание компонентов. Что касается лексической неразложимости, то она не может служить надежным критерием для отграничения аналитических форм от других типов структурно-сложных образований. Такая неразложимость, будучи немаловажным признаком при выделении аналитических форм, не может служить надежным фактором возникновения явления аналитизма, ибо "семантический подход... представляет широкую возможность субъективизму при установлении степени утраты вспомогательным глаголом его исходного лексического значения" (15, 22).

Проблема аналитических форм глагола в дагестанских языках почти не разработана. Не предприняты попытки отбора аналитических форм из огромного количества структурно сложных образований, которыми так богаты дагестанские языки на современном этапе их развития.

Наиболее наглядную картину образования аналитических форм посредством глагола "делать" представляют материалы рутульского языка. В зависимости от типа основ, входящих в аналитическое сочетание, глагол «делать» утрачивает свою структурную целостность в разной степени. Чем последовательней глагол «делать» используется для формообразования, тем полнее он воспроизводит свою исходную структуру: *сура* «рви» (*сура + ha'*), *сур'ас* «рвать» (от *сура + ha'ас*), *сура + hu' ур* «порвав» (от *сур'ас + hu'уд* «порванный» далее *сура + hu' ури* «порвал», *сура + ha' аси* «порвет», *сура + ha' ыра 'а* «ревет» и т.д.

Совершенно очевидно, что эти аналитические формы должны быть разграничены от встречающихся в крызском языке образований типа: *ибр кыйовдж* "слушать" (букв. ухо "положить"), *тыр кый-авдж* "назвать" (букв. "имя положить"), *хавь кьитхавдж* "ласкать" (букв. "руку провести"), *папрус йигхныдж* "курить" (букв. тянуть папиросу) и т.д.

Второй компонент этих сочетаний в рамках парадигматического ряда почти не трансформируется в аффикс. Но если даже под влиянием различных факторов подобного рода трансформация и

произошла, то возникший аффикс в этом парадигматическом ряду никогда не воспроизводит свою исходную структуру. Источник, к которому восходит подобный аффикс, может быть обнаружен либо на пересечениях языковых уровней, либо же в системе соотносимых форм в диалектах или родственных языках.

Учитывая вытекающие из рассмотренного нами выше материала выводы, мы попытаемся установить ряд критериев для отграничения аналитических форм глагола от всех остальных структурно сложных образований.

Элементы аналитизма наряду с синтетическими формами выступают в языке как необходимые и в принципе равноправные средства выражения.

При отборе критериев, необходимых для выделения аналитических форм в языке, следует исходить из двух постоянно действующих и тесно связанных между собою лингвистических факторов:

1) особенностей функционирования аналитических форм в системе соотносимых с ними грамматических средств языка в целом;

2) характера трансформации аналитических образований в синтетические и наоборот. Эти два аспекта (функциональный и процессуальный) непременно предполагают:

а) интенсивный процесс грамматикализации словосочетаний, трансформирующихся в аналитические образования;

б) комплекс звуковых изменений, сопровождающий, а порою и обуславливающий, трансформацию аналитических образований в синтетические;

в) грамматически ограниченный выбор (избирательность) тех служебных слов, которые могут выступать в качестве компонента аналитических форм;

г) важную роль в образовании аналитических конструкций играет процесс десемантизации одного из компонентов, составляющих рассматриваемую дистрибуцию. При этом важно учесть степень десемантизации сочетающихся компонентов в рамках соотносимых структурно-сложных образований.

Такая методика исследования аналитических форм значительно облегчит разграничение их со сложными словами, свободными словосочетаниями, а тем более с фразеологическими сочетаниями.

Формирование и развитие фразеологизма в языке, с одной стороны, и процесс становления и развития аналитических форм – с

другой, осуществляются на разных основах и отличаются качественным своеобразием динамики.

Мы считаем, что десемантизация сочетаемых между собою компонентов, идиоматичность или относительно свободная связь между ними и многие другие моменты, которые ряд авторов возводят в критерии аналитизма, являются логическим следствием первых двух постоянно действующих в языке факторов.

Какими бы внешне сходными ни были предполагаемые типы структурно сложных образований – по характеру трансформации, по движущим причинам более интенсивно развивающегося процесса становления образующихся единиц, по функциональной значимости – они непременно окажутся различными.

Десемантизация вспомогательных глаголов еще в большей степени зависит от характера трансформации словосочетаний в аналитические формы. В этом отношении прав В.В.Виноградов (16, 569), который особо выделяет глагол «быть», утверждая, что конструкция типа «буду + инфинитив» («буду читать») значительно отличается от свободных словосочетаний (**начну читать, хочу читать, могу читать**), компоненты которых более раздельны и относительно самостоятельны (17, 569-570).

Очевидно, не все вспомогательные глаголы могут выступить в качестве активных средств вербализации, выражаемых в языке грамматических значений. Следует оговориться, что в отдельных языках, а тем более в языках различных систем, удельный вес аналитических образований зависит от коэффициента соотносительных с ними грамматических средств и от формы выражения грамматических значений разных типов в структурно-сложных конструкциях, присущих данному разряду слов.

В этом плане большой интерес представляют глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*), которые, будучи в дагестанских языках основными средствами выражения субъективно-объектных отношений, наиболее наглядно иллюстрируют процесс развития аналитических конструкций классных глаголов.

Отбирая пригодные для этой цели лексико-семантические ряды слов и включая в сферу наблюдения почти все классы и подклассы основообразующих рядов, можно посредством статистического метода достигнуть самых высоких результатов при определении уровня переменного коэффициента аналитических форм в общей

системе словообразования.

Нарастание удельного веса аналитических конструкций, происходящее за счет других вспомогательных глаголов, обнаруживается в системе парадигм временных форм.

Проявление характерных особенностей аналитических форм в грамматическом строе языка может реализоваться и через дистантное расположение компонентов, входящих в аналитические сочетания.

Такой процесс грамматикализации словосочетаний, порождающий аналитические конструкции, не может послужить критерием более общего характера. "Дистантное расположение компонентов, входящих в аналитическое сочетание, замедляет процесс грамматикализации и находится вне прямой зависимости от связи с синтетическими образованиями, постоянно составляющими линейное перекрещивание в общей системе соотносимых между собою грамматических средств, то есть, говоря о синтетических формах глагольного образования как об этапе эволюции, следует увязать его с аналитическими образованиями, которые характеризуют другой этап развития системы средств грамматических выражений" (18, 17).

Кроме того, дистантное расположение компонентов, входящих в аналитическое сочетание, снижает уровень восприятия функциональной взаимозависимости.

В результате такие формы с чисто внешней стороны приближаются к лексически неразложимым сочетаниям. Именно поэтому возникают случаи, когда компоненты аналитических форм и других типов сложных образований неправомерно отождествляются и в ходе анализа бывает невозможно определить степень сочетаемости соотносящихся друг с другом типов сложных единиц. Аналитическую форму всегда следует рассматривать в связи с синтетическими формами, так как они являются двумя крайними точками одной цепи, постоянно находящимися в состоянии переменного смещения. Такая тесная связь между двумя формами грамматического построения обнаруживается при выражении пространственных и направительных отношений. Обычно в системе глагола в дагестанских языках пространственные отношения выражаются превербам, а также послелогом, заменяющими падежные флексии в системе местных падежей.

На другом типологическом уровне – по типам отношений к существующим абстракциям (грамматической и лексической) можно выделить еще один критерий, разграничивающий, с одной стороны,

аналитические формы, и с другой – сложные глаголы и фразеологические сочетания, что находит особо яркое проявление в дагестанских языках.

Например, сложные глаголы, в особенности фразеологические сочетания, на основе постоянной и все более нарастающей лексикализации семантически абстрагируются. Поэтому целый ряд однородных сочетаний семантически обособляется, требует однотипных окружений. В связи с этим рассматриваются формы комбинаций сочетаемых между собою компонентов, составляющих известный тип окружений, способный предопределить развитие дистрибуции.

Что касается аналитических форм, то они целиком связаны с грамматической абстракцией. Чем устойчивее связь между компонентами аналитических, тем шире образованный от них парадигматический ряд и тем активнее участвуют они в дальнейшем словообразовании. Семантически такой ряд все больше и больше ослабевает. Чем слабее связь между компонентами аналитических форм, тем уже круг их сочетаемости и больше вероятность расхождений между словоформами в парадигматическом ряду.

Степень грамматической абстракции зависит от отмечанных выше условий, стабилизирующих класс или подкласс парадигматических рядов. Так или иначе роль аналитических форм как грамматических средств возрастает двояко. С одной стороны (если связь устойчивая), любая аналитическая форма, выражая как грамматическое средство конкретное отношение, уточняет его в системе более сложных типов отношений. С другой стороны, аналитические формы чаще всего обобщают однородные типы отношений в системе различных грамматических категорий. Тем самым степень грамматической абстракции возрастает и вместе с тем обобщается большее количество признаков, объединяющих разнородные типы отношений.

Таким образом, развитие языка в известном смысле обуславливается большей степенью грамматической абстракции. Грамматическая абстракция уточняется тем же морфологическим процессом и стабилизирующими условиями парадигматических рядов, о которых говорилось выше.

Уровень сочетаемости входящих в аналитическое образование компонентов определяется не семантическими признаками, а постоянным совершенствованием выполняемой ими грамматической функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с.27.
2. Большинство из приведенных здесь примеров взято из монографии И.Х.Абдуллаева. Категория грамматических классов... Махачкала, 1974, с.63.
3. Абдуллаев И.Х. Указ. соч.
4. Бокарев Е.А. Указ. соч.
5. Бокарев Е.А. Указ. соч.
6. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963, с.383.
7. Дешериев Ю.Д. Указ. соч.
8. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. Москва, 1926, с.13.
9. Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, с.88.
10. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. Наука, М., 1980, с. 228.
11. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях – в сб.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965, с.5.
12. Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959, с.101.
13. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с.22.
14. Гухман М.М. Аналитические конструкции в языках различных типов. 1963, с.29.
15. Гухман М.М. Указ. соч.
16. Виноградов В.В. Русский язык, М.-Л., 1947, с.569-70.
17. Виноградов В.В. Указ. соч.
18. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях. // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965, с.5.
19. Михаил Алексеев. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков в категории имени. М., 2003.

Dağıstan dillərində fel yaradılması probleminin həlli üçün əsas komponentlərin tərkib hissələrinin ətraflı səciyyəsinə vermək lazımdır. Belə komponentlərin struktur və funksional spesifikasiyalarını nəinki sözyaratma əsasının özünün xüsusiyyətlərini xarakterizə edir, həm də müxtəlif paradigmatik cərgələri seriyasına daxil olan affiks morfemləri müəyyən edir. Buna görə də ismi və feli sözdüzəltmə problemini bu və ya digər quruluşların sözdüzəltmə əsası qismində yararlığının nəzərə alınması ilə təhlil etmək gərəkdir.

İsmi və feli əsasların morfoloji tərkibinə, adətən, fel preverblərinin qrammatik sinif göstəriciləri daxil edilir ki, bu da sözdüzəldici əsasların semantik xüsusiyyətlərinin və paradigmatik sırada onların funksional səciyyəsinin öyrənilməsinə çətinləşdirir.

SUMMARY

Virtually, the category of grammatical classes in Daghestani languages is fundamental for all grammatical categories both nominal and verbal. It appears differently in the system of parts of speech. In this respect the verb and the numeral, especially cardinal numeral ought to be specifically emphasized. Indexes of grammatical classes in Daghestani languages have much in common. For example, the first (masculine) class almost in all Daghestani languages is symbolized by zero exponent *ø*; another common index for daghestani languages is *ø*; additional study is needed for indexes *ü, p, d* often interchanging with each other.

Cardinal numerals in Daghestani languages are classified structurally as simplexes that include single -rooted words (сад «one», кьод «two») and compounds, formed by stem composition (шибы-д «three» in Kryz language). Almost in all Daghestani languages cardinal numerals have the same petrified class index *ø* at the end.

In all languages of Lezgian group number "8" is pointed out by interchange of *ü/э*. Compare Kryz *ми -ü -ид* in Lezgian *мүв-жуи-ø* one can encounter prefixal petrified class indexes in numbers "6" and "7". Compare Kryz *рыхьыд* «six» and *йнгьыд* «seven».

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Известно, что именные основы классифицируются по грамматическим классам в зависимости от их принадлежности к соответствующим разрядам групп слов. К таким разрядам именных основ относятся имена существительные, обозначающие класс мужчин (I класс), класс женщин (II класс), класс животных (III класс) и класс вещей (IV класс).

В этом отношении понятия "грамматический род", "именной класс", "грамматический класс" являются однопорядковыми сущностями. Однако в основе распределения имен существительных по указанным группам (разрядам) в различных языках лежат разные принципы: имена делятся на одушевленные и неодушевленные, лиц и не-лиц, разумные и неразумные и т.п. Иначе говоря, различные формы именных классификаций имеют характерные для каждой из них **principium divisionis**. «Эти понятия различны: когда различается грамматический род, названия не только мужчин, но и понятий (абстрактных и конкретных) и животных могут быть мужского рода. Но если различаются грамматические классы, то в первый грамматический класс, куда относятся мужчины, не могут включаться названия предметов и животных» (1, 28).

"Под грамматическим классом подразумевается лексикограмматическая категория, объединяющая определенную группу имен существительных, различающихся по определенному показателю, выступающим в согласуемых с ними словах в виде префикса или суффикса. Данная категория проявляется именно в способности определенной группы имен существительных сочетаться только с определенными соответствующими им формами согласуемых слов" (2). Это согласование с существительными различных зависящих от них в синтагме слов служит, по мнению ряда исследователей, основанием для деления имен существительных на классы. Ю.Д.Дешериев подчеркивает: "Под грамматическим классом условно мы подразумеваем два однородных или разнородных показателя, один из кото-

рых выражает единственное, а другой множественное число одного и того же имени" (3, 205).

Грамматический класс – это морфологическая единица для классификации имен (4, 202-249). В иберийско-кавказских языках для классификации имен взят принцип группирования имен по категориям: 1) личности; 2) вещи. Исходя из этого, можно говорить о бинарной оппозиции – противопоставления личности и не-личности. В основе такого распределения лежит "принцип оценки" (Aufwertung). Данная оппозиция характеризуется и соответствующими признаками. Для категории грамматических классов характерны семасиологические, морфологические и синтаксические особенности, причем и семасиологическая, и морфологическая классификации одновременно взаимосвязаны. Отмеченные особенности обусловлены не одинаковым характером отражения данной категории в разных частях речи.

Функционирование средств выражения категории рода в индоевропейских языках распространяется только на разграничение грамматических отношений, не касаясь выражаемых словоформами лексико-семантических признаков. В то время как показатели грамматических классов одновременно играют роль как деривационную, так и реляционную. В этом случае мы имеем дело с явлением **снпкритизма**. Флективный характер грамматического строя иберийско-кавказских языков, особенно дагестанских языков, проявляется в его "чистом" виде.

Во всех иберийско-кавказских языках, в том числе и в тех, в которых грамматические классы в настоящее время отсутствуют, вопрос **КТО?** относится к людям, вопрос **ЧТО?** – ко всем остальным. В связи с этим имена существительные разделены на ряд семантических классов, число которых в различных языках различно.

Все существительные в языке распределены по нескольким классификационным разрядам. Однако в самом имени существительном классная принадлежность выражена не **эксплицитно**, а **имплицитно**. В имени существительном грамматический класс выступает в виде независимой внутренней грамматической величины, как его лексическая примета, а классная **примета** имени лишь предполагается как **виртуальный** элемент языка, т.е. мыслимый элемент языковой системы, независимо от его реализации или **актуализации**. Имена существительные противопоставляются другим частям речи (т.н. «классным») прилагательным, глаголам, числительным, наречиям)

отсутствием изменяемых классных показателей, за исключением некоторых существительных, в основах которых имеются **окаменелые** классные показатели.

Как было отмечено, грамматический класс имени существительного формально в его основе, как правило, не представлен. Однако встречаются немало имен существительных, в которых в процессе историко-этимологического анализа выявляются элементы, восходящие к показателям грамматического класса. В специальной литературе такие элементы названы **"окаменелыми классными показателями"**. Говоря о наличии или отсутствии таких элементов в основах имен существительных, следует различать основы производных и производных (от других частей речи) имен.

Категория грамматического класса является одной из наиболее сложных категорий в морфологии большинства иберийско-кавказских языков. В дагестанских языках она также имеет важное значение, в лезгинском же языке эта категория в настоящее время не функционирует. Однако в лезгинском языке сохранились окаменелые следы грамматических классов. Рассмотрению реликтов названной категории и изучению их в сопоставительном плане посвящена настоящая работа.

В работе рассматривается тенденция сокращения числа грамматических классов в языках иберийско-кавказской семьи вообще и в дагестанских языках в частности. Необходимость рассмотрения данной тенденции вызвана тем, что в настоящее время памятников древней письменности на лезгинском языке практически не сохранилось. Единственно возможный способ изучения проблемы утраты грамматических классов в лезгинском языке – это сопоставление его с родственными языками. Основываясь на общности генетического происхождения и сходства в развитии дагестанских языков, можно говорить о его историческом развитии.

В настоящей работе рассматриваются материальные следы категории грамматических классов, сохранившиеся до настоящего времени. Изучая отдельные слова и сопоставляя их с аналогичными словами родственных языков, а также различных диалектов, выявляются форманты, служившие в прошлом показателями грамматических классов. Основываясь на исконности исследуемых лексем в дагестанских языках и на сопоставлении их в плане используемых материальных элементов в различных языках и диалектах, делается по-

пытка установить их типологическое тождество

Как известно, отражение грамматических классов в разных частях речи имеет свои характерные особенности. Например, в языках с функционирующей системой грамматических классов наиболее четкое материальное выражение эта категория имеет в глаголе. Менее ярко выражена она в таких именных частях речи, как прилагательное, числительное, местоимение. В именах существительных же данная грамматическая категория во всех дагестанских языках утратилась. При сравнении имен существительных нескольких родственных языков, иногда и их диалектов, в них выявляются окаменелые пережиточно сохранившиеся классные форманты.

С глаголом лезгинского языка, при выявлении в нем окаменелых классных показателей, дело обстоит иначе. Это связано с тем, что приходится сравнивать глаголы лезгинского языка, не знающие классного распределения, с глаголами языков, где категория грамматических классов ярко выражена. Однако, несмотря на это, при тщательном изучении некоторых глаголов из различных диалектов, а также сравнивая их с аналогичными глаголами родственных языков также утративших категорию грамматических классов (агульский, удинский), а иногда и с глаголами из языков с действующей категорией грамматических классов, мы все же находим в них окаменелые классные форманты.

Кроме названных частей речи, окаменелые классные показатели в настоящее время также находим в местоимениях, в именах прилагательных и особенно в именах числительных. Однако в этих частях речи окаменелые форманты исследуемой категории встречаются гораздо реже, нежели, скажем, в именах существительных. Но сам факт их наличия, на наш взгляд, говорит о том, что категория грамматических классов находила в прошлом свое отражение и в этих частях речи.

Одним из важных вопросов в изучении дагестанских языков является сравнительно-историческое изучение категории грамматических классов. Вообще, следует отметить, что показатели грамматических классов в дагестанских языках имеют много общего.

Сложной проблемой является отсутствие памятников древней письменности, так как трудно наметить направление исторических изменений в исследуемых языках, в то время как исследователи, например, индоевропейских языков, опираясь на памятники письмен-

ности, документирующие историю языков часто по протяжению нескольких тысячелетий, сравнительно легко устанавливают направление и последовательность исторических изменений в языках.

Но, на наш взгляд, методически четкое использование сравнительного исследования младописьменных и бесписьменных языков также дает полную возможность, которая позволит выявить их исходное состояние, кроме этого направления и последовательности исторических изменений в исследуемых языках.

«Наконец, возможны и случаи неточной реконструкции праязыка, когда ряд звукосоответствий не дает возможности точно установить фонетическую природу восстанавливаемого звука. В области грамматики не всегда легко установить грамматическую систему праязыка в целом. Не всегда легко выявить систему классов (сколько было классов, принцип распределения имен по классам), всю систему падежей (сколько падежей и падежных единиц, систему времен) структуру слова. Трудно вполне выявить изменения функции грамматических форм. Современное состояние науки не дает нам еще возможности с достаточной полнотой и точностью реконструировать грамматическую систему в целом.

Наконец, важно указать, что реконструкция праязыка никоим образом не может быть для нас самоцелью, тем более, что, как уже было сказано выше, реальность такой реконструкции является в высокой степени относительной. Реконструкция для нас – только методический прием, дающий нам возможность наметить пути исторического развития современных дагестанских языков. Реконструкция праязыков различных степеней позволяет нам судить о различных этапах в истории отдельных языков и таким образом получить о ней более конкретное представление» (5).

Однако, несмотря на то, что в целом сравнительно-историческое изучение младописьменных и бесписьменных языков может быть вполне успешным, оно все же связано с большими трудностями и представляет целый ряд специфических особенностей в применении исторического метода. Точностью и тщательностью в применении специальных методов такого рода исследований определяются успехи сравнительно-исторических исследований. На начальном этапе нужно сравнивать языки, находящиеся в наибольшей близости друг к другу, затем переходить к языкам с более отдаленным родством. При этом возможно неоднократное возвращение к пройденным

этапам работы для внесения коррективов, основанных на результатах более поздних исследований диалектов. Это требование оказывается особенно важным в том случае, когда группа родственных языков немногочисленная: тогда данные диалектов являются очень существенным материалом для надежности и полноты сравнительно-исторических выводов. В том же случае, если группа родственных языков многочисленна, вполне возможно приступать к их сравнительно-историческому изучению и при отсутствии материалов по некоторым диалектам сравниваемых языков, т.к. часто данные единичных диалектов сравнительно немного вносят к тому, что дает большое число уже изученных языков и диалектов. Так, например, отсутствие полного описания кубинского диалекта лезгинского языка восполняется в известной мере данными других диалектов лезгинского языка и большим числом языков, входящих в лезгинскую группу. Однако следует иметь в виду, что для полноты и надежности сравнительно-исторических выводов необходимо стремиться к максимальному охвату всего доступного материала, т.к. данные какого-либо одного диалекта в известных случаях могут оказаться решающими для того или иного теоретического вывода.

Сравнение различных дагестанских языков может дать основания для того, чтобы предположить какую именно форму имел в общедагестанском праязыке. Можно также путем сравнения дагестанских языков между собой выявить падежную систему общедагестанского праязыка в целом. Так, например, можно уверенно говорить о том, что в общедагестанском праязыке уже существовали местные падежи, обозначавшиеся следующими показателями: *къ*, *хь//х*, *гь//хь*, *ь* (или гласными). Эти показатели сохранились в большинстве дагестанских языков с близкими значениями.

Также и показатели грамматических классов в дагестанских языках имеют много общего. Так, например, первый (мужской) класс во всех дагестанских языках обозначается нулевым показателем или *в*: общим показателем для многих дагестанских языков является также *б*: дополнительного изучения требуют показатели *й*, *р*, *д*, часто чередующиеся друг с другом.

В настоящее время, как известно, категория грамматических классов представлена не во всех иберийско-кавказских языках. Однако исследования показали, что она была характерна и для тех языков, в которых в настоящее время отсутствует. Это относится и к

лезгинскому языку, который на современном этапе не знает категории грамматических классов.

Если подойти к данной проблеме с исторической точки зрения, то мы обнаружим, что и лезгинский язык в далеком прошлом имел развитую систему классного согласования. По мере развития языка эта система постепенно исчезла и к настоящему времени совершенно перестала функционировать. Тем не менее при сравнительном изучении лезгинских языков удается выявить некоторые окаменелые классные форманты. Так, например, сравнивая лезгинский глагол *тухун* «нести» с аналогичным глагольным корнем в других родственных языках, обнаруживаем, что элемент *т* исторически являлся не частью корня, а сросшимся с корнем окаменелым показателем грамматического класса. Ср. рутул. *й-ихин* (I грам. класс), *р-ихин* (II грам. класс), *в-ихин* (III грам. класс), где *й*, *р*, *в* выделяются как «живые» показатели грамматических классов; также глагольный корень встречается и в арчинском языке с изменяемыми классными показателями: *-хвас* (I грам. класс), *д-ахас* (II грам. класс), *б-ахас* (III грам. класс).

В глаголе *рекьин/кьин* «убивать», «умереть» лезгинского языка формант *р* также является пережиточно сохранившимся окаменелым классным показателем. Как видим, в настоящее время в лезгинском языке сохранилось два варианта одного и того же корня: один с окаменелым классным показателем, другой без него. При сравнении этого корня с аналогичным корнем в других родственных языках обнаруживается, что там с этим корнем сочетаются различные классные показатели: срв. рутул. *й-икьин*, *р-икьин*, *в-икьин*; арчинск. *-кпис*, *д-икпис*, *б-икпис*; цахур. *г-иклас*, *ги-ий-клас*, *ги-ви-клас* в тех же значениях.

Окаменелые классные форманты встречаются в настоящее время и в некоторых других глагольных корнях лезгинского языка. Так, например, в глаголе *р-ахун* «родить» (кубинский диалект) префикс *р* является окаменелым показателем грамматического класса, о чем свидетельствует глагольный корень *хун* литературного языка, где префикс классного согласования утрачен. Кроме того, в некоторых родственных языках данный глагол сохранил изменяющийся показатель грамматического класса. Например, в цахурском языке: *-уххас*, *й-уххас*, *в-уххас* «родить». В удинском сохранился в двух вариантах. Из них в одном сохранился окаменелый показатель *б* (*б-*

ихсун), а в другом данный показатель не сохранился (*ухас*).

В глаголе *й-агъун* (орфографическое написание *ягъун*) «ударить» и представляет собой окаменелый классный показатель. Это подтверждает сравнение данного слова с соответствующими лексемами родственных языков. Ср. цахурск. *ин-хаьс*, *йивь-хаьс*, рутульск. *йивь-хьивн*, *ривь-р-хаьрав* (настоящее время III класс), арчинск. *-ахас* (*б-ахас*), *д-ахас* «ударить».

Можно привести целый ряд примеров, доказывающих наличие в лезгинском языке категории грамматических классов. На примерах мы более подробно остановимся в следующих разделах нашей работы, где будут рассматриваться примеры из различных частей речи в сопоставлении их с аналогичными словами из родственных языков и различных диалектов.

В производных от других частей речи окаменелые классные показатели обнаруживаются относительно легко, связь этих имен с образовавшими их классными основами сохранилась более или менее отчетливо, а выявление же окаменелых классных показателей в непроданных основах существительных связано с рядом трудностей, здесь необходим сравнительный анализ этих и соответствующих им основ в других дагестанских языках.

Наличие основ имен существительных с окаменелыми классными показателями двух видов – производных и непроданных – предполагает «окаменение» классных показателей в основах имени двойного происхождения.

а) От классных корней (глагола или других частей речи) образуется имя существительное с показателем того или иного грамматического класса. Если первоначально при возникновении имени такие показатели выражали определенные синтаксические отношения, то с течением времени лексическое значение слова абстрагируется, слово употребляется в обобщенном значении, а показатели классов, представленные в основе, перестают выполнять какие-либо грамматические (синтаксические) функции: однако они, хотя не воспринимаются как грамматически значимые элементы, остаются в основе имени. **срастаются** с ней, т.е. окаменевают.

б) В прошлом изменяемые по грамматическим классам показатели присоединились и к именам существительным, подобно тому, как они присоединялись к формам, согласуемым с данным именем существительным. Иначе говоря, основа имени существительного с

помощью классных показателей различалась по грамматическим классам. В процессе развития и абстрагирования семантики слова, формы других грамматических классов, кроме формы **одного** класса, вышли из употребления. Сохранившаяся форма (с «окаменевшим» показателем одного из классов) стала более устойчивой.

Как известно, в лезгинском, агульском и удинском языках категория грамматических классов утратилась. В этих языках один из окаменевших классных показателей сохраняется на исходе именных или глагольных основ и выступает как стречневой элемент моноконсонантного корня в одной из классных форм. Как обычно, таким элементом оказывается показатель IV класса – класса вещей. Он, закрепляясь при фонетической позиции ауслота, продолжает функционировать в единственном числе и согласуется соответствующим разрядом классно-личных глаголов. Это лучше всего проявляется при сравнительном исследовании причастных форм, особенно при количественных числительных родственных языков, в которых в настоящее время категория грамматических классов функционирует довольно активно.

Числительные в лезгинском языке (6) делятся на количественные, порядковые, дробные, кратные и др. Во всех случаях определяем соответствующие фонетические позиции, при которых выступает окаменевший классный показатель *д*, и прослеживаем особенности его функционирования в составе простых, производных и сложных числительных.

Количественные числительные: *сад* «один», *кьвед* «два», *пуд* «три», *кьуд* «четыре», *вад* «пять», *ругуд* «шесть», *ирид* «семь», *муьжуб* «восемь», *клуб* «девять», *цуд* «десять»; *цусад* «одинадцать», *цикьвед* «двенадцать», *цеипуд* «тринадцать», *цеукьуд* «четырнадцать», *цери* «семнадцать», *цемуьжуб* «восемнадцать», *цеклуб* «девятнадцать». Названия чисел от 1 до 10 оканчиваются на *-д*, который является окаменевшим классным показателем.

Склоняются количественные числительные так же, как субстантивированные прилагательные. Система счета в лезгинском языке двадцатиричная: *кьад* «двадцать», *кьанни цуд* «двадцать+десять», *яцитур* «сорок», *яцитурни цуд* «сорок+десять», *пудкьад* «трижды двадцать», *пудкьадни цуд* «шестьдесят+десять», *кьудкьад* «четырежды двадцать», *кьудкьадни цуд* «четырежды двадцать+десять», *виш* «сто».

В крызском языке сто называется *фухъа-д* «пять раз двадцать». *агъзур* «тысяча». Числительные *сад* «один», *къъвед* «два», сочетаясь с существительным в качестве определения, теряют конечный окаменевший классный показатель *-д*: *са айал* «один ребенок», *къве айал* «два ребенка».

Порядковые числительные образуются при помощи сочетания количественного числительного и причастий *лагъай* «сказанный»: *цуд лагъй* и *цуд лагъайдц* «десятый». В порядковом числительном склоняются лишь его вторая часть, когда она субстантивирована.

Числительные в агульском языке (7) делятся на количественные, порядковые, разделительные, кратные, вопросительные. Система счета в агульском языке в основном десятичная, встречается в говорах также двадцатеричная. Числительные имеют в исходе окаменелый классный показатель: *са-д* «один», *кью-д* «два». *хьибу-д* «три», *йакъу-д* «четыре», *йуьфу-д* «пять», *йерхьи-д* «шесть», *йери-д* «семь», *луйи-д* «восемь», *йеркуь-д* «девять», *йицуд* «десять». Названия чисел от 11 до 20 образуются сочетанием названия единиц с названием десятков, при этом числительное *йицуд* «десять» утрачивает классный показатель в исходе и может при этом утратить и префиксальную часть *-йи*: *ци-сад* «одинадцать», *ци-кьюд* «двенадцать». Числительные от 20 и далее образуются путем присоединения названия количества единиц к названию количества десятков с помощью союза *на* «и» (при этом классный показатель числительного *къа-д* «двадцать» уподобляется согласному *н* союза *на* «и»): *къанна сад* «двадцать один», *вергина сад* «сто один», *агъзурна хьибу вери* «тысяча триста».

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи причастной формы глагола *нас* «сказать»: *пуд*, *пуф*, *пир* (различие – по говорам): *сад пуд*, *сад пуф*, *есар пир* «первый» или «один сказанный» ср. лезг. *сад лугъун кьюд пуд*, *гюд пуф*, *кюр пир* «второй» или «два сказанный». В качестве определения причастная форма выступает без классного показателя: *есар пи каласс* «первый класс». Разделительные числительные образуются удвоением основ числительных, при этом второе числительное имеет суффикс *-ди са-сатти* (<са-са-ди) «по одному»; *хьи-хьибутти* (<хьи-хьибуд-ди) «по три». Кратные числительные образуются посредством частицы *галай*: *са галай* «один раз», *кью галай* «дважды».

Множественное число числительных образуется посредством суффикса *-ар*: *сад-ар* (> *саттар/сар-ар*) «одни», *кьюд*, *кюр* «два» - *кьюд-ар*, *кюр-ар* и т.д.

Числительные в удинском языке (8) делятся на количественные, порядковые, дробные, разделительные и кратные.

Количественные числительные по строению основ делятся на две группы: 1) простые, к которым относятся числительные, называющие числа от 1 до 10, 20, 100, 1000: *са* «один», *плат* «два», *хиб* «три», *бир* «четыре», *хъо* «пять», *уьхъ* «шесть», *вуьгъ* «семь», *муьгъ* «восемь», *вуй* «девять», *вици* «десять», *къа* «двадцать», *бачъ/башъ* «сто», *чъазар//сагъазар* «тысяча», одна тысяча; 2) сложные, к которым относятся все остальные числительные, например: *саццие* «одинадцать», *сакъоса* «двадцать один», *сакъовици* «тридцать», *платкьол* «сорок», *пакъавици* «пятьдесят», *хибкьол* «шестдесят», *хибкьовици* «семьдесят», *биньвици* «восемьдесят», *бинкьовици* «девяносто», *платбачъ* «двести».

Порядковые числительные образуются с помощью специального суффикса *-ум-дъси//м-дъси*: *саумдъси/самдъси* «первый» (*са* «один»). Порядковые числительные образуются при помощи окончания родительного падежа *-ун*, что надо признать более архаичным явлением: *са-ун* «первый», *платун* «второй» (*плат* «два»).

Разделительные числительные производятся путем удвоения субстантивированных числительных: *сѳ-со* < *са-о+са-о* «по одному».

Кратные числительные образуются с помощью заимствованного слова *караьн* «раз»: *са караьн* «один раз», *вице караьн* «сто раз».

Прежде чем провести сравнительный анализ и обобщить представленный выше материал по числительным лезгинского, агульского и удинского языков, который мною был использован с благодарностью, считаю себя обязанным выразить глубокую признательность авторам: У.А.Мейлановой, А.А.Магометову, В.Н.Панчвидзе и Е.Ф.Джейранишвили, В.Гукасяну, Саадиёву Ш.М. (9).

Материал, которым мы пользуемся, оказывает нам неоценимую услугу при сравнительном анализе системы окаменевших классных показателей.

Что касается классного показателя *д*, то он занимает в этой системе особое место. Классный показатель *д* является основным компонентом не только в системе именных и глагольных основ, он

также выступает как важнейший элемент в образовании причастных форм, выражая различные типы атрибутивных отношений.

Показатель *д* является основным рычагом, определяющим процесс варьирования классных показателей на различные типы звуков, связанных с соответствующими фонетическими позициями. *-д>-м*, *-д>-дж*, *-д>-мл*. Он указывает и на тенденцию к сокращению числа классных показателей. Естественно, для этого важно определить причину происхождения в них процессов. Для ясности потребуется провести сравнительное исследование категории грамматических классов в языках, в которых она функционирует активно.

Мы твердо уверены в том, что при глубоком исследовании намеченной нами темы с учетом привлечения в неё периферийных факторов, породившихся под влиянием иного рода причин, обнаруживаются предполагаемые нами дополнительные изменения в системе окаменевших классных показателей. По тем же причинам предопределяется и процесс падения классных показателей или иных компонентов из состава грамматических форм.

Картина выясняется при сравнении окаменевших классных показателей с системой классных показателей в языках, в которых функционирует категория грамматических классов в частности, в крызском, будухском, цахурском, рутульском и других языках лезгинской группы.

Прежде всего, считаю необходимым отметить, что автор настоящей статьи является носителем **крызского языка**, т.е. крызец (а по-крызски *кьырыцаь глабийд* “находящийся в кырышаь”). Основа глагола *глабийд* имеет причастную форму настоящего времени с классным показателем *д*. *Находящийся* может оказаться мужчина (I кл.), женщина, животное (II кл. и III кл.) и вещь (IV кл.). Именно поэтому, говоря о классном показателе *д*, решили выделить ему особое место и в данном случае. Из всех классных показателей, которые соответственно распределяются по именным классам больше всего используется показатель *д*. Сфера употребления классного показателя *д* значительно шире, чем остальных классных показателей. Обращаясь к материалам по крызскому языку, принадлежащим крызоведу Ш.М.Саадиеву (6), хочу отметить, что он, скрупулезно изучая собранный материал, умело пользовался им. Только в одном случае мы расходимся с ним во мнениях. Это был вопрос, связанный с лабиализацией смычногортанных согласных. В крызском языке смычногортанные согласные не лабиализуются. А он во всех случаях отмечал лабиализацию смычногортанных согласных. Наше мнение было поддержано Б.Б.Талибовым в его монографии “Сравнительная фонетика лезгинских языков” (10, 158).

Касаясь причастных форм, следует особо отметить, что при причастных формах довольно чаще в качестве классного показателя используются гласные звуки. Например, *лаь риш кьырыцаь глабийду* “эта девушка есть находящаяся в кризе” (II кл.), *лаьм глабийаьл кьырыцаь глабийди* “этот ребенок есть находящийся в кризе” (II кл.), *ли чаьл кьырыцаь глабийджи* (IV кл.) “это слово есть находящееся в кризе”. В этом смысле это слово часто используется, употребляется крызцами.

Итак, после предварительного рассмотрения специфики и сферы употребления классного показателя *д* переходим к **числительным** крызского языка.

Количественные числительные (с показателем IV кл.): *саьд* “один”, *кьод* “два”, *шибыд* “три”, *йукьуд* “четыре”, *фыд* “пять”, *рыхьыд* “шесть”, *йыгыд* “семь”, *мигыд* “восемь”, *йигид* “девять”, *йыцыд* “десять”, *кьад* “двадцать”; числительное *газыр* “тысяча” персидского происхождения.

Количественные числительные перед определяемыми существительными имеют классные показатели *-р* (I кл.), *-б* (II-III кл.), *-д* (IV кл.): *кьо-р фири* “два мужчины”, *кьо-б риш* “две девушки”, *кьо-б гаьч* “две кошки”, *кьо-д каьнти* “два ножа”. Гласный *а* сохраняется в числительном *са-р* “один” перед показателем *-рь* (II кл., III кл.), *шибыд* (IV кл.), *шиб* (II и III кл.). Предположительно правильная форма для II и III кл. *шибы-б*. Заимствованное *газыр* “тысяча” – без классного показателя.

Количественные числительные перед определяемыми существительными имеют классные показатели *-р* (I кл.), *-б* (II-III кл.), *-д* (IV кл.): *кьо-р фири* “два мужчины”, *кьо-б риш* “две девушки”, *кьо-б гаьч* “две кошки”, *кьо-д каьнти* “два ножа”. Гласный *а* сохраняется в числительном *са-р* “один” перед показателем *-рь* (II кл., III кл.), *шибыд* (IV кл.), *шиб* (II и III кл.). Предположительно правильная форма для II и III кл. *шибы-б*. Заимствованное *газыр* “тысяча” – без классного показателя.

В составных числительных только последняя часть согласуется с существительным, а остальные имеют показатель IV класса *-д*: *кьо-д фыхьар фири* «двести мужчин» (букв. две пять раз двадцать мужчин), а двести пятьдесят мужчин будет *кьод фыхьа – наь + йыцыр фири* (букв. двести пять раз двадцать + десять мужчин), *шибыд фыхьаб хыныб* “триста женщин”, *шибыд фыхьад канти* «триста ножей».

В числительных от 11 до 20 вместо *йыцыд* “десять” выступает основа *цыннаь* (<щьд+наь): *цыннаь саьд* “одиннадцать”, *цыннаь*

кьод “двенадцать”. Аналогичным образом *кьад* “двадцать+на” > *кья(н)-на*: *кья(н)+на сад* «двадцать один», *кья(н)+на кьод* «двадцать два».

В кризском языке двадцатеричная система отчисления с единицей *кьад* «двадцать», которая повторяется после *кьад* «два» (>*хьо+кьад*) + *кьад* (букв. дважды, трижды, четырежды двадцать).

Перед склоняемыми существительными количественные числительные имеют косвенную основу (основа числительного+*джи*): *сынджи*<*саьд*, *кьунджи*<*кьод*, *шибджи*<*шибид*, *йукьджи*<*йукьуд*, *фыджи*<*фыд*, *рыхьджи*<*рыхьыд*, *йихьджи*<*йихьыд*, *мигьджи*<*мигьыд*, *йичиджи*<*йичид*, *йыциджи*<*йичид*, *йыциджи*<*йыцид*. Примеры:

им. сар *глаьйаьл* “один мальчик”

род. *сынджи глаьйаьлджи*

эрг. *сынджи глаьйаьлдир*

дат. *сынджи глаьйаьлджис*

В случае субстантивации числительные склоняются по общим правилам: са итем «один мужчина», сад клар «одна палка». При этом основы слов, означающих разумные и неразумные существа, в косвенных падежах различны:

Разумные существа	Неразумные существа
Им. <i>са-р, саь-б</i> “один”	<i>са-б, саь-б</i>
Род. <i>сынджи</i>	<i>сынджи</i>
Эрг. <i>сынджир//сындыр</i>	<i>сынджир</i>
Дат. <i>сыдыс</i>	<i>сынджис</i>

Система счета в *будухском языке* (11) двадцатиричная. Количественные числительные изменяются по грамматическим классам, показатель которых присоединяется к основе количественного числительного: *са-б* (*са-р, са-д*) “один”, *кья-б* (*кья-р, кья-д*) “два”, *шу-б* (*шубур, шубуд*) “три”, *йукь-у-р* (*йуь-уд, йукь-у-б*) “четыре”, *фу-р* “пять”, *раьхьаьр, раьхьаь-б* “шесть”, *йийид* (*йийиб*) “семь”, *маьйаь-р* (*маьйаь-б*) “восемь”, *вичици-б* (*вичици-д*), *вичицип* (*вичицип*) “девять”, *йициабь-р* (*йициабь-б*) “десять”, *эснаь са-д* “одиннадцать”, *эсна кья-б//р* “двенадцать”, *кха-д* “двадцать”, *кхана с-ар* “двадцать один”, *кхана кья-р* “двадцать два”, *кхана йициабьр* “тридцать”, но *кхана эсна са-р* “тридцать один”, *кьухха-д* (*кьух-й*) “сорок”, “дважды двадцать”, *кьук-*

хана йициабьр “пятьдесят”, *шубкхад* (*шубкха-р, шубкха-б*) “трижды двадцать”, *шубкхана йициабьр* “семьдесят”, *йуккха-д* “четырежды двадцать”, *йуккхана йициабьр* “четырежды двадцать+десять”, *фуккха-д//фуккха-д* “сто”, *са-д фуккха кья-р*, (*кья-д, кья-б*) “сто два”, *вичици-д хазарма вичици-д фуккхана йуккхана эсна вичици-р* “девять тысяч девятьсот девять”. При количественном числительном имя существительное употребляется в именительном падеже единственного числа: *фур хтедже* “пять женщин”, *фуб йеч* “пять яблок”.

Количественное числительное, выступающее в функции определения при определении имени разумного существа, как правило, получает классный показатель *р*: *са-р фури* «один мужчина», *са-р ада* «один отец», (к исключениям относятся *са-р//са-б рижэ* «одна девочка», *са-р, са-б хтеджи* «одна женщина»). Количественные числительные, сочетающиеся с названиями неразумных существ, имеют классный показатель *-б* (*са-б хиль* «одна лошадь», *са-б зор* «одна корова»), с наименованием предметов и понятий - *-д* (*сад ибр, сад сил* «одно ухо», «один зуб»). В смешанном классе количественные числительные, сочетающиеся с названиями некоторых разумных существ и предметов, принимают классный показатель *-б*: *са-б йеч* «одно яблоко», *са-б кьул* «один дом”.

Количественные числительные, употребляемые в функции определения, во всех косвенных падежах единственного и множественного чисел имеют окончание *-джи*: *кьун-джи хтеджи-з* “двум женщинам”, *кьун-джи хтеджух* “о двух женщинах”. При самостоятельном склонении количественные числительные получают те же падежные окончания, что и имена существительные. При этом количественные числительные, которые относятся к разумным существам, имеют форму типа *сундаз* (дат. пад.) «одному» - имеется ввиду разумное существо), *кьундаз* (дат. пад.) “двум”: если такое числительное относится к неразумным существам и предметам, то оно в дательном падеже принимает форму *сунджуз* «одному», *кьунджуз* «двум».

Все порядковые числительные заимствованы из азербайджанского языка. Исконные порядковые числительные типа *кьаданджи* «второй» почти утрачены.

Категория грамматических классов, как ярко выраженная морфологическая категория, где выделяются три и четыре класса, представлена ныне в аваро-андо-дидойских языках, в даргинском, лакском языках, но утрачена в ряде лезгинских языках. «Переходная

ступень представлена в табасаранском языке. – территориально расположенном между языками, где в одних случаях хорошо сохранились грамматические классы (на севере) и где в других случаях категория грамматических классов утрачена (на юге и юго-западе)». В остальных лезгинских языках (рутульском, цахурском, крызском, будухском, хиналугском, арчинском) сохранилась четырехклассная система». В табасаранском языке, как указывает А.А.Магометов, в настоящее время представлены два грамматических класса: класс человека и класс вещей. Показатели класса человека:

д, р, й (*д>/р>/й*)

класса вещей:

б, в, ф (*б>/в>/ф*).

Числительные как при самостоятельном употреблении, так и при определяемом в табасаранском языке изменяются по грамматическим классам (и по числам) (12):

са-б (*са-в*) «один» (кл.вещ. ед.ч.)

са-р «один» (кл.чел. ед.ч.)

са-д-ар (южн. диал.), *са-р-ар* (сев.диал.), *се-й* (дуб.гов.) «одни».

са-б (*сав*) *хлайван* «одна лошадь» ср. крызск. *сав-б*, *балкан* «одна лошадь»

са-б (*са-в*) *ктул* «одна голова» ср. крызск. *сав-б кьыл* «одна голова»

са-р ерми «один человек» ср. крызск. *са-р адми* «один человек»

са-р риш «одна девушка» ср. крызск. *сав-б риш* «одна девушка»

са-д-ар (*са-р-ар, се-й*) *йасар* «одни быки»

са-а-ар (*са-р-ар, се-й*) *ермийар* «одни люди»

В этом случае в отличие от табасаранского языка в крызском языке во множественном числе формы «одни» отсутствуют.

Классный показатель, выражающий множественное число следует за определяемым именем *адми+йер* «люди».

В числительных табасаранского языка отмечается тенденция к утрате категории грамматического класса: при десятичной системе счета в десятках, начиная с 30-ти, классный показатель *р* окаменел *симчтур ерми* «30 человек», *симчтур хлейван* «30 лошадей». Аналогично этому: *йахьци-ур* «40», *хьциур ур* «50», *йирциур* «60», *иргьциур* «70», *миржцуур* «80», *гьурциур* «90».

При двадцатеричной системе классные показатели в десятках сменяются, поскольку в числительных *йициуб* «10» и *кьаб* «20»

классные показатели не окаменели: *шиббуб кьаб* «60 лошадей», *шиббу-р кьа-р ерми* «60 человек».

При наличии смешанной системы счета – двадцатеричной с десятичной – в числительных десятках, образованных по десятичной системе, начиная с 30-ти, классный показатель *р* не функционирует. В числительных, образованных по двадцатеричной системе классный показатель изменяется: *хьциур* «50» (кл.вещ. и кл.чел.), *шибби-гь кьаб* (кл.вещ.), *шибби-р кьа-р* (кл.чел.) «60».

В сложных числительных классный показатель *р* в исходе десятков ассимилируется с *н*, образуя комплекс *ни*: *кьанна саб* «21», *йархцинна хьуб* «45», *сими цунна* (<*симициурна*) *сав* «31», ср. *варжуна саб* «101».

Характерно, что в агульском языке, при наличии в простых числительных окаменелого классного показателя *д* в десятках, начиная с «30»-ти в исходе представлен окаменелый классный показатель *р*: *са-д, кьуб-б, шибуд* «3».

Ср. *шивциур* «30», *йахциур* «40».

Числительное *варжа* «100» в табасаранском языке сохранили окаменелый классный показатель в качестве префикса: ср. агульский язык *варш*, даргинский язык *даршал*, лакский язык *турушба* (<*дуршба*) «100».

Некоторые числительные, имея в исходе изменяющиеся классные показатели, сохранили окаменелые классные компоненты в качестве префикса: *йа-кьуб* «4», *йирхьуб* «6», *йициуб* «10».

Таким образом, в числительных табасаранского языка представлены в единственном числе изменяющиеся классные экспоненты: *б* (*в*) – для кл. вещей, *р* – для класса человека, а во множественном числе – в зависимости от говоров – один из классных показателей: *д, р, й* – независимо от категории человека или вещей.

Количественные числительные табасаранского языка имеют в исходе изменяющиеся экспоненты грамматических классов *-б* (*в*) – для класса вещей, *-р* – для класса человека. Однако окаменение классного показателя в десятках, начиная с «30»-ти – это уже признак постепенной утраты категории грамматических классов и в числительных табасаранского языка, процесса, уже завершающегося в соседних – лезгинском и агульском языках.

1 - <i>са-б/р</i> (<i>саъа-в/р</i>)	6 - <i>йирхъу-б/р</i> , <i>ирхъиб/р</i> , <i>йирхъи-в/р</i>
2 - <i>къуь-б/р</i> (<i>къуь-в/р</i>)	7 - <i>ургъу-б/р</i> (<i>ургъи-в/р</i>)
3 - <i>шуббуь-б/р</i> (<i>шуббу-в/р</i>)	8 - <i>миржиб/р</i> (<i>миржу-в/р</i>)
4 - <i>йукъу-б/р</i> (<i>йакъи-в/р</i>)	9 - <i>урчи-б/р</i> (<i>урчи-в/р</i>)
5 - <i>хъу-б/р</i> (<i>хъу-в/р</i>)	10 - <i>йици-б/р</i> (<i>йици-в/р</i>)

Некоторые числительные сохранили префикс, окаменелый классный показатель (*й-ирхъуб* «шесть», *йициуб* «десять»), ряд числительных утратил префиксальную часть (*саб* «один», *къуьб* «два»).

В лезгинском языке, где широко представлена утрата начальной части слога, числительное может утратить даже корневой согласный, сохранив лишь суффиксальную часть (лезг. яз. пид, ср. табас. *шиббуб*, агульск. *хъи-буд* «три»).

Числительные от 11-ти до 20-ти являются сложными, состоят из «десяти» и соответствующих единиц.

При присоединении единиц к «десяти» возможны фонетические изменения: утрата суффиксальной части числительного «десять» и префиксальной части в единицах.

Числительные самостоятельно склоняются в атрибутивной функции перед определяемым именем, в отличие от прилагательного согласуются с определяемым по грамматическим классам:

им. *хъур* (кл. чел.), *хъув* (кл. вещ.) «пять»

эрг. *хъур-ди* *хъув-ди*

им. *хъур ерми* «пять человек», *хъув хлаьйван* «пять лошадей»

эрг. *хъур ерин-йи*, *хъув хлаьйвун-и*

род. *хъур ерти-н*, *хъув хлаьйвун-и-н*

В образовании количественных числительных между диалектами удинского языка имеются расхождения: в ниджском десятки обозначаются как в азербайджанском языке, десятиричной, а в варташенском диалекте – двадцатеричной системой, которая характерна для иберийско-кавказских языков.

В обоих диалектах счет от 11-ти до 12-ти ведется как в русском языке: *са+цице* «один+надцать», *та+цице* «две+надцать», *хъо+цице* «пять+надцать» и т.д. этим количественные числительные от 11-ти до 19-ти удинского языка отличаются от других родственных языков. Например, в лезгинском языке *цуд* «десять», а *цуд+сад* «десять+один». Таким же путем образуются количественные числительные от 11-ти до 19-ти в крызском языке, будухском и хинатутском языках.

Числительные от 20-ти до 29-ти в обоих диалектах образуются повторением *са* «один»: *са+къо+са* «21» (один+двадцать+один). Таким же путем наблюдается отличие от родственных языков, где сперва идет «20», а затем 1-9 (например лезг. *къанни+сад* «20+1», *къанни+вад* «20+5» и т.д.).

Числительные от 100 до 900 образуются сочетанием единиц и сотен (*пиаь+бач* «двести», *хъо+бач* «пятьсот» и т.д.).

Количественные числительные в удинском языке следующие: *са* «1», *пиаь* «2», *хиб* «3», *бинп* «4», *хъо* «5», *уьхъ* «6», *вуйъгъ* «7», *муьгъ* «8», *вун* «9», *вици* «10», *саци* «11», *пиаце* «12», *хибеце* «13», *бинтеце* «14», *хъоце* «15», *уьхъеце* «16», *вуйъгеце* «17», *муьгеце* «18», *вуйеце* «19», *къа* «20», *сакъоса* «21», *са+къо+вуй* «29», *са+къо+вици* «30» (букв. один+двадцать+десять), *пиаькъо* «дважды двадцать», *хибкъо* «60» (трижды двадцать), *бинпкъо* «80» (четырежды двадцать), *бач* «100», *гъазар* «1000». Имена числительные склоняются как имена прилагательные. При этом существительное ставится в единственном числе, если оно означает неодушевленный предмет. Существительное же, означающее одушевленный предмет, ставится во множественном числе.

Числительные. В табасаранском и рутульском языках, относящихся к лезгинской группе, числительные снабжаются одним из классных формантов *р*, *б*, *д* в зависимости от класса имени определяемого числительным. Причем *д* в табасаранских числительных появляются очень редко, лишь перед несколькими числительными и несколькими существительными, «по-видимому..., является пережитком, сохранившим от того прежнего состояния, когда табасаранский язык различал большее число классов» (13, 93). А в агульском языке, который также принадлежит к лезгинской группе, классные показатели также, как и в лезгинской, полностью окаменели.

Но здесь каждый из формантов *д*, *р*, превращаясь в окаменелые элементы, закрепился в каком-то диалекте, так, элементу *р* числительных команского диалекта в других диалектах соответствует *д* (14, 50, 51).

Что касается лезгинского языка, то во всех его диалектах в числительных сохранился лишь элемент *д*. Элемент *р* мы встречаем только в одном сложном числительном *яхциу-р* «сорок» и числительных *яхциур агъзу-р* «тысяча» представляет собой фрагмент десятиричной системы счета, вклинившийся в двадцатичную числительных.

В любых сочетаниях числительного с другими словами *д* и *р* остаются неподвижными звуковыми элементами, сросшимися с корнями числительных. Однако числительные *сад* «один» и *кьвед* «два» показывают, что эти элементы не входят в корень числительного, не всегда были такими застывшими элементами. Наоборот, когда-то эти элементы были подвижными, менялись при сочетании с существительными, очевидно, в зависимости от класса последних. В числительных *сад* и *кьвед*, в отличие от остальных числительных, перед определяемым существительным отпадает элемент *д*, сохраняющийся в других случаях. Например, *са аял* «один ребенок», *са гьил* «одна рука», *са кьвале* «в одном доме», *кьве туб* «два пальца» и т.д. только в старинных песнях и стихотворениях и перед некоторыми существительными мы находим числительное *сад*, а иногда и *кьвед* с конечным элементом *д*. Так например, *я сад Аллагь, вун кьмек хьуй!* «о единый Аллах, помоги нам!». Кроме этого, числительные *сад* и *кьвед* употребляются в некоторых диалектах (например, кубинском) с существительным *фу* «хлеб», не теряя элемента *д*: *сад фу* «один хлеб», *кьвед* «два хлеба». Следует также отметить, что параллельно с этим употребляется и «традиционная» форма, при которой элемент *д* отпадает: *са фу*, *кьве фу*.

Некоторые числительные в лезгинском языке сохранили также окаменелый элемент в префиксе:

Лезгинский *р* – *гуд* «шесть», сравнивая агульский *йерхьид*, табасаранский *йирхьуб/р*;

Лезгинский *м* – *уьжубд* «восемь»: сравнивая агульский *муьад*, табасаранский *муржиб/р*.

В данных числительных представлены префиксы, окаменелые классные показатели *рим*.

По мнению А.А.Магометова, начальный элемент числительного «сто» в языках лезгинской группы, а также некоторых других дагестанских языках является сохранившийся окаменелый классный показатель (13-52). Так, числительному *виш* «сто» в лезгинском языке соответствует *баьри* или *ив* в агульском, *даршал* в даргинском, *ттурш* (<дури) в лакском, *варж* (// *вардж*) в табасаранском.

Местоимения. Впервые вопрос о наличии в местоимениях лезгинского языка окаменелых показателей грамматического класса рассматривается У.А.Мейлановой в работе «О категории грамматического класса в лезгинском языке» (Ученые записки ИИЯЛ Даг.

Фил. АН СССР, т.10, Махачкала, 1962).

В данной статье мы несколько подробно рассматривали функционирование классных показателей в системе глагольных и именных основ, значительно шире была проанализирована система окаменевших классных показателей в составе различных разрядов числительных, сравнивая их с категорией грамматических классов в языках, в которых она активно функционирует.

Что касается подробного анализа функционирования классных показателей в системе различных разрядов прилагательных, причастий и других частей речи, материалами которых мы располагаем, мы намерены обобщить в последующих своих работах.

В качестве предварительных сведений предполагаемого механизма дальнейших рассуждений даем краткий анализ местоименных разрядов лезгинского языка.

Да и встречаются окаменелые классные показатели в лезгинских местоимениях крайне редко.

Формант *д* в личном местоимении третьего лица единственного числа, присоединяемый к нему в эргативном и образуемых от его основы других косвенных падежах не находит себе сопоставления в родственных языках. Как и в именах прилагательных, элемент *д* противопоставляется во множественном числе элементу *б*: *ада* эрг. п.ед. ч. от местоимения *ам* «он» *абур* «они» сравнивая *чулавди* «черный», *чулавбур* «черные». Формант *б* здесь следует относить к показателю множественного числа. А само местоимение, вернее приведенные его формы, являются производными от указанного местоимения *а* «тот» и *а+бур* «те».

В возвратном местоимении *чеб*, образованном от *вич* «сам», исходный согласный *б* является окаменелым классным показателем: сравнивая агульский *чаб* или *чав*, табасаранский *чиб/чив*, крыз. *джиб*, цахур. *джаб*, рут. *джвер*, удин. *ичор* «сами», где *б/в*, *р* суть окаменелые классные показатели.

Сравним с даргинскими возвратными местоимениями: *са-в/-й/-б/* «сам /а/о», во множественном числе *са-б/-д/* «сами» (в исходе представлены изменяющиеся классные экспоненты).

В связи с этимологическим изучением структурных типов глагольных основ в дагестанских языках перед нами встает трудная задача – провести историко-типологический анализ непосредственно составляющих компонентов в системе глагольного словообразова-

ния. В этом смысле наиболее удобный для нас язык в системе дагестанских языков является крызский язык. Так как в нем наиболее обильно представлены фонетические, семантические, ярко выраженные морфологические и синтаксические элементы, функционирующие в системе всех частей речи. Они лучше всего обнаруживаются в составе различных типов глагольных основ. С этой точки зрения особое место в системе глагольных парадигм занимают классные показатели. Как известно, категория грамматических классов красной нитью проходит во всех уровнях структуры языка. При этом в каждом случае, анализируя структуру глагольных основ, выявляем причины их семантического обособления и определяем грамматическую функцию каждого элемента.

а) Простейшие глагольные основы, состоящие из гласного и согласного, например, срв. крыз. - авз "дои" (молоко) IV класс, в-авз III класс (корову); -авт I класс "бей его", в-авт II класс "бей" (ее); -иш I класс "заплачь"(он), в-иш (II класс) "заплачь" (она); -уз (I класс) "зажги" (его), в-уз (II класс) "зажги" (ее) и т.д.

Определяя пути эволюции первичных глагольных основ, следует выяснить, относится ли начальный гласный звук к корню или он является частью утраченного классного показателя. Это позволяет определить не только структуру первичных глагольных корней, но и состав классных показателей. Мы не склонны считать начальный гласный звук в приведенных выше типах глагольных основ частью утраченного классного показателя, несмотря даже на то, что тот или иной классный показатель в известной мере определяет качество, тембр последующего гласного.

В таких случаях мы сталкиваемся с чисто звуковыми изменениями, обусловленными различными фонетическими позициями. Например, в глаголе йер "делай" (IV класс) гласный переднего ряда е во втором классе в (в-авр) переходит в более широкий гласный ав и становится гласным нижнего подъема.

Такое же явление могло возникнуть и с неизвестными корневыми гласными в глаголах типа авт, ух, в последствии перешедшими в ав и у под влиянием предполагаемого нами классного показателя в, утраченного в настоящее время.

Изменение качества гласного под влиянием классного показателя в наблюдается и в производных формах.

Во многих временных формах грамматические классы разли-

чаются конечными гласными: тугъри (I класс), тугъру (II класс) "несет"; чисни "пишет" (I класс), чисну (II класс) и т.д.

Однако это не значит, что конечные гласные здесь являются только классными показателями. В данном случае временной формант и переходит в у под влиянием утраченного классного показателя в, функционирующего еще в формах будущего времени. Тугърав "отнесет" (I класс), тугъров (II класс); чиснав "напишет" (I класс), чиснов (II класс).

Здесь так же, как и выше, показатель будущего времени ав переходит в лабиальный звук о под влиянием классного показателя в. Во многих говорах крызского языка конечный в в данной фонетической позиции трудно прослеживается. Следовательно, классный показатель в влияет на предшествующий ему, или следующий за ним гласный, независимо от того является этот гласный корневым элементом или элементом аффиксальным. Нет оснований рассматривать гласный в односложных глаголах типа ух, уз и т.д. [в']- элементом утраченного классного показателя следует еще считать по признакам его дифференциации в системе временных форм:

1. Большое количество глаголов типа (Г+С) выражает конкретное отношение только при сочетании с вспомогательными глаголами.

2. В глаголах подобного типа рассматриваемые гласные имеют значение самостоятельной фонемы: авт "бей", ет "оставь", авци "узнай".

3. Очень часто предшествующий согласному гласный, в отличие от классных показателей, имеет иные грамматические функции.

йити (IV класс) вити (III класс) "рви"

йет (I класс) вайти (II класс) "отрежь"

Здесь мы имеем две возможности: или признать наличие трех соотносительных пар классных показателей йи: ви, йав: вав, йу: ва или, рассмотрев гласные и, ав, у как корневой элемент, выделить й и в в качестве классных показателей.

По поводу структуры классных показателей проф. Ю.Д.Дешериев пишет: "Нет основания сомневаться в том, что классные показатели в, б, д, й, когда – то были сложными. В их состав должны были входить и гласные элементы. В истории нахских языков не обнаруживаются факты, которые свидетельствовали бы о существовании в них сложных классных показателей, состоящих из соглас-

ного и гласного элементов. Напротив, всюду классные префиксы *в, б, д, й* представлены морфологически изолированно от следующих за ним согласных" (15, 383).

б) Производные основы. **Первичная глагольная основа** во всех дагестанских языках осложняется также за счет превербов, выступающих как средство выражения пространственных отношений. В настоящее время простая глагольная основа, сочетаясь с каким-либо конкретным превербом, становится семантически целой **производной основой**.

Например, в глаголах *гябшаь* "иди сверху вниз", *кьабшаь* "иди снизу вверх", *кьабчи* "выйди из...", *гябчи* "войди в ..." первичные корни *шаь, аьчи* не имеют лексического значения, ибо указанные корни, без превербов *кьаб-, гяб-* не употребляются. То, что элементы *шаь* и *аьчи* и др. в прошлом были самостоятельными словами подтверждается их наличие в родственных языках. Например, в лезгинском языке корни *шаь* "пойдем", *айа* "делай", *яхи* "бей" употребляются без превербов. По всей вероятности, в лезгинском языке также как и во многих родственных ему языках глаголам типа *шаь, айа, йахи* предшествовали глагольные превербы и классные показатели, которые впоследствии либо утратили свою грамматическую функцию, либо же исчезли окончательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arn.Tshikobawa. Die ibero-kaukasische aebirgssprachen und der heitige Stamdihrer Eroforrschung in aeorgien.-"Acta Orientalia Hungariça"Т.IX.Faşç.2,Budapest,1959, s.128.

2. В данной статье автор с благодарностью использовал материалы, изложенные И.Х.Абдуллаевым по данной категории в его монографии: "Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка". Махачкала, 1974.

3. Дешериев Ю.Д. Система грамматических классов в бацбийском языке. - Труды Института языкознания АН СССР, т.1, М., 1952, с.205.

4. Об именных классификациях в различных языках мира см.: М.Я.Немировский. Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций. - Известия Ингушского Научно-исследовательского

института, т.IV, вып.2, Ордженикидзе-Грозный, 1935, с.202-249; С.Д.Кацнельсон. Типология языков и речевое мышление. Л.,1972 г.

5. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963, стр.383.

6. Большинство из приведенных здесь примеров взято из монографии И.Х.Абдуллаева. "Категория грамматических классов...". Махачкала, 1974, С.63.

7. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр.27.

8. Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, с.281.

9. Мейланова У.А. Лезгинский язык. Языки народов СССР. Том 4. Москва. 1967, с.533; Магомедов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970, с.94; Гукасян В. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, с.274; Саадиёв Ш.М. Крызский язык. Языки народов СССР. Т. IV, М., 1967, с.634.

10. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. Наука, М., 1980, с.228.

11. Дешериев Ю.Д. Будухский язык. Языки народов СССР. Т. IV, Наука, М., 1967, с.634.

12. Магомедов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с.159.

13. Магомедов А.А. Указ. соч.

14. Магомедов А.А. Указ. соч.

15. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963, с.383.

XÜLASƏ

Cins və sinfin ad təsnifatı ilk növbədə özünü isimlərin bir sıra qrup və dərəcələrə bölünməsinə göstərir. Və bu münasibətdə «qrammatik cins», «ad sinfi» anlayışları bir sırada duran məvhumlardır. Müxtəlif dillərdə isimlərin sözügedən qruplara bölgüsünün əsasında müxtəlif prinsiplər durur: isimlər canlı və cansızlara, şəxs və qeyri-şəxs, düşünən və düşünməyənlərə bölünür.

Qrammatik təsnifat deyiləndə müəyyən təsnifat göstəricisi ilə seçi-

lən isimlər qrupu birləşdirilən leksika-qrammatik kateqoriya nəzərdə tutulur. İberiya-Qafqaz dillərində işimlərin təsnifatı üçün şəxsiyyət və əşya prinsipi əsas götürülür. Buna əsaslanaraq Dağıstan dillərinin quruluşunu səciyyəvləndirən binar qarşıdurmasından (oppozisiya) danışmaq olar.

SUMMARY

The present paper is devoted to the following theoretical problems:

1. It defines types of nominal and verbal stems; respectively analyzes grammatical characteristics, determining paradigmatic types in the system of forming of verbal forms and nominal forms.

2. The paper also defines fossilized class indicators, that extincted in the language systems of Lezghin group (Lezghin, Agul and Udin languages)

3. It also defines typological compliances of class indicators in Daghestani languages.

4. It also defines the types of conjugations of class and personal indicators.

5. It defines the principles of distribution of class indicators in word forms (distribution in the composition of nominal and verbal word forms in their prefix, suffix and infix positions).

MÜNDƏRİCAT / СОДЕРЖАНИЕ

Ön söz.....	3
Предисловие.....	4
Preface.....	5
Aslanxanova G.Z. Ləzgi ədəbi dilində Azərbaycan dilindən alınmış bağlayıcılar	6
Азизов Ш. К., Аббасова М.А., Алиев А.А. Карта Карабага и ее значение для изучения истории и топонимики	13
Алексеев М.Е., Хидиров В.С. Способы выражения переходности/непереходности глагола в дагестанских языках	22
Алиев А.А. Карабахское ханство (к вопросу о предыстории образования)	35
Алиева Г.Б. Билингвизм в литературе	49
Əliyeva V. Azərbaycan dilinin şimal-qərb dialektinin Zaqatala-Balakən şivəsi	65
Баширов Н.Д. Отрицательная частица не в русском и талышском языках	70
Гаджиев К. А. О некоторых элементах национально-культурного мировидения лезгинского народа	83
Гасанов С. Г. Лезгинские эпические сказания о богатыре шарвили (основные направления изучения)	88
Насиəли Ş. Н. İngiloylarda novruz	102
Насиəли Ş. Н. İngiloy xalq yaradıcılığı	106
Kazımov İ.B. Axısqa-gürcü dil kontaktlarına dair	116
Кананчев З.В. Эллинистический мир и Кавказская Албания	129
Мамедли А.М. Черкесы в русских источниках	142
Tıpaueva A.K. Avar dilinin leksik tərkibi. Avar dili haqqında ümumi məlumat (formalaşma tarixi və öyrənilməsi)	148
Хидиров В.С. Функционирование категории грамматических классов в системе словообразования в именных и глагольных основах дагестанских языков	157
Хидиров Н.В. Функционирование категории грамматических классов в дагестанских языках	193

Çapa imzalanıb: 03.02.2005
Format 60x84 1/16. Qarnitur: Times.
Həcmi 13,75 ç.v. Tiraj 100. Sifariş 12.
Qiyməti müqavilə ilə

«Mütərcim» TM
Bakı şəh., Rəsul Rza küç., 125.
Tel./faks: (99412) 499 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

AR 2005
364

Baki, Rəsul Rza, 125
(99412) 499 21 44
mutarjim@mail.ru